

УИИТЕР
РЕНЩОУ

ЛЮБОВЬ — ЭТО
НЕ СКАЗКА

DO
MIA
ST

* VK.COM/KN_BOOKS *

Его зовут Ройал, но он вовсе не прекрасный принц. Он вообще к принцам отношения не имеет, хотя, наверное, можно сказать, что я когда-то любила его. Он лучший друг моего старшего брата. Пока мы росли, Ройал обедал у нас каждую субботу, беспощадно дразнил меня и делал вид, что я раздражаю его. Когда я стала достаточно взрослой, он пригласил меня на первое в моей жизни свидание. Ройал научил меня водить машину. Сопровождал на выпускной бал. Подарил мне мой первый поцелуй... среди всего прочего. С ним я испытала вкус первой, всепоглощающей и удивительной любви с бессонными ночами. Впереди у нас была целая жизнь. Для меня не существовало других парней, кроме него. Но он вдруг исчез. Ни писем, ни объяснений, ни банального «пока». Мой брат и сестры так и не простили его, а родители запретили произносить его имя в нашем доме. По сути, мы стали делать вид, словно Ройала Локхарта никогда и не существовало. Последние семь лет я провела, тщетно пытаясь забыть свою первую любовь, но когда стало казаться, что я могу двигаться дальше, угадайте, кто вернулся в город?

РОЙАЛ

Автор: Уинтер Реншоу

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Рикстон Фоллс #1 (про разных героев)

Номер в серии: 1

Главы: Пролог+48 глав+Эпилог

Переводчик: Галя Я.

Редакторы: Ирина К. (1–4 гл), Кристина А. (с 5-ой главы), Женя Б.

Вычитка и оформление: Натали И.

Обложка: Таня П.

Деми, 10 лет

Пятнадцать лет назад

— Что ты здесь делаешь? — я скрещиваю руки на груди и так сильно хмурюсь, что начинает болеть лицо.

Голова Ройала Локхарта показывается через отверстие в нижней части моего домика на дереве.

— Вход мальчикам запрещен. Разве ты не умеешь читать? — я указываю на кусок плотной желтой бумаги, который прицеплен снаружи на одном из окон. Одна из моих младших сестер нарисовала это красным карандашом и добавила около ста восклицательных знаков.

— Как дела, Деми? — он игнорирует меня. *Мальчики так раздражают.*

— Мне кажется, что Дерек зовет тебя, — мой старший брат использует этот трюк на мне, когда хочет, чтобы я оставила его в покое. Он всегда говорит, будто мама зовет меня. Я на это больше не ведусь, но, может, Ройал поведется.

— Я ничего не слышал, — мальчик полностью поднимается в мой домик на дереве и идет прямо в угол к коробке с куклами Барби.

— Ты по-прежнему играешь с ними?

Мои щеки горят.

— Нет.

Иногда.

— Они принадлежат близняшкам, — добавляю я.

Я все сваливаю на моих маленьких сестер, и все всегда верят мне.

Ройал поднимает голую Шкипер и проверяет ее со всех сторон. *Он такой странный.*

— Почему ваши Барби не носят одежду? — спрашивает он.

— Я не знаю. Спроси моих сестер. Я сказала тебе, что не играю с ними.

— Тогда что ты делаешь здесь? — он бросает Шкипер в коробку и высовывается из соседнего окна.

— Не твое дело, — я закатываю глаза так сильно, как только могу, — ты должен уйти. Ты не можешь находиться здесь.

— И почему нет? — его улыбка заставляет мою кровь кипеть. С тех пор как Дерек привел Ройала к нам домой из школы в прошлом месяце, все, что этот мальчик делает, это достает меня. Он не напрягает моих маленьких сестер. Только меня.

— Пятиклассники и четвероклассники не должны болтаться вместе, — отвечаю я.

— Кто сказал?

— Э-э, все в школе.

— Что это? — он подходит ко мне и срывает пластиковую корону с моей головы.

Я краснею. Я и забыла, что она была на мне.

— Претендуешь быть принцессой? — он смеется надо мной. *Я хочу ударить его.*

— Я надела ее, чтобы посмотреть, подходит ли она все еще мне, — я стараюсь выхватить корону обратно, но Ройал не позволяет.

— Ну конечно, Деми, — он кладет ее на свои темно-каштановые волосы, — как я выгляжу?

Он улыбается, глядя на меня сверху вниз и подпирая кулаком свой подбородок. Ройал похож на принца. В хорошем смысле. Как в фильмах. Но я никогда не скажу ему об этом.

— Ты выглядишь глупо, — я сильно бью по его глупой голове, — убирайся отсюда.

— Разве сначала принц не должен получить поцелуй от принцессы? Я забрался в эту башню и все такое.

Я прикусываю свой язык.

— У тебя неверные данные о сказках.

Мое сердце быстро колотится в груди. Я не понимаю, что это значит. Ройал раздражает. Он думает, что смешной, но на самом деле это не так. Девочки всюду следуют за ним: и на спортивной площадке, и в школе, но я не думаю, что он какой-то особенный. Я предпочла бы подняться на «Бар для обезьян» (*Примеч.: Обезьяна-бар или Джунгли — детские спортивно-игровые площадки, позволяющие лазить по канатам-лианам, взбираться на стенку и т. п.*) или сыграть в «Тетербол» (*Примеч.: Тетербол — игра для двоих участников, смысл которой состоит в том, чтобы поочередно ударять рукой или ракеткой по мячу, привязанному при помощи веревки к верхушке столба, в противоположном удару соперника направлении, цель — замотать полностью веревку вокруг столба*), чем обращать внимание на него. Хедли Мейберри имитировала с ним свадьбу на перемене вчера. Я слышала, что они действительно поцеловались. А потом услышала, что миссис Квик поставила его в тайм-аут к стене. (*Примеч. Тайм-аут — навязанное временное приостановление деятельности, к примеру, отлучение ребенка от других детей в качестве дисциплинарной меры*). Она называла его Ромео. Без понятия, что это значит.

Ройал проходит мимо меня, а я не шевелюсь. Он смотрит на лестницу, а потом на меня.

— Ройал, — голос моего брата слышен из-под деревянного пола. — Ты там?

— Да, — отвечает он, — секундочку.

Я притопываю от нервов по деревянному полу.

— Деми?

— Что?

Ройал облизывает губы, наклоняется и целует меня.

Отвратительно!

Я стараюсь вышхнуть мальчишку из домика на дереве, но он больше меня, так что Ройал практически не двигается. Когда он смеется надо мной, я ударяю его по лицу. Я никогда не била никого раньше. Даже Дерека, которого хотела ударить пару десятков раз.

— Зачем ты это сделал? — я вытираю рот рукой, а затем плюю на грязный пол домика на дереве.

Ройал пожимает плечами.

— Потому что я принц. Вот почему мое имя Ройал (*Примеч.: в переводе «королевский»*). Принцы целуют принцесс.

Я знаю, что это не так. Мама сказала, что он приемный ребенок. Я не понимаю, что это значит, но уверена, что Ройал не принц. В любом случае в Рикстон Фоллс нет королей.

Ройал не прекращает смотреть на меня. Это ужасно неудобно.

Я плюю снова, и он смеется. Думаю, что ему понравился поцелуй. Он не пытается стереть его.

— Я не принцесса.

— Большую часть времени ты ведешь себя как одна из них. И всегда прячешься здесь, как будто это башня или что-то вроде того.

— Не делай этого снова, — расвирепев, я шагаю назад, — в следующий раз я расскажу все Дереку.

Лицо Ройала бледнеет. Дерек его лучший друг. Они как братья. Иногда я даже ревную, что брат проводит больше времени с Ройалом, чем со мной.

Он спускается вниз по лестнице, останавливаясь еще раз, чтобы посмотреть на меня.

— Увидимся за обедом, принцесса Деми.

Тьфу.

Он снова останется на обед?

Нужно пойти проверить, смогу ли я поменяться местами с Далилой сегодня. Я не хочу снова драться ногами с Ройалом под столом. Я хочу съесть пастуший пирог (*Примеч.: Пастуший пирог — слоеная запеканка из баранины*), а затем подняться наверх, запереть свою дверь, чтобы он не мог меня потревожить, и читать книгу, пока Ройал, наконец, не вернется к себе домой.

Он так раздражает.

Деми, 13 лет

Три года спустя

— Боже мой... — моя мать суетится в коридоре. Входная дверь захлопывается. — Так приятно снова тебя увидеть. Как поживаешь, дорогой?

Я поворачиваю голову и прислушиваюсь. Кто-то скрипит зимней обувью. Прислушиваюсь к голосу, но это не Дерек.

Спрыгиваю с постели и выглядываю в окно спальни, чтобы посмотреть на подъездную дорожку, но не вижу никаких автомобилей. Кладу закладку на страницу книги, которую читала, и убираю ее под подушку, а затем на цыпочках выхожу в коридор, посмотреть с лестницы, кто это.

Один осторожный шаг. Потом еще один. И другой. Я на половине пути вниз, и вижу, как мама обнимает кого-то. Она отстраняется через секунду, а потом я вижу *его*.

Ройал Локхарт.

Я задерживаю дыхание, отдвигаюсь от лестницы и молю, чтобы он меня не заметил.

— Я так рада, что ты вернулся в Рикстон Фоллс, — говоря это, мама треплет его по щеке, словно он маленький мальчик, — как тебе новые приемные родители?

— Хорошо, мэм, — он не кажется радостным. Ройал, стоя прямо, складывает руки впереди. Думаю, что он стал еще выше и его волосы стали длиннее. Он выглядит старше.

Год назад Ройал должен был переехать в другую семью в северо-восточной части штата. Дерек даже ездил к нему несколько раз, чтобы поведать, но новая семья Ройала по какой-то причине никогда не отпускала его к нам.

— Ройал, может, проведем Рождество вместе, если ты не против? — спрашивает

мама. — Рождественский ужин завтра. Можешь остаться на ночь. Дерек сказал мне, что ты придешь. Надеюсь, что это нормально. Я положила несколько подарков под елку и для тебя. Просто потому, что ты покинул город на некоторое время, не значит, что ты не почетный друг Роузвудов.

Лицо Ройала краснеет после того, как мама произносит это. Знаю, что у него нет семьи, как у нас, и для него это многое значит, что мы относимся к нему так. Я просто хочу, чтобы он не был настолько неприятным.

Хотя он довольно мил теперь. Как мальчик, которому я бы передала записку в школе, если бы он был кем-нибудь другим, но не Ройалом Локхартом.

Не знаю, как долго смотрю на него, но когда он замечает меня, мое сердце подпрыгивает к горлу.

— Привет, Деми, — говорит он.

Мама и Дерек поворачиваются и делают шаг вперед, чтобы увидеть меня.

— Привет, Ройал, — я быстро отворачиваюсь и поднимаюсь по лестнице вверх. Он не успевает рассмотреть меня и то, что теперь я ношу брекеты и у меня прыщики на подбородке. А также мою старую воняющую потом футболку для волейбола, которая у меня с седьмого класса.

Не то чтобы я волновалась, что он подумает обо мне.

Я не волнуюсь.

Я серьезно не волнуюсь.

Я запираю дверь. Буду прятаться здесь всю ночь, если потребуется.

Мой желудок урчит, когда запах рождественского ужина доходит до моего носа. А через час раздается три быстрых стука в мою дверь.

Я прочищаю горло и приглаживаю волосы в хвосте.

— Кто это?

— Это я, — голос Далилы удивляет меня.

— Входи.

Моя младшая сестра, которая почти всегда выглядит старше, влетает в комнату.

— Почему ты прячешься здесь? — она заправляет прядь волос цвета какао за ухо. — Ты ведь знаешь, что внизу Ройал, да?

Я закатываю глаза.

— Знаю, и что?

— Ты выглядишь мило. Только что переоделась? — спрашивает Далила.

Она разоблачила меня.

— Неа. Носила это весь день, — я разглаживаю свой уютный розовый свитер и провожу рукой по ногам в обтягивающих леггинсах, пока не достигаю края моих домашних носков. Я видела девушку в «Инстаграм», которая носила подобный наряд. Она была старше меня, но думаю, что я смогла повторить ее образ.

По какой-то причине мне хочется выглядеть старше. Как Ройал выглядит сейчас.

Услышав мои слова, Далила морщит свой идеальный носик.

— В любом случае, спускайся вниз. Мы играем в «Марио Карт», и нам нужен еще один игрок. (Примеч.: Марио Карт — видеоигра в жанре автосимулятор).

Я смотрю на свою книгу, которая явно никуда не денется, и пытаюсь придумать, почему я не могу пойти.

— У меня есть домашнее задание, — говорю я.

— Это рождественские каникулы.

— Я ненавижу «Марио Карт».

— Нет, это не так. Ты лучшая из всех нас.

— Я приду позже.

Далила хмурится.

— Это из-за Ройала, не так ли? Ты всегда ведешь себя странно рядом с ним. Все видят это.

— Неправда, — лгу я.

— Хорошо. Ты можешь просто остаться здесь, как заносчивая принцесса в башне. Может быть, я пошлю Ройала спасти тебя.

Мои щеки горят. Прежде чем я получаю шанс что-нибудь ответить, Далила хлопает дверью и уходит. Дверь отскакивает назад и открывается, звук ее удаляющихся шагов становится тише.

Такими темпами я провожу в комнате добрых тридцать минут, вытирая консилер на подбородке каждый раз, когда прохожу мимо зеркала.

Мама зовет меня вниз.

Ужин, должно быть, уже готов. Я кричу, что буду через минуту, и быстро бегу к шкафу, чтобы поправить волосы в последний раз. У меня никогда не получалось сделать эти пучки правильно, чтобы они выглядели хорошо. Я мучаюсь со своими чертовски густыми волосами большую часть времени. Почему я не могу просто иметь прямые, блестящие волосы как все остальные?

— Нужна помощь? — мальчишеский голос пугает меня.

Я оборачиваюсь, чтобы увидеть Ройала в дверном проеме. Делаю себе мысленно выговор за то, что оставила дверь открытой.

— Что ты здесь делаешь? — довольно грубо спрашиваю я.

— Все ждут тебя внизу. Ужин готов.

Отлично. Я собираюсь спуститься вниз, и вся семья будет смотреть на меня. Они увидят, что я сменила одежду и накрасилась.

Боже, чувствую себя очень глупо.

— Я спущусь через минуту, — отвечаю я.

— Ты говорила это двадцать минут назад, — он делает шаг, входя в мою комнату.

Как грубо.

— Они сказали мне, чтобы я спас тебя. Теперь давай. Я лично сопровожу Вас до обеденного стола, Принцесса.

Ройал хватает меня за руку, и рой бабочек поднимается в моем животе.

Я. Этого. Не. Ожидала.

У меня начинается головокружение. Думаю, что сердце колотится слишком быстро. Мне нужно присесть. Мне нужно, чтобы он ушел.

Выдернув локоть из его руки, я закатываю глаза.

— Я сама, — в горле пересохло, сглатывать становится трудно.

Он ухмыляется, и я замечаю ямочки на его правой щеке. Они всегда были там? Ресницы Ройала такие длинные и темные, они прекрасно обрамляют его темно-синие глаза. У него самые девичьи глаза, которые я когда-либо видела. Почему я только сейчас заметила это?

— Ты идешь или нет? — он сейчас в коридоре. — Приберегу место для тебя.

Он подмигивает и отворачивается, спускаясь по лестнице, а я неуверенно улыбаюсь ему

В след.

Ройал раздражает. Но он милый. Вроде.

Деми, 15 лет

Два года спустя

— Дерек должен был научить меня водить, — я сижу на переднем сидении потрепанного «Шевроле» Ройала. Машина заржавела, а звук от выхлопной трубы безумно громкий. Я видела, как Ройал ездит в этой штуке и ведет себя, словно крутой. Девушки толпятся возле этой машины на стоянке после школы, как будто это какой-то эксклюзивный клуб.

Просто так получилось, что годовщина родителей выпала в тоже время, что и мое пятнадцатилетие, и они решили взять круиз на Ямайку. Мои водительские права — это сжигающая дыра в моем бумажнике. Когда тебе пятнадцать, две недели кажутся вечностью.

— Ну, Дерек выбрал именно летние каникулы, для того чтоб подцепить мононуклеоз, так что ты застряла со мной, — говорит Ройал, позвякивая ключами. *(Примеч.: Мононуклеоз — инфекционное заболевание, для которого характерны болезненность, воспаление горла, утомление и т. д.)*

— Поставь левую ногу на сцепление, а правую ногу на тормоз.

Я хватаюсь за тонкий руль старой машины.

Ройал вставляет ключ в замок зажигания, проворачивает вправо и хватает меня за правую руку. Он перемещает ее к черному рычагу коробки передач. Не могу прочитать буквы или цифры на ней. Они все стерлись. Вижу только странную сетку.

Ройал сжимает мою руку, когда машина заводится.

— Это первая передача, — говорит он, когда наши руки двигаются вперед.

— Это нейтральная, — он перемещает рычаг назад и вперед, чтобы я почувствовала, а затем Ройал направляет рычаг вниз, — это вторая.

Он показывает мне все ступени коробки передач еще два раза, потом заставляет меня показать все самой.

— Хорошо. Все поняла, — киваю я.

— Теперь включай первую, — говорит Ройал, — осторожноними правую ногу с педали тормоза и перенести ее на газ. Отпускай сцепление медленно... Муфта упругая. *(Примеч.: Муфта — устройство (деталь машины), предназначенное для соединения друг с другом концов валов и свободно сидящих на них деталей для передачи крутящего механизма)*.

Я перехожу на вторую, двигая рычаг вниз, и его грузовик неровно едет вперед. Но тут машина делает рывок, и двигатель глохнет.

— Черт побери, — я ударяю кулаками по рулю, проклиная Дерека себе под нос. Почему ему нужно было заболеть именно сейчас?

— Деми, все хорошо. Давай попробуем еще раз. Переключайся на нейтральную

передачу. Левую ногу на сцепление, правую на тормоз и начинай сначала.

Я делаю всего четыре попытки, и вот мы уже катимся вниз по улице, которая проходит мимо моего района. Вдалеке в поле моего зрения попадает красный восьмиугольник.

— Я не знаю как остановиться. Как мне остановиться? Ройал? Что мне делать? — мои пальцы побелели от того, как сильно я сжимаю руль.

Он смеется. Я хочу ударить его, но занята, держась за руль так, будто от этого зависит моя жизнь.

— Левую ногу на сцепление, правой ногой нежно нажимай на тормоз. Дай себе немного времени. И переходи к медленной остановке.

Он тянется к радио, а я на мгновение ослабляю хватку на руле и ударяю его по руке.

— Я не хочу музыку. Я не готова, — я понимаю, что говорю как ребенок, но я за рулем этой штуки, нужно не забывать переключать рычаг, быть внимательной, а звук грузовика меня пугает, не думаю, что я уже на той стадии, когда могу сидеть и слушать музыку, как будто мы на какой-то прогулке.

Ройал поднимает руки, сдаваясь.

— Все в порядке. Не переживай. Просто пытаюсь заставить тебя расслабиться.

Я следую его указаниям и легко останавливаюсь на пересечении с шоссе.

— Куда я должна двигаться? — спрашиваю я.

— Куда хочешь. — Ройал опускает окно, и мягкий летний воздух просачивается в машину. Я не понимала, как душно было здесь до тех пор, пока не вдохнула. Я делаю глубокий вдох, перехожу на первую передачу и стараюсь не отпускать сцепление для того, чтобы мы не стали участниками дорожно-транспортного происшествия.

Ройал так терпелив со мной. И доверяет свой грузовик. Не знаю, есть ли парни в школе, которые бы разрешили мне учиться на их единственном виде транспорта. Каждый школьник в Рикстон Фоллс знает, что средство передвижения равняется свободе.

Я могла бы легко сломать эту машину, а у Ройала нет денег, чтобы заменить ее. Его приемные семьи не имеют средств, либо просто не обязаны чинить его тачку.

— Спасибо, что доверяешь мне, — говорю я, отпуская сцепление и нажимая на педаль газа. Это, наверное, единственный раз за все пятнадцать лет, когда я благодарю Ройала Локхарта за что-то.

Мы с легкостью двигаемся вперед, пересекая четыре полосы шоссе и направляясь на север.

— Деми, берегись... — Ройал хватается за руль и дергает его в сторону, перед тем как бензовоз пронесется мимо нас так быстро, что аж качается кабина.

Я выжимаю ногой сцепление и жму на тормоз, заставляя нашу машину остановиться в облаке пыли на обочине шоссе.

— Мне очень жаль. Я... Я такого не ожидала, — мой голос дрожит, и две слезинки скатываются по моим щекам. — Я не хочу больше этого делать.

— Деми.

Я игнорирую его, открываю дверь и выбираюсь. Ройал встречает меня на полпути, около задней двери. Я скрещиваю руки на груди, а он пытается отговорить меня, но я уже все решила.

— Я не люблю механическую коробку передач, — говорю я, — подожду, пока мои родители не вернутся. Мама может научить меня в пригороде.

Мой подбородок дрожит. Ройал смотрит на меня. Не понимаю, как он может оставаться

спокойным, когда две минуты назад я чуть не убила нас. Закрываю глаза и сжимаю веки до боли. Мне хочется забраться в яму и никогда не вылезать оттуда. Хочется, чтобы Ройал никогда не предлагал научить меня водить. Хочется...

Теплыми руками он накрывает мои руки, и я издаю испуганный вздох, открывая глаза.

— Деми, все хорошо. Каждый должен выучить этот урок. Сейчас ты хозяйка этого зверя, понимаешь? Ты можешь ехать как угодно. Автомат для пугливых кисок. А ты бесстрашна. Я знаю это. Я видел.

Он скользит ладонями вверх по моим рукам, и там, где он касается меня, покалывает кожу. Я пытаюсь сглотнуть, но во рту пересохло.

— Помнишь, когда были детьми, мы играли на ручье, и Далилу укусила змея? — спрашивает он.

Я киваю.

— Все убежали, а что ты сделала? Ты вернулась и разбила камнем голову той змеюке.

Я смеюсь, пытаясь сморгнуть слезы.

— У змеи не было ни единого шанса, — добавляет Ройал.

Хотя это было давно, наиболее яркая часть воспоминания — тот факт, что Ройал погнался за мной. Он позволил мне делать то, что я должна была сделать, и убедился в том, что я была не одна.

— Так скажи мне, бывший убийца змей, — говорит он, — ты собираешься вернуться в машину и попрактиковаться? Или я везу тебя домой?

Я вытираю слезы тыльной стороной ладони и засовываю свою гордость поглубже.

— Да. Хорошо, — вздыхаю я. Ройал отпускает меня, и мы задерживаемся на мгновение. — И перестань смотреть на меня так. Это странно.

— Как я смотрю на тебя?

— Я не знаю. Как будто... — *как будто ты думаешь, что я красивая.*

Дерек *убьет* его, если он сделает движение ко мне.

Небо позади Ройала превращается в глубокий оттенок синего со вспышками молний, которым предшествует далекий раскат грома. Крошечные капельки воды начинают барабанить по металлической крыше его «Шеви».

— Садись, — Ройал кивает в сторону машины.

Ядвигаюсь к грузовику, направляясь к пассажирскому сидению, но Ройал останавливает меня, положив ладони на мои плечи.

— Эй, эй, эй. Ты же не думаешь, что отделаешься от вождения только потому, что пошел небольшой дождь, не так ли? — Ройал ухмыляется. — Ничего сложного, все как мы учили. Сделай это. Отвези нас домой.

На полпути к дому мне приходит в голову, что Ройал сегодня спас мою жизнь. Отныне, надо бы постараться быть с ним помягче.

Немного.

Два года спустя

— Почему ты сидишь здесь в темноте? — голос Ройала отвлекает меня в два часа ночи в субботу.

— Я думала, ты внизу с Дерекком, — я сижу на диване в гостиной, а Ройал садится около меня.

— Дерек вырубился, — говорит он, — а я не могу уснуть.

— Ты тоже?

— Я никогда не сплю. Не могу устроиться комфортно, — говорит он, — я как гребаная принцесса на горошине. Каждая кровать либо слишком жесткая, или слишком мягкая. Не нашел еще такую, которая подошла бы мне.

Будь у него своя собственная постель, это, наверное, помогло бы ему.

— Так что ты собираешься делать? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

— Пришел сюда, чтобы проверить холодильник Роузвудов. Посмотреть, какие остатки еды, приготовленные Блисс, имеются там в контейнерах.

Ройал не двигается. По-видимому, он предпочитает сейчас сидеть здесь со мной, чем рыться в холодильнике.

— Там должны быть какие-то остатки лазаньи, — отвечаю я.

— Круто. Блисс делает отличную лазанью.

— Да.

В гостиной окна не зашторены, и половина луны в небе немного освещает комнату. Этого достаточно, чтобы я могла разглядеть очертания его лица в темноте. Но не только я смотрю на него, Ройал смотрит на меня тоже, и я это чувствую.

Я ерзаю и играю с нитками подушки, которая лежит у меня на коленях.

— Деми, пойдем со мной? — голос у него чуть громче, чем шепот, а его вопрос — как будто стрела, пущенная в мое сердце.

— И зачем мне это?

— Я выпускаюсь в мае, — говорит он, — и мы никогда не были на свидании.

— Ты мне как брат. Ууф. Это отвратительно. Я никогда не думала об этом. Да и Дерек бы убил нас.

— Я разберусь с Дерекком, — Ройал на несколько сантиметров придвигается ближе. — Не притворяйся, словно ты никогда не думала об этом. Я думал.

Мое тело горит с ног до головы. Я не знаю, как он может быть таким прямолинейным. Большинство парней в школе мутные. Они либо играют в игры разума, либо слишком трусливы, чтобы сделать первый шаг.

— Я могу честно сказать, что не засматривалась на тебя, — я прочищаю горло и отворачиваюсь.

Лгунья, лгунья, гореть мне в огне. Я попаду в ад. Я точно попаду в ад.

Я смотрю на семейный портрет улыбающихся Роузвудов, который висит над каминной полкой. Всегда считала, что Ройал должен стоять там с нами. Он, можно сказать, один из нас — возможно, не по крови, но кровь не всегда предполагает семью. Этот парень был на половине пасхальных обедов в доме бабушки за последние несколько лет, и я уверена, что иногда она любит его больше, чем Дерекка. Каждый раз, когда она приходит, то приносит его любимое овсяное печенье, и они с Ройалом подолгу сидят на улице и разговаривают на

крыльце в креслах-качалках, как будто знают друг друга всю свою жизнь.

Бабушка осталась сиротой в девять и была удочерена в двенадцать, видимо, поэтому она к нему так относится.

Ройал посмеивается.

— Давай, Деми. Я не верю тебе ни секунды.

Я закатываю глаза.

— На самом деле я не заинтересована в том, чтобы быть твоей очередной пассией.

Он облизывает губы

— Это мило, что ты следишь за моей социальной жизнью.

Трудно не следить, когда Ройал вышагивает по коридору, как павлин с оравой болельщиц, которые висят на его питчерских руках. *(Примеч.: Питчер — в бейсболе это игрок, который бросает мяч с питчерской горки к «дому», где его ловит кетчер и пытается отбить бьющий).*

— Одно свидание, — говорит он. — В неделю. На протяжении двух месяцев.

Мое лицо вытягивается.

— Что? Нет. Это тупо.

— Я всего лишь пытаюсь доказать, что ты не будешь очередной девушкой.

Я закатываю глаза, борясь с улыбкой.

— Хорошо. Одно свидание, — говорит Ройал. — В неделю. Пока ты не решишь, что тебя от меня тошнит.

— Что случится, вероятно, после первого же свидания, если честно, — я снова вру. Почти уверена, что у дьявола отведено особое место в его раскаленной печи с мигающим неоновыми огнями под названием ДЕМИ РОУЗВУД. — Так что это довольно бессмысленно — думать о нас.

— Я не думаю, что это бессмысленно, — говорит Ройал. Я смотрю на него, он не улыбается и не дразнится на этот раз. — Я серьезно приглашаю тебя на свидание, Деми.

Я выдыхаю и откидываюсь на спинку дивана, покручивая темную прядь волос между пальцами снова и снова; волнистые мягкие пряди отвлекают меня от этого момента. Мы сидим в тишине в течение минуты или двух. Еще раз убеждаюсь, что Ройал имеет ангельское терпение, которое работает прекрасно и прямо противоположно его грешным губам.

— Дерек скормит твои яйца собакам. Ты ведь знаешь это, верно? — я приподнимаю брови и сжимаю губы, чтобы удержаться от ухмылки.

— Неее. Дерек крутой. Он это переживет.

— Нет, если ты меня обидишь, он не станет закрывать глаза на это.

— Если кому-то и собираются причинить боль, то только мне.

— Почему?

— Я много лет ждал свидания с Деми Роузвуд. Уверен, это будет эпично. И я никогда не захочу тебя отпускать.

— Перестань вести себя так странно. Мне это не нравится. Превратись назад в... себя.

Я зеваю и потягиваюсь, бросая подушку обратно на диван. Потянувшись, я треплю его темно-шоколадные волосы. Если буду относиться к нему как к щенку, возможно, смогу игнорировать тот факт, что мое сердце бьется так быстро, а губы дрожат при мысли о прикосновении к нему.

— Я иду спать, — говорю я быстро, пытаюсь скрыть беспокойство.

Ройал хватается за запястье и отстраняет мою руку от своих волос, медленно

поднимаясь. Наши взгляды встречаются в темноте, и мне интересно, слышит ли он, как сильно стучит мое сердце теперь, когда мы так близко.

— В пятницу вечером, — говорит Ройал, — я заеду за тобой в семь. Мы можем поехать в город. Сделаем все, что ты захочешь.

— Я не хочу, чтобы что-то менялось между нами, — говорю я, — если мы пойдем на это свидание.

— Знаешь, что я заметил в тебе? — спрашивает он.

— Что?

— Ты всегда ждешь подвоха. Несмотря ни на что, ты всегда ожидаешь худшего. Всегда на краю. Всегда ждешь, что плохое вот-вот случится, — он держит мое лицо в своих ладонях и наклоняет голову, изучая меня. — Все всегда получается. И я могу сказать это, потому что уже прошел через определенные испытания в своей жизни, а мне едва исполнилось восемнадцать. У тебя прекрасная жизнь, Деми. Идеальные друзья, идеальная семья, идеальный дом. Плохо не случается с людьми вроде тебя.

— Плохое может случиться с каждым, — я складываю руки на груди. — И я благодарна за все, что имею, чтобы ты знал.

— Ничего плохого не случится.

Мои губы начинает покалывать. Я не могу сказать ему, что всю жизнь у меня было странное предчувствие, что я достигну своей вершины счастья, а потом все будет сметено без предупреждения.

Я никогда никому не говорила этого. Это сделает меня сумасшедшей. Это будет поводом для беспокойства. Мама будет просить меня сходить к психиатру, но я не нуждаюсь в психотерапии. Просто это предчувствие всегда сопровождало меня. Как будто я родилась с ним. Оно всегда было там, как невидимое облако тьмы, скрывающееся за моим плечом.

— Все равно, Ройал, — я отхожу от него и смотрю на лестницу. — Я пошла вверх. Не забудь спросить моего отца, сможешь ли ты взять меня на свидание. Он старомоден.

— Уже сделано.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь к нему.

— Прости? Когда?

— Не беспокойся. У Роберта все в порядке с этим. Он изложил некоторые правила, но все нормально.

— Что он сказал? — спрашиваю я с любопытством. Когда я росла, папа всегда говорил, что нельзя краситься, ругаться или ходить на свидания, пока мы живем в его доме. Я уверена, что он преувеличивал, но не могу себе представить, что он дал Ройалу благословение, не делая из этого большого события.

— Он буквально заставил меня пообещать жениться на тебе, — говорит Ройал, ухмыляясь, — когда-нибудь. Может быть, не так многословно, но смысл тот же. И угроза определенно присутствовала там. Подразумевалась, на самом деле.

Я закатываю глаза.

— Ему не о чем беспокоиться, — я усмехаюсь, стоя на лестничной площадке. Я оглядываюсь на Ройала, стоящего посреди темной гостиной, залитой лунным светом. На долю секунды, он выглядит старше, мудрее и искушеннее. Я моргаю, и это ощущение проходит.

— Не о чем, правда? — Ройал подмигивает мне.

— Спокойных снов, Ройал.

Деми, 18 лет

18 месяцев спустя

Я люблю его.

Я люблю его, я люблю его, я люблю его, я люблю его.

Шторы на окнах моей спальни не закрыты, и я смотрю на дорогу уже несколько часов.

Ройалу пришлось уехать в провинцию, чтобы навестить родных. Я даже не знала, что у него была семья. Он никогда не упоминал никого, никогда не рассказывал о своем прошлом никаких деталей. Но, видимо, кто-то нуждался в нем, потому что Ройал уехал в спешке поздно вечером с рюкзаком и наполовину заряженным телефоном. Он сказал, что вернется к ужину в воскресенье вечером.

Я валяюсь на животе, подперев голову руками и стуча пальцами по своим щекам в такт песне, которая играет в моих наушниках.

Каждая песня напоминает мне о Ройале. Я больше не могу слушать радио, не ощущая всех тех чувств, эмоций, влечение. Никто никогда не предупредил меня, что в любви постоянно высокий уровень дофамина. (*Примеч.: Дофамин — гормон, отвечающий за психоэмоциональное состояние человека*).

Я зависима. Одержима. Поглощена.

Итак, это он.

Он мой, а я его.

Мы собираемся быть вместе навсегда.

Никогда не думала, что в почти девятнадцать лет буду по уши влюблена в свою родственную душу. Думаю, я всегда знала, что это будет он. Просто не хотела этого признавать.

Часы на комодке показывают восемь. Ройал должен был вернуться еще несколько часов назад.

Я пытаюсь снова ему позвонить, но идет переадресация на голосовую почту. Посылаю сообщение, хотя знаю, что он не прочтает его, поскольку его телефон, очевидно, разрядился. Мой иррациональный оптимизм дает понять мне, что он дома, а я так скучаю по нему, поэтому на цыпочках спускаюсь в подвал, где он остановился, так как его вышвырнули из приемной семьи в прошлом году, когда Ройалу исполнилось восемнадцать.

Его комната пуста, но я задерживаюсь на мгновение, потому что здесь пахнет им, и мне нужно это.

Я падаю на его кровать и зарываюсь лицом в подушку. Улыбка расплывается на моем лице, когда я вспоминаю все те развратные вещи, которые мы делали в этом маленьком укромном уголке подвала. Слава Богу, что есть замки на дверях, потому что мои родители перевернули бы здесь все к чертям, если бы застучали нас. Но мы не можем по-другому.

Мы не можем держать руки при себе, и почему мы должны это делать, если

возможность быть вместе делает нас счастливыми? Последний год — полтора из-за этого парня на моем лице постоянная улыбка.

И я надеюсь, что это никогда не изменится.

Я встаю с кровати Ройала, когда слышу, как мама зовет меня ужинать. Обычно мы едим ранним вечером. Видимо, я не единственная, кто ждет, когда Ройал вернется домой.

Это эгоистично, но я ненавижу тот факт, что он должен был бежать к кому-то на помощь. Каждый час — словно пытка. Каждую минуту этого лета мы провели вместе, удручающе считая дни в календаре, когда мои родители отправят меня в общежитие при колледже в Харгроу.

Но мы останемся вместе. Ройал обещал. Просто побудем некоторое время на расстоянии. Он собирается попробовать найти работу поближе ко мне, а пока мы окунаемся в эти беззаботные летние ночи, словно они последние в нашей жизни.

Поднимаясь по лестнице, я прохожу по коридору и вижу маму, убирающую дополнительное место в конце стола.

Мое сердце замирает. Я делаю еще один шаг и хватаюсь за спинку стула Далилы.

— Зачем ты это делаешь? — спрашиваю я. — Зачем ты убрала тарелку Ройала?

Мама поворачивается ко мне, и я вижу угрюмое выражение на ее лице.

— Он не вернется.

— Он не вернется... к ужину? — мне нужны разъяснения. Мне нужно понять, что происходит.

Взгляд мамы скользит через комнату, чтобы встретиться со взглядом отца. Его губы напряжены, а грудь поднимается и опускается в глубоком дыхании. Затем папа кивает.

Они знают то, чего не знаю я.

Сердце в моей груди трепещет, а желудок скручивается в узел.

— Он не вернется, Деми, — мамины плечи опускаются, и она отворачивается, возвращая его тарелку и столовые приборы на законное место в ее тщательно организованной кухне.

Я смеюсь. Это шутка? Это должна быть шутка. Ройал всегда подкалывает людей. Сейчас он выскочит из-за угла и удивит меня дюжиной красных роз и двумя билетами на бродвейскую постановку «Отверженных». Он всегда меня удивляет. Вот почему я так сильно его люблю.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что он не вернется? — я отхожу назад, пока не врезаюсь в стену.

Никто не улыбается. Никто не смеется.

Далила и Дерек смотрят в свои пустые тарелки. Дафна вертит вилку между двумя пальцами.

— Что случилось? Он в порядке? Что-то случилось с ним? — слова вылетают так быстро, но мои губы ощущаются, как желе. — Где он?

Отец откашливается, поднимаясь из-за стола.

— Ты и Ройал расстались, Деми. Это все, что тебе нужно знать. Он не вернется сюда. И ты не увидишь его снова. Это понятно?

— Роберт, — мамин голос срывается. Оттуда, где я стою, вижу ее сцепленные на груди руки и покачивание головой, хотя она стоит спиной ко всем нам. Я уверена, что она хочет, чтобы папа передал это сообщение с немного большим состраданием, но нет никакого деликатного способа сбросить бомбу.

— Нет. Нет, нет, нет, нет... — мой голос затихает. Я повторяю это слово снова и снова, пока мое горло не пересыхает и не становится больно глотать.

Слезы катятся по моим щекам, и через минуту я оказываюсь на полу, подтягиваю колени к груди и прячу там лицо. Чьи-то руки окутывают меня. Может, это Далила? Нет, скорее всего это Дафна. Я не заморачиваюсь поднять голову вверх. У меня нет сил.

— Нет...

Я закрываю глаза на секунду, а когда открываю их, то оказываюсь одна в своей темной спальне. Похоронена под горой покрывал.

Одинока.

Сломлена.

Оставлена единственным человеком, которого когда-либо собиралась любить.

Деми

Настоящее время

— Ты святая, Деми. Ты на самом деле святая. Бруксу очень повезло с тобой, — Бренда Эбботт целует меня в макушку, а я сижу у больничной койки ее сына и массирую лосьоном его сухие, неподвижные ноги.

— Он скоро проснется. Я просто знаю это.

Женщина надувает свои тонкие губы, и я осознаю, что никогда не видела свою будущую свекровь без помады. Хоть тушь она нанесла. Слои туши. Толстые и водонепроницаемые. Темно-черной тушью, отчего ее зеленые глаза светятся.

Безвкусный бриллиант в пять карат на моем безымянном пальце левой руки поблескивает в тусклом свете в палате Брукса. Мне до сих пор кажется, что он похож на подделку, хотя точно знаю, что это очень реальный и сертифицированный бриллиант, к тому же застрахованный. Тогда я подумала, что Брукс просто сумасшедший, когда купил его. Я сказала ему, что в Рикстон Фоллс ни у кого нет такого же кольца. Мне было бы хорошо с камнем и меньшего размера, но Брукс настоял.

Сорок восемь часов назад я убрала кольцо, в котором больше не было смысла, положив в синюю коробочку и засунув на дно ящика. Сорок восемь часов назад я позвонила поставщикам, отменила группу и попросила фотографа вернуть хотя бы часть денег. Сорок восемь часов назад жизнь, которую я знала, перестала существовать... Второй раз за последние семь коротких лет.

Наверное, у меня есть склонность выбирать парней, которые потом меня бросают.

Брукс отменил нашу свадьбу с каким-то глупым оправданием о неготовности и направился куда-то в своем красном авто С-класса. Он смял его вдребезги, когда съехал с дороги и врезался в ограждение. Машина превратилась просто в бесполезную кучу металлолома и стоит сейчас на какой-то свалке на окраине города.

Я до сих пор не знаю, куда Брукс ехал поздно ночью, но понятно, что он очень торопился попасть туда.

После того, как он ушел, я налила себе бокал вина и легла спать, одетая в старую футболку своего бывшего парня, ему назло. Но уснуть так и не получилось. Просто лежала и корила себя за чувство облегчения.

Не понимаю, почему меня не расстроил его уход. Я даже пыталась заставить себя плакать. Но слез не было.

— Он будет в порядке, — говорю я его маме, хотя не имею права давать такую надежду.

Я пошла работать воспитательницей, чтобы учить детсадовцев, а не для того, чтобы делать прогнозы по состоянию травмированных пациентов.

Постоянное шипение и писк медицинских приборов, что помогают дышать Бруксу, заполняют небольшое помещение.

Медсестра стучит в дверь.

— Мне очень жаль, но часы посещения закончились. Вы можете вернуться утром.

Бренда перекидывает сумочку от «Прада» через плечо, не желая отводить глаз от

опухшего и изуродованного сына, как будто может пропустить намек на подергивание его ресниц. Я не напоминаю ей, что его кома искусственная, и она не сможет пропустить движение, пока врачи не попытаются вывести Брукса из нее.

— Ты будешь в порядке сегодня, дорогая? — женщина потирает мне спину между лопатками. Маленькие, торопливые круги. Она это делает как утешение, но все же отстраненно. Я была с Бруксом с выпускного года в нашем колледже в Харгроу, поэтому знакома с Брендой достаточно долго. Я всегда думала, что мать Брукса сильная, прячущая чувства глубоко в себе, но теперь начинаю понимать, что она просто мало эмоциональна.

Какая мать, такой и сын.

У Брукса ушел практически год, чтобы рассказать мне о своих чувствах, о том, что любит меня. И после этого я слышала эти слова исключительно по торжественным событиям: дни рождения, открытки ко дню Святого Валентина и иногда захлеб после поразительного оргазма.

— Я буду в порядке, — произношу я. Брендe не нужно беспокоиться ни о чем, кроме сына. То, что происходит со мной, незначительно, по сравнению с тем, с чем ей придется столкнуться, когда он очнется.

Если он очнется.

Врачи говорят, что он, возможно, не сможет ни ходить, ни говорить. Они не знают размер повреждения мозга, с которым ему придется бороться. Каждый орган и кость в его теле сломан или сильно поврежден.

— Нам нужно отложить свадьбу, — Бренда приподнимает брови и ссутуливается. — Очевидно.

Я стараюсь не встречаться с ней взглядом. Сейчас не время говорить об этом, но я чувствую, как слова вертятся на кончике языка, покалывая и угрожая донести правду.

— Я даже не думаю о свадьбе сейчас, — и это не ложь.

— Это просто невезение, не более того. Он очнется и встанет на ноги. Мой сын упрям, как мул. Он хочет жениться на тебе. А когда Брукс задумал что-то, ничто не сможет его остановить. Не удивлюсь, если завтра он проснется и выйдет отсюда, просто чтобы доказать, что может.

Я фыркаю. Брукс действительно *упрям*. Он делал мне предложение четыре раза, отказываясь принимать отказ. Первые три раза я отказывала ему, ссылаясь на то, что не готова, умоляя подождать еще полгода, потом еще и еще. А правда в том, что я все еще была влюблена в кое-кого, и мне нужно было время, чтобы расстаться с ним. Невозможно любить одного мужчину и выйти замуж за другого. Это неправильно.

А может...

Может быть, крошечная часть меня надеялась, что Ройал...

Нет.

Я ненавижу думать об этом, потому что знаю, насколько смешно и нереально это звучит.

Когда Брукс предложил мне в четвертый раз, я согласилась, потому что поняла, что встречаюсь с ним в первую очередь потому, что он полная противоположность Ройала Локхарта. Брукс — совершенная противоположность мужчины, который разрушил мое сердце и искалечил способность чувствовать.

Брукс Эбботт оказался единственным, кто смог вылечить меня от навязчивой болезни любви, которая мучила меня с того дня, когда Ройал уехал и не вернулся.

— Я удостоверюсь, чтобы он знал, что ты все время была рядом, — говорит Бренда, — я буду напоминать ему об этом каждый божий день до конца своей жизни.

Брукс лежит без движения в своей постели, спиной прислонившись к подушкам, и его грудь поднимается и опускается синхронно с приборами. Его красивые зеленые глаза опухли, сильная, квадратная челюсть сломана в четырех местах. Засохшие пятна крови виднеются в густых светлых волосах.

Ушли в небытие его наглаженная рубашка поло, брюки хаки и темный пиджак. То же самое произошло с шикарными часами, деньгами и мокасинами от «Гуччи».

Все изменилось, Брукс Эбботт, вся твоя одежда сменилась на больничную, и ты такой же, как и любой другой человек в здании больницы, а не особенный.

Ройал проклял бы Брукса, если бы они когда-нибудь встретились. И, возможно, где-то глубоко в душе мне приятно от этой мысли.

Мне почти жаль, что Брукс не может увидеть себя таким. Он всегда был так одержим своим идеальным образом для остального мира.

Идеальный дом.

Идеальный жених.

Идеальная улыбка, идеальный автомобиль, идеальные друзья...

Список можно продолжать вечно.

Он имел все это, но ничто теперь не может удержать его здесь надолго.

Я бы хотела спросить его, куда он ехал в ту ночь. Брукс был решительно настроен и без сожаления отменил нашу свадьбу. Он не проронил ни слезинки. Он отмахивался короткими и дежурными фразами. Я должна была заподозрить неладное, когда вернулась домой с работы и увидела сумку рядом с входной дверью. Ключи свисали с его твердой руки, а шнурки его ботинок были плотно завязаны.

Медсестра прочищает горло. Я укрываю ноги Брукса белым фланелевым одеялом, ставлю лосьон в сторону и собираю свои вещи. Мне нужен душ и горячая еда. Мне нужен полноценный ночной отдых. Нужно собраться с мыслями. Возможно, хорошо поплакать.

Бренда достает свой телефон из кармана и смотрит в него. Она делает это целый день: отвечает на звонки и дает указания. Одна из тетюшек Брукса создала страницу в сети по сбору средств и там уже есть информация о «длительном восстановлении и медицинских счетах» несмотря на то, что Брукс очень успешный финансовый аналитик, а Эбботты — одна из самых богатых семей в округе Рикстон.

И никто не знает, сможет ли он выкарабкаться.

Где-то раза четыре я ловила Бренду за тем, что она делала скриншоты различных новостей, где обсуждалась авария. Бренда утверждала, что сделает из них коллаж для сына, чтобы он увидел, когда очнется.

Думаю, мы все по-разному пытаемся справиться с этой ситуацией.

Двенадцать часов я провела сегодня с этой женщиной, и мне до сих пор не хватает смелости рассказать ей, что мы с Бруксом расстались в ночь аварии. Я представляю ее лицо, когда все расскажу. Думаю, что половина города узнает об этом в течение нескольких часов. Представляю себе смешки и взгляды, которые получу от местных жителей.

Да, конечно, — скажут они, — как удобно.

Никто не поверит мне. Мне навесят ярлык ужасного человека, и моя репутация будет запятнана навсегда.

Подолшва моих ботинок издает мягкие тихие звуки, под которые я выхожу из больницы.

Снаружи начинает падать ранний ноябрьский снег. Он ложится огромными хлопьями, но они не остаются.

Никто не остается вблизи Рикстон Фоллс.

Кроме идиотов, вроде меня.

Я сажусь в мой старый «Субару» и поворачиваю ключ зажигания. Холодный воздух дует через вентиляционные отверстия, и я подношу свои пальцы к решетке, словно это поможет нагреть воздух быстрее.

В прошлом году Брукс пытался заставить меня поменять свою машину на что-то более яркое, даже предлагал внести первый взнос за меня. Но я сказал ему, что не нуждаюсь в «БМВ», особенно когда моя работа находится за пять кварталов от нашего дома, да и мой «Субару» не показывает никаких признаков того, что он скоро превратится в прах.

Пять минут спустя я по инерции еду по тихим улицам родного города мимо библиотеки с зеленой крышей и статуями железных жаб и лягушек. Мимо «Королевы Мороженого». Мимо дома престарелых для богатых людей и двух кинотеатров. Мимо холма, на который мы ездили каждую зиму, чтобы покататься на санках, когда были детьми. Мимо аллеи, по которой бродили, когда ничего лучше этого не было в маленьком городке в пятницу вечером.

Все это сливается в сумбурную полосу воспоминаний, все это тихо шепчет его имя.

Ройал.

Каждый день я вспоминаю о нем. Ройал давно уже ушел, а я застряла, наступая на те же грабли. День за днем.

Все напоминает мне о нем.

О нас.

Куда бы я ни пошла.

Все, что я вижу. Все выглядит именно так, как это было, когда он был рядом.

Он оставил меня здесь, одну, чтобы я прожила эту жизнь без него, в городе, в котором каждый день чувствую его присутствие.

Если когда-нибудь снова столкнусь с Ройалом, я собираюсь врезать ему, да посильнее. Я хочу, чтобы он чувствовал себя так же, как и я, может быть тогда он поймет, что сделал со мной.

Как он *сломал* меня.

Как сделал так, что я больше не могу испытывать к кому-то тех чувств, что когда-то испытывала к нему.

Я сжимаю руль сильнее, когда ставлю машину на свободное место парковки перед пустым конференц-центром отеля. Смотрю на светофор вдалеке, как он меняет цвет от зеленого к желтому и до красного, работая для «вымерших» дорог.

Я моргаю снова и снова, пока глаза не перестают щипать, и думаю о Бруксе и тяжести его положения. Я не могу помочь, но чувствую свою ответственность за эту гребаную ситуацию. Я должна была остановить его. Если бы я заставила Брукса сесть и объяснить, почему именно он хочет уйти, может быть, он не был бы сейчас на больничной койке, борясь за свою жизнь.

Вместо этого я купалась в своем внезапном освобождении и сказала ему не грохотать дверьми, когда будет уходить.

Образ его упакованной сумки, связки ключей и выражения лица всплывает в памяти.

Единственное, что я знаю наверняка — Брукс Эбботт не хотел больше быть со мной. *Он*

ушел от меня.

Он не хотел жениться на мне.

Он даже не пытался попробовать.

Он просто хотел... уйти.

А теперь, кажется, я должна буду провести остаток жизни, заботясь о человеке, который меня больше не любит.

Он просто не успел уйти от меня быстро.

Я выезжаю обратно на дорогу и останавливаюсь около винного магазина, который находится по пути к моему дому. Может быть, я смогу утопить в алкоголе некоторые из этих мыслей сегодня вечером, потому что они не дают мне долбаного покоя. И если кто-то еще раз посмотрит на меня искоса, когда я покупаю пятую бутылку водки, клянусь Богом, я откушу их чертову голову.

Сегодня вечером я не милая воспитательница детского сада. Я не идеальная дочь Роузвудов, которая больше не планирует свадьбу с одним из самых завидных холостяков в округе.

Я просто пытаюсь пройти через это.

Мои мысли возвращаются к Ройалу в двадцатый раз за сегодня, и чувство вины просачивается в мои кости, придавливая всем весом к изношенным кожаным сиденьям. Я не должна думать о нем сейчас, но мне не хватает сил, чтобы остановить себя.

Как обычно.

Я думаю, что он сидит сейчас где-то в баре со своими обезоруживающими ямочками и улыбкой, от которой у девушек слабеют колени. Я представляю его покупающим довольной блондинке с фальшивыми сиськами до подбородка фруктовый коктейль цвета ее помады. Думаю, что он собирается забрать ее домой и трахать так сильно, что она подумает, что это означает что-то большее, а потом Ройал скажет ей, как сексуальна она утром, когда готовит ему завтрак в его же футболке.

На мой взгляд, *таким* человеком он стал.

Не думаю, что он волнуется о жизни. Я уверена, что он даже не думает обо мне.

Правда я не знаю, где он сегодня. Все, что я знаю...

Я все еще люблю его.

И ненавижу.

Я ненавижу его, ненавижу его, ненавижу.

Ройал

Я натягиваю свою кепку пониже и сажусь за руль, когда вижу свет фар ее «Субару» и то как она едет вниз по дороге. Автомобиль поворачивает, потом подпрыгивает, подъезжая к дому, и останавливается. В темноте, далеко от уличных фонарей, я вижу, как Деми Роузвуд выбегает из машины с коричневым бумажным пакетом, зажатым под мышкой.

Мое сердце бешено стучит, как и всегда, когда я вижу ее.

Я сжимаю ладони в кулаки, борясь с собой, чтобы не взяться за дверную ручку.

Может быть, на этот раз...

Торопливыми шагами Деми достигает входной двери.

Одно мгновение, и она заходит в дом.

Я наполняю легкие сухим ноябрьским воздухом и завожу двигатель. От этого сиденье подо мной вибрирует, и вибрация распространяется по ногам.

Сегодня не та ночь.

Я откидываюсь на спинку сиденья и задерживаюсь немного дольше, наблюдая, как Деми включает и выключает свет, ходит по своему пригородному мини-особняку. Сначала в зал, потом на кухню, затем в спальню наверху. Через несколько минут ее дом погружается в темноту. Только предательское мерцание экрана телевизора из окна спальни излучает свет.

В моей груди становится тесно, и я с трудом заставляю себя отвести взгляд. Мне нужно убрать ногу с педали тормоза и уехать отсюда.

Я не могу больше продолжать это делать.

В течение семи лет я оставался в стороне. В течение почти пяти из них я наблюдал за ней на расстоянии, пообещав себе, что до тех пор, пока Деми счастлива, я не буду вмешиваться.

Но сейчас она там *одна*.

И все это из-за меня.

Я должен исправить это.

Демид

Я вливаю в себя четвертую полную стопку дешевой водки, запивая горьким апельсиновым соком. Алкоголь еще даже не успевает попасть в кровь, а меня уже тошнит. Я «винная» девочка, но сегодня мне нужно что-то покрепче и побыстрее. Быстрое излечение моих ран.

Алкоголь, как ракетное топливо, нагревает меня изнутри и разжигает вены.

Черт. Я знала, что это будет быстро, но не настолько.

Удовлетворенная, я поднимаюсь наверх и переодеваюсь в старую футболку и пижамные штаны из хлопка со смешными маленькими розовыми сердечками, затем ложусь в свою постель для отупляющего просмотра телевизора. Я не могу уснуть в тишине, потому что мои собственные мысли мешают мне. Тупой закадровый смех должен помочь.

Тепло распространяется от головы к шее и бежит дальше вниз к рукам и ногам.

Мое тело расслабляется в первый раз за несколько дней.

Простыни из джерси (*Примеч.: Трикотажная ткань петельного переплетения из волокон самого различного типа*), которыми застелена кровать, холодные. В это время года я обычно настаивала, чтобы мы меняли простынь на фланелевую, но Брукс всегда предпочитал спать голым, а простыни из джерси давали ощущение, будто засыпаешь в старой футболке. Я никогда не спорила, потому что мама всегда учила меня, как правильно выигрывать небольшие сражения.

Я колеблюсь, прежде чем провести рукой по той стороне кровати, где обычно спал Брукс. Три дня назад все шло согласно плану, навстречу к нашему совместному будущему мужа и жены.

В конце прошлой недели Брукс пришел домой с тортом-мороженым из печенья без всякой на то причины, кроме того факта, что я упоминала накануне, что получила купон в мой любимый магазин в Глиддене. Я и не думала, что хотела торт-мороженое, пока не получила его.

Четыре дня назад, утром, Брукс сделал мне белково-банановый коктейль, пока я собиралась на работу, потому что знал о том, что мой фен сломался, и я опаздываю, не успевая позавтракать.

Как он мог быть таким милым, а потом передумать быть со мной?

Я лежу в постели и думаю: неужели все было на самом деле так плохо? Я знаю целую кучу неприглядных поступков Брукса, которые он сделал в течение года, и они спрятаны в глубине моего сознания, готовые к тому, чтобы рассказать о них в нужный момент.

Но сейчас я не могу вспомнить ни одного.

Это забавно. Потому что когда кто-то внезапно уходит из вашей жизни, вы помните только хорошее.

Страх или чувство вины, а может, угроза «всевидящего ока», наблюдающего за каждым моим шагом, не дает мне сосредоточиться на плохом.

Если я буду сидеть здесь достаточно долго, то, вероятно, припомню все те времена, когда Брукс приходил домой поздно с работы, не так часто звонил, и как настоял на

контроле за нашими финансами, будто я какая-то домохозяйка 50-х годов. Как его одежда занимала три четверти нашего гардероба. Что он привык вести себя как избалованный ребенок, потому что так его воспитали. Его склонности к претенциозности, например, когда Брукс вызвался добровольцем в благотворительную столовую, а сам был одет с головы до ног в «Армани», надушенный одеколоном за двести долларов.

Но если я буду думать об этом вещах слишком много, а Брукс покинет этот мир, я никогда не прощу себя.

Он не совершенен, как и я.

И сейчас не время для осуждения.

Я переворачиваю подушку прохладной стороной и натягиваю одеяло до подбородка. Ощущение искусственной безопасности поглощает меня. Я становлюсь сильнее с каждой минутой. С каждой секундой мои мысли успокаиваются, а тело расслабляется. Это временно, но пока мне этого достаточно.

Мои веки закрываются, но я борюсь изо всех сил, чтобы не заснуть и досмотреть последние пять минут передачи с этим красавчиком, берущим поздно ночью интервью у знаменитостей, но это неравный бой. Все темнеет вокруг, погружая меня в мир пустоты и спокойствия.

Дин-дон.

Сердце подпрыгивает к горлу, возвращая меня к жизни. Никто не звонит в мою дверь так поздно ночью.

Брукс.

Я знаю, что это. Я чувствую это. Кто-то пришел, чтобы сказать мне, что он ушел. Мой желудок сжимается.

Тук, тук, тук.

Я хватаю халат с двери ванной и, держась за стену, иду к лестнице, спотыкаясь. Пол под ногами качается и извивается. Все вокруг меня кружится. Это чудо, что я подхожу к входной двери, не заблевав все вокруг.

Вот, что получается, когда пьешь на голодный желудок.

Взявшись за дверную ручку, я делаю глубокий вдох и приготавливаюсь к тому, что сейчас произойдет. Мой организм готов к урагану, все мышцы напряжены до боли. Я могу подготовиться к дурным новостям внешне, но понятия не имею, как с ними справиться внутри. Но оказывается, что даже самое дешевое спиртное в мире не может подготовить меня к тому, что я вижу по ту сторону двери.

Содержание моего желудка попадает в водоворот, и на этот раз это не вина алкоголя.

— Ройал, — впервые за многие *годы* я вслух произношу его имя.

Он откашливается и прищуривает такие знакомые неистовые глаза.

— Деми.

У меня галлюцинация.

Это не реально.

Видимо, это спиртное так влияет на мой мозг, вызывая какой-то гипнотический сон.

От головокружения я почти валяюсь с ног, поэтому прислоняюсь к двери, складывая руки на груди, чтобы справиться с инстинктивным желанием убрать грязные пряди невымытых волос, свисающих на лицо.

Мне ненавистно то, как хорошо он выглядит: его плечи шире, чем я помню, лицо мужественнее, на подбородке виднеется темная щетина, а ямочки на щеках стали глубже,

чем когда-либо. Темные волосы сбриты по бокам, а сверху длинные. Он выглядит чертовски сексуально. Но при этом лицо Ройала уставшее и задумчивое, словно ему плевать на то, как он выглядит или есть дела поважнее. Я не знаю, хочу ли знать, что его заботит.

— Что ты здесь делаешь? — мой голос еле слышен. Я делаю глубокий вздох. — Как ты узнал, где я живу?

Понимаю, мой второй вопрос звучит дебильно, но я с трудом могу думать, когда он стоит рядом и смотрит на меня. Ройал сохраняет хладнокровие. Я вглядываюсь в его глаза, пытаюсь найти там ответы.

Мои ладони становятся влажными, а лоб покрывается холодным потом. Мне нужен свежий воздух, но я не могу сдвинуться, я словно парализована. Как он может просто стоять тут, как будто мы только вчера видели друг друга?

Я пораженно смотрю на него. Мне кажется, я скучала по нему больше, чем он по мне. Вот так, увидев меня, Ройал не беспокоится, не возбужден и не нервничает.

— Могу я войти? — он смотрит мимо моего правого плеча. Если Ройал выяснял этот адрес, то знает, что это дом Брукса. Я не владелец здесь. Может быть, он ищет Брукса? Он должен знать, что Брукс живет здесь.

Но это не имеет значения. Он не войдет.

Ройал Локхарт не может бросить меня, а затем явится, будто мы старые добрые друзья.

Ни сейчас, ни когда-либо еще.

— Нет, — я делаю шаг назад, взявшись за дверную ручку, готовая захлопнуть дверь перед его лицом. Но Ройал кладет руку, чтобы остановить меня, чем еще больше злит. Ему повезло, что я не буду высказывать все то, что о нем думаю.

Но я бы так и сделала, если бы мои мысли не неслись со скоростью тысячу километров в час. Я не могу сосредоточиться ни на одной из них. Они несутся в разные стороны. И в ту сторону. И в эту. Прошлое и настоящее так тесно переплелись, что запутались в круговороте, перегоняя друг друга.

Я хочу ударить его.

И хочу поцеловать.

Я хочу ударить и пнуть его, и одновременно хочу, чтобы он взял меня своими большими, сильными руками и обнял так крепко, пока я не успокоюсь. Хочу чувствовать его щетину на подбородке, как он целует мой лоб, и хочу почувствовать его теплое дыхание, когда он обнимает меня, потому что мне кажется — это единственное, что докажет мне, что Ройал на самом деле по-настоящему стоит тут.

Может быть, это адреналин смешался с алкоголем, но на минуту все становится четким и я хватаюсь мертвой хваткой за дверную ручку, желая захлопнуть дверь перед его носом.

Ройал изучает меня. Его грудь поднимается и опускается, губы плотно сжаты, выражение лица почти сочувствующее. Запах одеколona плывет через дверной проем, и я не узнаю его. Он пахнет по-другому, и я злюсь на него за это. Наверное, какая-нибудь бывшая девушка выбрала этот одеколон.

И она, вероятно, красивая, потому что мужчины, которые выглядят как Ройал, могут иметь любую девушку, какую только захотят. Держу пари, что дома она носит штаны для йоги «Лулупемон» (*Примеч.: Lululemon — марка женской спортивной одежды*), и ее пучок волос на голове всегда совершенен. И когда он идет за покупками в торговый центр, то берет ее с собой, она держит его за руку и улыбается, потому что она и есть аксессуар с ее идеальным стильным нарядом рядом с таким мужчиной, о котором большинство других

женщин могут только мечтать.

В следующий раз в «Нейман» (*Примеч.: Neiman Marcus Group — сеть дорогих универсальных магазинов одноименной компании*) я не буду проходить мимо парфюмерных отделов и обрызгивать свои запястья его старым одеколоном по сто раз. словно сумасшедшая.

Ройал выглядит по-другому, пахнет по-другому. Несмотря на его оскорбительно хороший внешний вид, он не вписывается в образ того молодого человека, в которого я влюбилась, будучи подростком. Он взрослее. Его лицо стало мужественнее, появились морщинки в уголках мудрых глаз.

Печальных глаз.

Или, может быть, так он реагирует на то, как жалко сейчас выгляжу я — едва ли в состоянии стоять, уставшая и непричесанная.

— Я не знаю тебя, — выдавливаю я. — Ты мне чужой.

И с грохотом захлопываю дверь. Громче, чем хотела. Я запираю засов, нажимаю кнопку блокировки на ручке и прижимаю ухо к двери, ожидая и прислушиваясь к шуму шагов на заснеженном крыльце.

Семь лет привело меня к этому.

К лицу, прижатому к двери.

Тысячу раз я представляла себе этот момент. Это должно было быть грандиозно. Я более уверенная, красивая и успешная. Он же выглядел бы ужасно. Я сильная, а он стоял бы, поджав хвост. Я наконец-то чувствую, что лучше него. В моих грезах, я двигалась дальше раз и навсегда, не давая Ройалу Локхарту второго шанса.

На самом же деле сейчас я сползаю вниз по двери и рассыпаюсь на мелкие кусочки на полу, пряча лицо в ладонях.

Но я не плачу. Я слишком устала.

— Деми, — через деревянную дверь слышится голос Ройала. Даже его голос звучит по-другому.

Наверное, я не должна ожидать, что голос двадцати шестилетнего мужчины будет звучать как у девятнадцатилетнего парня, это глупо.

— Убирайся.

— Мне надо поговорить с тобой.

Начиная злиться, я выбрасываю руки в воздух, угрожая невидимой аудитории.

— Что ты хочешь сейчас? Спустия все это время? — кричу я.

Несмотря ни на что, я хочу знать, зачем он пришел сюда.

Почему сейчас?

После семи лет молчания.

Он не заслуживает ни минуты моего времени, но я хочу знать ответы.

— Впусти меня, — говорит Ройал. — Ты нуждаешься во мне сейчас. Хочешь ты этого или нет.

В ответ я закатываю глаза, наверное, к затылку. Он не знает, что, черт возьми, мне нужно. И как он смеет требовать впустить его?

— Мы незнакомцы. Ты больше не знаешь меня, — я горжусь тем, что мой голос звучит сдержанно. Я поднимаюсь с холодного пола. — И ты ни черта не знаешь о том, что мне нужно.

— Я слышал о Бруксе.

Я спотыкаюсь и делаю два шага назад, чтобы не броситься к двери.

Что. За. Хрень?

Не колеблясь, я открываю дверь и левой рукой упираюсь в бедро.

— Ты что, преследуешь меня?

Он пожимает плечами.

— На самом деле, нет. Читал об этом в новостях. Твое имя было упомянуто.

Я скептически усмехаюсь и кладу руку на дверной проем.

— Посмотрите-ка. Для меня большая честь, что вы, мистер Ройал Локхарт, проделали весь этот путь сюда из места где, черт возьми, прятались, чтобы прийти и спасти меня, но на самом деле ваши услуги не нужны. Я жила последние семь лет без тебя. И уверена, что выживу и следующие.

Я опять хочу захлопнуть дверь перед его носом, но чувствую, что это не произведет должного эффекта снова.

Вместо этого, вздернув брови, я поднимаюсь на носочки и смотрю через плечо Ройала. Мой взгляд натывается на раритетный «Челленджер», припаркованный через дорогу. Окна тонированы настолько, что сквозь них ничего не видно. Совершенно черная гоночная машина с двумя белыми полосками, которая отчаянно нуждается в покраске, но по-прежнему источает сексуальный магнетизм.

Я узнаю этот автомобиль.

Вы не пропустите что-то подобное в окрестностях. Брукс всегда комментировал такие автомобили, говоря, что из-за таких машин наши улицы выглядят ужасно. Он хотел пожаловаться местным властям, но я его отговорила. Мы всегда думали, что эта машина принадлежит старшему сыну нашего соседа через улицу.

— Это твоя? — спрашиваю я, нахмутив брови.

Ройал поворачивается, чтобы взглянуть на «Додж» — единственный припаркованный автомобиль на улице, и смотрит на меня.

— Ты *преследовал* меня! — восклицаю я.

Он поднимает руку к лицу, пытаясь скрыть улыбку, как будто мое обвинение какая-то шутка.

— Нет, не преследовал...

Дрожь сотрясает мое тело, эмоции вырываются на поверхность.

Я не могу остановить их, даже если бы и пыталась.

Все эти годы я оплакивала этого человека, скучала по нему, любила его, ненавидела. Я была готова отдать все, лишь бы узнать, что с ним случилось.

И все это время он *следил* за мной.

Ройал был молчаливой частью моей жизни, и я даже не имела ни малейшего представления об этом.

— *Я ненавижу тебя*, — выдыхаю эти слова, выходящие из глубины моего темного сознания. И судя по тому, как меняется выражение лица Ройала, он слышит мое заявление громко и четко. Я обхватываю свое тело руками, пытаясь защититься от ветра. Мои губы покалывает, лицо немеет. Снаружи тридцать градусов мороза, а я стою в дверях в одном тонком халате.

В моем животе целый ураган.

Желчь поднимается и поднимается, отчаянно ища выход, и я не успеваю ничего предпринять, когда содержимое моего желудка выходит наружу.

Меня тошнит прямо на его обувь.

Апельсиновый сок и водка окрашивают его серые кроссовки.

Ройал

— Ройал, — выдыхает Деми, прикрывая рот рукой. Ее красивое лицо бледнеет.

Учитывая все, что происходило со мной за все мои двадцать шесть лет, рвотные массы на обуви — просто ерунда.

— Все... все в порядке, — я приподнимаю одну ногу и смотрю, как липкая оранжевая слизь стекает с него.

Деми вытирает губы рукавом чистого халата и открывает дверь пошире, чтобы я смог пройти.

— Позволь мне взять полотенце, — она спотыкается, шагая по коридору, и возвращается с пушистым белым полотенцем, которое пахнет кондиционером и выглядит мягким как плюшевый мишка. Упав на колени, она начинает вытирать мою обувь, пачкая чистое полотенце пятнами морковного цвета.

Деми вновь подносит руку ко рту, все ее тело содрогается, когда приступ тошноты повторяется.

— Деми, — я тянусь к ней, чтобы попытаться поставить на ноги. Она встает, закрывая рот рукой, голубые глаза становятся круглыми как блюдца. Я в двух секундах от вопроса, где ванная комната, но не успеваю, как ей снова становится плохо.

Запах свежей рвоты заполняет небольшое пространство коридора перед тем, как Деми снова тошнит.

— Сколько ты выпила сегодня? — я отодвигаюсь от Деми, дыша через рот, и быстро снимаю кроссовки. — Где ванная?

Деми закрывает рот рукой и указывает в гостиную, где видно приоткрытую белую дверь. Я отвожу ее туда, и как раз вовремя.

— Иисус, — я держу ее темные волосы, собирая их в хвостик, пока она обнимает девственно белый унитаз. Пустая банка свежей ароматической смеси стоит на задней части унитаза, а зеркалу над раковиной не хватает полки. Этот дом не так идеален внутри, как выглядит снаружи.

Деми поднимается и, скрючившись, направляется к раковине, чтобы прополоскать рот прохладной водой.

— Ты не должен заботиться обо мне, — она умывается, а затем выражение ее лица становится грустным.

— Конечно, должен.

Деми устало качает головой и, спотыкаясь, выходит в коридор. Я следую за ней, пытаюсь придержать, положив руку на ее спину, пока она поднимается по лестнице. Эти гладкие, деревянные ступеньки могут привести в ее состоянии к травмам.

Ее тело реагирует на мое прикосновение — рывком она поворачивает голову и смотрит на меня. Беспорядочные темные пряди волос прилипают к ее лицу. Деми пахнет смертью, которую я чувствовал много раз, как желчь и кислые апельсины, и взгляд у нее такой, который мог бы заставить дрожать даже дьявола.

При этом, все мои мысли о том, как она чертовски красива.

Как нереально быть так близко к ней снова.

Как неправильно это.

Как по очень многим причинам я не должен находиться здесь, и как не могу остаться в стороне.

Я притворяюсь, будто не знаю, где находится ее комната. Деми толкает двойные двери, заходит и сразу же направляется к комоду. Она начинает открывать ящики и копаться в одежде, вынимая охапки футболок и бросая их на пол, как может делать только пьяный человек.

Разочарованно вздохнув, она смотрит на кучу ткани.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Она качает головой.

— Я не могу решить, какую футболку надеть.

Ах, проблемы пьяных людей.

Я наклоняюсь и беру из кучи первую попавшуюся синюю футболку.

— Вот.

Деми берет ее, расправляет на коленях и качает головой.

— Это Брукса. Я не могу.

Я беру серую, что лежит в нижней части кучи.

— Вот эту.

Она кладет ее поверх синей. Эта футболка с эмблемой «Старшая школа Рикстон Фоллс», даже в тусклом свете спальни я замечаю это. На спине трафаретом напечатаны слова «Университетский футбол».

— Не могу, — говорит она. — Эта была когда-то твоей.

Мой желудок переворачивается. Деми до сих пор хранит мою старую футболку. Это должно что-то значить.

Она скидывает все футболки с колен и отодвигается назад, пока не упирается затылком в стену кремового цвета, с болезненным глухим стуком Деми ударяется об нее головой, и ее глаза закрываются. Через две секунды с ее губ слетает легкий храп.

— Деми, — я беру ее за руку и нежно трясусь.

Ее рука холодная.

И вся испачкана.

Идея переодеть ее в бессознательном состоянии не очень хорошая, но я не могу уложить Деми, покрытую оранжевой грязью, в кровать.

Сняв халат с плеч, я снимаю с нее грязную майку. Она не просыпается. Я подготавливаю серую футболку — одну из тех, которые я отдал ей в мой выпускной год в школе, после окончания сезона в футбольной команде — и натягиваю ворот футболки через грязные волосы и аккуратно засовываю ее руки в рукава. Хлопковые шорты на ней каким-то чудом избежали «оранжевого извержения».

Я поднимаю Деми на руки, проскальзывая руками под спину и бедра, и отношу в постель. Я не знаю, где обычно спит Брукс, поэтому укладываю ее посередине. Не хочу, чтобы она скатилась. До сегодняшнего вечера я никогда не видел Деми пьяной и никогда не ночевал с ней, чтобы знать, беспокойный ли у нее сон.

Есть очень много вещей, которые мне неизвестны. Может, Деми права? Мы просто пара незнакомых людей сейчас.

Незнакомцы, которые когда-то любили друг друга больше, чем могли.

Когда Деми уже лежит и спокойно спит в своей кровати, я осматриваю свои грязные джинсы и носки, снимаю их и бросаю в мусорное ведро в ванной комнате. Быстро проверяю верхние ящики комода и нахожу ящик с пижамами Брукса.

Они сложены красиво и аккуратно. Одна к одной. Красные. Черные. Голубые. Все атласные с белым кантом. И с монограммой. Как пафосно. Я выбираю пару черных штанов и спускаюсь вниз. Иду к кушетке, хотя не думаю, что засну сегодня.

Бессонница — та еще сука, но она мне на руку, так как я хочу быть на чеку, если Деми проснется ночью и решит сделать что-то идиотское. После семи лет, кажется, ее упрямство все еще при ней.

Я остаюсь на нижнем этаже, прислушиваясь, не встанет ли она посреди ночи, нуждающаяся в очередном спасении.

И отчасти, поэтому я здесь.

Для того, чтобы спасти ее.

Ройал

Шаги по скрипучему деревянному полу в семь утра подсказывают мне, что Деми уже проснулась. Она на цыпочках подходит к двери гостиной, и я сажусь, положив локти на колени.

— Доброе утро, — нарушаю я молчание после тридцатисекундной битвы взглядами.

Она массирует свои виски.

— Ты остался.

— Да. Ты была в не очень хорошей форме прошлой ночью.

Ее взгляд задерживается за моей спиной, когда она прочищает горло, смотря в окно. Деми прищуривается, глядя на восход солнца.

— Ты должна съесть что-нибудь, — я встаю и направляюсь в сторону кухни.

— Это штаны Брукса? — Деми следует за мной, сохраняя дистанцию между нами.

— Да. Ты, вроде как, испортила мои, — я открываю дверь холодильника и нахожу полупустую коробку апельсинового сока. Наступаю на педаль урны из нержавеющей стали, стоящей рядом. Крышка поднимается, и я бросаю в него упаковку. — Думаю, ты еще не скоро захочешь апельсиновый сок.

Деми опускается на покрытый обивочной тканью барный стул. Белая ткань соответствует белой столешнице и белым шкафам. Я не уверен, что кто-то готовит здесь. Эта кухня похожа на одну из тех, которые показывают на одном из дизайнерских шоу.

Большую часть прошлой ночи я провел, изучая ее безупречную гостиную, потратил много времени на просмотр каждой фотографии в полированных серебряных рамках. На большинстве из них была изображена прекрасная улыбающаяся пара. Также было несколько портретов Роузвудов разных времен. Они вернули воспоминания о лучших временах. Я был шокирован, увидев, как по-разному они выглядели сейчас. Bliss с седыми волосами. У Роберта немного поредели волосы. Близняшки превратились во взрослых женщин. А Дерек выглядел как... как прокурор.

Я должен был пойти с ним в юридическую школу. Мы вместе собирались на практику в фирму Роберта.

Семья прокуроров.

Какой чертовски смешной план оказался.

Я замечаю, что над камином висит картина, которую, как предполагаю, нарисовала Дафна. Она всегда умела смотреть на мир через призму. Это похоже на пейзаж многовекового маяка Карвер на острове Миллера во время заката, выполненная в стиле импрессионизма; мы с Деми обычно рыбачили там. Вернее, я рыбачил, а она читала книгу на одеяле рядом со мной.

Я хватаю коробку яиц из холодильника Деми, проверяю дату и ищу сковородку в духовке.

— Ты слишком уверенно себя чувствуешь на моей кухне, — Деми наблюдает за каждым моим движением.

— Ох, да? Другие люди хранят яйца в кладовой? А сковородки в морозильной

камере? — я включаю газовую конфорку и вытаскиваю лопатку из керамического контейнера рядом с плитой.

— Я не люблю яйца, — говорит она, морща нос. Она так чертовски мила, несмотря на то, что пытается казаться рассерженной. Ей не нравится, что я чувствую себя здесь как дома. Это написано на ее лице. Но Деми слишком вежлива, чтобы остановить меня. Не может быть, чтобы хорошо воспитанная девчонка из семьи Роузвуд совершила подобное, независимо от того, как обозлена на меня.

— Помнишь?

Я цепляюсь за края столешницы из белого мрамора и опускаю плечи.

— Точно. Верно. Тебе не нравится запах.

— Консистенция.

— Да, — говорю я, выключая конфорку. — Ты все еще ешь тосты?

Она кивает.

— Арахисовое масло и коричневый сахар?

Она снова кивает.

— Не то чтобы всегда. Но ты запомнил.

— Ты должна сказать мне, где лежит хлеб.

Деми соскальзывает с табуретки и идет в кладовую, откуда выходит с буханкой зернового хлеба и футуристическим тостером. Она помещает хлеб в середину тостера и выдыхает.

— Так странно. Ты на моей кухне. Готовишь мне завтрак, — голос Деми затихает в тишине. Она прикусывает губу и смотрит в окно над барной стойкой.

— Странно то, что ты на самом деле добра ко мне. Прошлой ночью ты смотрела так, будто хотела откусить мне голову.

Ее взгляд возвращается обратно ко мне.

— Я все еще хочу откусить тебе голову.

— Можем ли мы сделать это после того как поедем? Я проголодался.

Деми изучает меня, возвращаясь на свое место. Думаю, она могла бы улыбнуться, но это, наверное, никогда не произойдет. Мы едим тосты в течение нескольких минут, как будто вчерашней ночи вовсе не было.

Через некоторое время аромат кофе наполняет кухню. Слышатся только звуки *пуп-пуп* и *кап-кап*.

— Это таймер, — говорит Деми.

Я смотрю на встроенные в кофеварку пятьдесят тысяч кнопок.

— Конечно, — я снимаю две кружки с крючка у раковины и наливаю кофе, смотря в окно на ухоженный двор. В центре живописного местечка находится бассейн, накрытый брезентом. — Так вот она какая, другая сторона жизни.

Деми закатывает глаза.

— Это не мое. Это все его.

— Ты живешь здесь. Это и твое тоже, — я делаю глоток кофе.

— Больше нет, — она качает головой, смотря в свою чашку и сжимая ее руками. — Он отменил свадьбу. В ночь аварии. Сказал, что не хочет жениться на мне, и ушел. Брукс собрал свои вещи до того, как я пришла с работы, — Деми рвано вздыхает, прежде чем поднести кружку к поджатым губам. — Видимо, я притягиваю мужчин, которые в итоге меня бросают.

Взгляд ее голубых глаз встречается с моим. Так много всего я мог бы сказать прямо

сейчас, но время все еще не подходящее.

— Ты собираешься когда-нибудь рассказать мне, почему ушел? — ее тон ровный, но взгляд пронзительный. Это суровое напоминание о том, что мы не в лучших отношениях, чем были вчера вечером, когда Деми захлопнула дверь у меня перед носом. Просто потому, что я позаботился о ней прошлой ночью и сделал завтрак утром, не означает, что она снова ко мне благосклонна.

Я ищу правильные слова, но это не так просто.

Я прочищаю горло, чтобы выиграть время, и каким-то божественным вмешательством я спасен стуком в дверь.

Деми хмурится, слезая с барного стула, и идет к входной двери.

Через несколько секунд из зала доносятся женские голоса. Темные волосы, спадающие свободными волнами, переходят в оливкового цвета куртку — это первое, что я вижу. Затем, несомненно, следуют миндальные глаза Далилы Роузвуд.

— Что. Это. За. Хрень. — Далила замирает на середине шага, когда замечает меня.

— Доброе утро, Далила, — я поднимаю кружку, нагло предлагая тост за это необычное воссоединение.

Она поворачивается к Деми, все еще широко открыв рот.

— Почему *он* здесь, и почему он одет как твой *жених*? Что происходит? Скажи мне. Скажи мне прямо сейчас. Боже мой. Дерек точно взбесится, и мама, и папа...

Далила едва дышит между предложениями, дико размахивая руками, когда говорит. После минуты метания вопросов в Деми, они обе в унисон смотрят на меня.

— Если бы у меня был ответ, — говорит Деми своей сестре, словно я не стою в десяти метрах от них. — Я задала ему тот же вопрос.

Далила переводит взгляд на меня и прижимает указательный палец к губам. Она пытается понять меня. И я не виню ее. Со стороны это действительно кажется довольно подозрительным, что я пришел после стольких лет без предупреждения.

— Я пришел сюда, чтобы предложить поддержку, — я пожимаю плечами. — Слышал о том, что случилось с Бруксом.

— О, *сейчас*? — наклоняет голову Далила. — *Сейчас* ты захотел прийти? Где ты был семь лет назад? Когда мы ночью поднимали ее с пола, потому что ты не пришел домой? Когда Деми почти не ела в течение нескольких недель, потому что была настолько убита горем? Она попала в больницу из-за обезвоживания. Ты знал об этом?

Я качаю головой, наблюдая за Деми. Ее взгляд сосредоточен на кружке с кофе. Это чертовски убивает, что я не могу успокоить ее прямо сейчас.

— Конечно же, нет, — Далила и не собирается останавливаться. — И где ты был, когда она разбила свою машину на втором году обучения в Харгроу? Она сломала запястье и ногу в трех местах. Пришлось взять академотпуск в колледже, чтобы поправиться. Где ты был, когда бабушка Роузвуд умерла? Эта женщина любила тебя, словно ты был родным для нее внуком. Где ты был, когда Дерек женился? А потом разводился, потому что его жена оказалась безумной ненормальной психопаткой? Ему нужна была поддержка друга, Ройал. Где ты был, когда Дафна устроила свою первую выставку и все продала за несколько часов? А? Ты был единственным, кто верил в нее. Ты поощрял ее, чтобы она занималась искусством, когда мои родители хотели выбрать для нее что-то более практичное. Где ты был, Ройал?

Далила наезжает на меня, и это справедливо.

Я все пропустил.

Но не по своему выбору.

Если бы у меня был выбор, я был бы здесь в течение всего этого времени. Я бы никогда не покинул Деми. Черт. Я бы женился на этой девушке. Был бы с ней. Был бы рядом на каждом шагу.

Выбор был сделан за меня в тот день, когда я ушел. Если бы я знал, что, выйдя из дома семьи Роузвуд в тот субботний вечер, я никогда не вернусь, я бы остался. Я бы никогда не покидал Рикстон Фоллс.

— Ты был для меня гребаным *братом*, Ройал, — продолжает Далила, подходя ближе ко мне. Она пальцем указывает мне на грудь в области сердца, как заряженным пистолетом. — Я любила тебя как настоящего *брата*. Ты не просто разбил сердце Деми, когда ушел, ты сделал больно нам *всем*. Куда бы ты ни пошел, я надеюсь, что это стоило того. Мы были единственной семьей, которая когда-либо заботилась о тебе, и ты исчез, ты, никчемный кусок...

— Далила, — Деми останавливает сестру, положив руку на ее дрожащее плечо.

Далила сжимает руки в кулаки, прежде чем опустить их по бокам.

— Я должен идти, — я ставлю кружку с кофе в раковину. Не вижу посудомоечной машины, хотя уверен, что она спрятана за каким-нибудь из этих причудливых шкафов. — Я не хотел никого расстраивать.

Я встречаюсь взглядом с Деми, когда прохожу мимо нее, но только на долю секунды. Она смотрит в сторону, пальцами сильнее сжимая руку Далилы.

Когда-нибудь я расскажу ей.

Когда-нибудь, в ближайшее время, я расскажу ей *все*.

Но этот день не сегодня.

Демид

— Дерек будет в ярости, — Далила скрещивает руки на груди, поворачиваясь ко мне через секунду после ухода Ройала. — И папа.

Она быстро и напряженно вздыхает.

Снаружи рокот двигателя отдаляется, когда мощный раритетный автомобиль Ройала исчезает за холмом нашей живописной улицы.

Я пожимаю плечами.

— Я не приглашала его к себе. Он просто появился.

— И он просто остался на ночь.

— Я не просила его об этом, — я прислоняюсь к мраморному островку, касаясь рукой прохладной столешницы. Все эти годы Ройал ощущался как что-то нематериальное. Как облако. Ты знаешь, что он там, ты видишь его так ясно, но нет ничего, за что можно хватиться, когда ты пытаешься прикоснуться к нему. Увидеть его во плоти — нереально.

— Он постучал в дверь прошлой ночью. Я пыталась сказать ему уйти. А потом меня вырвало на его кроссовки. Я не помню, что было после того, но когда проснулась, Ройал сидел на диване в гостиной в пижаме Брукса.

— Эта футболка, — Далила указывает на меня. — Это его футболка из средней школы. Та, которую ты носила все время, когда он жил с нами.

Я начинаю заламывать пальцы. Меня поймали. Никто не знал, что я хранила ее. И Брукс никогда не спрашивал меня о ней после того, как я сказала, что это, должно быть, одна из старых футболок Дерека, которая попала ко мне случайно. Я не сентиментальный человек, но, черт, мне хотелось иметь что-то, чего я могла бы коснуться время от времени.

— Почему ты не нервничаешь прямо сейчас? — Далила расстегивает свою куртку, вешает ее на спинку барного стула и ставит перед собой чашку кофе. Она знает, где что стоит несмотря на то, что бывала здесь всего несколько раз, так как мы переехали только в прошлом году. Далила никогда ничего не забывает. — Этот мудака разбил твое сердце, чуть не сломал тебя, а ты стоишь, словно только что медитировала с Далай-ламой.

У меня голова идет кругом, отчего появляется безудержное желание выпить «Аспирин». Я копаюсь в аптечке, а затем хватаю бутылку воды из холодильника.

— Я нервничаю, — отвечаю я, глотая таблетки. — Просто не успела сойти с ума. Прошло всего полтора часа.

Я делаю глоток ледяной воды.

— Он готовился сказать мне, что случилось, когда ты появилась и прервала нас, — продолжаю я.

— Черт, — плечи Далилы опускаются, а во взгляде читается сожаление.

— Он вернется, — я смотрю в окно на то место, где был припаркован его «Челленджер» прошлой ночью.

— Откуда ты знаешь?

Я опускаю плечи.

— Просто у меня такое предчувствие.

— Ройал сказал, что пришел, чтобы поддержать тебя. Откуда он знает о Бруксе?

— Он читал объявление в новостях.

Я пренебрегаю рассказом о том, что он парковался около этого дома в течение последних нескольких месяцев, возможно и больше, если бы я обращала на такое внимание. И я не совсем уверена, что чувствую по этому поводу. Я польщена? Напугана? Заинтересована? Заинтригована? Может быть, тошнотворное сочетание всех четырех чувств?

Далила выводит узор ноготком, покрашенным розовым лаком, по мраморной стойке.

— Да. Люди на фейсбуке делятся этой информацией налево и направо. Все очень расстроены тем, что случилось с Бруксом. Как ты держишься?

Я ненавижу этот вопрос.

Я знаю, что она моя сестра, но все кому не лень задают этот вопрос снова и снова с ночи аварии. Мои родные особенно настойчиво. Родители, братья и сестры, мои друзья и друзья Брукса, соседи, даже контролер из QUIK. (*Примеч.: мировая биржа Quality Use Importance and Knowledge*).

Семью Эбботт очень любят в Рикстон Фоллс, и Бруксу не обязательно было попадать в автомобильную аварию, чтобы стать местной знаменитостью, он уже был ею. Не было жителя в радиусе пятнадцати километров, который не слышал бы о нем. И три четверти города обращаются в фирму Брукса, чтобы управлять своими активами. В этом городе не так много богатых людей, но большинство из них рано уходят на пенсию, благодаря вдумчивой работе Брукса.

Правильный ответ на вопрос Далилы ускользает от меня. Возможно, потому, что я не уверена, каким он должен быть.

Должна ли я сказать правду? Стоит ли мне признаться, что я схожу с ума прямо сейчас, потому что никто не знает, что мы расстались, и никто не поверит мне?

Взгляд моей сестры смягчается, она тянется к моей руке и хлопает по плечу. Она воспринимает мою нерешительность как знак того, что мне не совсем хорошо, и, возможно, она права.

— Ты должна лететь обратно в Чикаго, — говорю я ей.

Далила взмахивает рукой.

— Брукс — твой жених. Он семья. Я собираюсь остаться здесь для тебя. Для него. Независимо от того, что тебе нужно. Я уже говорила с моими профессорами, поэтому буду работать дистанционно остальную часть месяца. Я вернусь после Дня Благодарения. В течение следующих трех недель я вся твоя. Все, что тебе нужно.

Я крепко обнимаю свою младшую сестренку. Правда вертится на кончике моего языка.

— С Бруксом все будет хорошо, — Далила крепче обнимает меня. — Он поправится, а ты выйдешь за него замуж и будешь жить долго и счастливо с кучей младенцев Эбботт, и весь мир будет в ваших руках.

— Я не хочу говорить о будущем прямо сейчас.

— О, — говорит она, хотя это больше похоже на вопрос. — Хорошо. Конечно. Понимаю.

— Я собираюсь принять душ.

— Я буду здесь.

Демид

Моя сестра берет меня за руку, когда мы идем по залу мемориального госпиталя Рикстон Фоллс рано утром. Я не уверена, пытается ли она забрать часть моих сил или, наоборот, передать свои.

— Он находится в очень плохом состоянии, — говорю я, прежде чем мы подходим к двери палаты. — Приготовься. Ты вряд ли узнаешь его.

Она вдыхает и встречает мой остекленевший взгляд.

— Я готова.

Далила невзлюбила Брукса с первого взгляда. Она считала его претенциозным и высокомерным. Хотя моя сестра не склонна сразу же сближаться с большинством людей, которых встречает. Иногда она производит впечатление холодной и бесчувственной, но я убеждена, что внутри мягкая и нежная. Но после того как Далила теплеет к кому-то, то, как правило, преданна уже до конца.

Вот почему я не решаюсь сбросить на нее бомбу сейчас.

Далила любит Брукса.

Почти так же, как когда-то любила Ройала.

Мы заходим в палату, и я слышу, как она начинает задыхаться позади меня.

— О, Боже мой, — она проходит мимо меня, встает на колени у постели Брукса и берет его за руку. Далила шумно выдыхает. — Он даже не похож на себя, — она прижимается щекой к его безжизненным пальцам. — Что говорят врачи? — спрашивает она.

— Ничего нового с момента нашего последнего разговора, — я занимаю место в углу, и даю Далиле момент побыть с ним. — В основном, просто ждут, когда спадет отек.

— О, хорошо. Ты здесь, — как обычно «при полном параде», с совершенной прической и макияжем, Бренда Эбботт залетает в палату. За эти годы я узнала, что Эбботты никогда не покидают дом, не выходя лучше всех, независимо от ситуации.

— *Нет никакого оправдания, чтобы выглядеть как неряха, — сказал однажды мне Брукс, когда я попыталась покинуть дом в спортивках и футболке.*

Я собиралась заправить свою машину.

Бренда устремляется ко мне, целуя в каждую щеку, затем переводит взгляд на покалеченного сына.

— Доброе утро, Далила, — Бренда посылает теплую улыбку с грустным взглядом. — Вернулась с учебы?

— Я прилетела вчера вечером, — говорит сестра. — Как только узнала, сразу забронировала первый билет до дома.

— Такая милая девушка, — Бренда кладет руку на щеку моей сестры. — Если бы у меня был еще один сын, он бы женился на тебе.

Далила отворачивается, явно польщенная. Она не из тех, кто выходит замуж, но Бренда не знает об этом. Я удивлюсь, если кто-нибудь усмирит мою сестру и погонит под венец.

В такт биению сердца Брукса пищат приборы, создавая постоянный саундтрек к нашему разговору. Мы всего лишь три женщины, которые, натянув улыбки на свои лица, ради друг

друга делают вид, что все будет в порядке.

Я скрещиваю ноги и смотрю в окно. Из окна палаты открывается прекрасный вид на пруд Мейера. В теплое время года сотни уток слетаются туда. Мы привыкли гулять по этому месту и бросать им кусочки черствого хлеба. Брукс любил смотреть, как они борются за еду. Он бросал маленький кусочек в группу из нескольких десятков уток и смотрел на них. Я всегда кидала хлеб к встревоженным уткам, которые держали дистанцию. Они заслужили это также, как и другие.

Оглядываясь назад, трудно сказать, когда все пошло не так. Несмотря на каждый из наших недостатков и несовершенств, я думаю, что мы были когда-то счастливы.

Возможно, Брукс почувствовал отдаленность с моей стороны? Мое равнодушие? Возможно, он мог бы сказать, что я не была полностью погружена в нас, и решил дезертировать с корабля, прежде чем это стало слишком поздно? Возможно, все это моя вина. Возможно, я уничтожила нас.

Мы должны были пожениться в день Святого Валентина. Праздник выпадал на воскресенье в этом году, так что наша свадьба должна была состояться тринадцатого. Я настаивала на том, что тринадцатое — несчастливое число, но Брукс опроверг мое утверждение. Он думал, что я была милой. А потом он обвинил меня в попытке отложить свадьбу в третий раз.

— Дорогуша, ты слышала, что я сказала? — Бренда Эбботт смотрит на меня через всю палату. Далила тоже.

— Простите, — я прочищаю горло. — О чем вы говорили?

— «Вестник Рикстон Фоллс» хотел бы взять у нас интервью для первой страницы, — Бренда проводит рукой по волосам, подстриженным в стиле боб. Прическа выглядит новой. — Я разговаривала с репортером этим утром, но в редакции хотели бы поговорить и с тобой тоже. Я сказала им, что спрошу тебя, и что это случится только тогда, когда ты будешь готова.

— Я пойду с тобой, — Далила поднимается. — Ты не должна проходить через это одна.

— О, эмм, — мой взгляд мечется между ними. Это будет сложно — дать интервью, когда я все еще переживаю свои собственные эмоции, но я не могу отказаться. — Да, конечно.

— О, мой дорогой ангел, — Бренда кладет руку на грудь и наклоняет голову. — Спасибо. Это будет так важно для Брукса, знать, что мы отказались терять надежду.

— Где репортер сейчас? — спрашиваю я.

— Она ждет в холле рядом с торговыми автоматами на нашем этаже, — говорит она. — Зеленая блузка. Длинные светлые волосы. Ее зовут Афтон, вроде бы. Очень приятная молодая леди.

— Вы, должно быть, Афтон? — несколько минут спустя я подхожу в холле к женщине в шелковой блузке приглушенного зеленого цвета. Блузка заправлена в черную юбку-карандаш, и когда женщина поднимается, то возвышается надо мной, стоя в лакированных

туфлях. Бриллиантовая брошь в форме двух взаимосвязанных букв «К» и «С» прикреплена к лацкану блузки. Репортерша протягивает руку с теплой улыбкой, словно боится меня.

— Может быть, она не очень хороша в такого рода вещах? Я полагаю, что она тренировалась, чтобы не оказаться слишком возбужденной, что вполне понятно, учитывая тему ее интервью.

— Это я, — говорит женщина. — Деми Роузвуд, я полагаю?

Я киваю, встречая ее рукопожатием. Оно слабое, и я не могу не потерять каплю уважения к ней. По крайней мере, она могла бы крепко пожать мне руку. Это выглядит как неуверенность в себе, несмотря на то, что, судя по ее внешнему виду, Афтон явно умеет держать себя в руках.

— Там есть небольшая комната, которую мы можем использовать, — женщина указывает за стойку регистрации, и я следую за ней, в то время как Далила идет за мной. Репортерша пахнет так, словно прошла в универмаге по парфюмерному отделу — увядший коктейль из приятных нечетких ароматов.

Мы присаживаемся за столик в комнате, которую, по-видимому, персонал использует во время перерыва. Торговый автомат жужжит в углу рядом с протекающей кофеваркой. Афтон кладет телефон на стол между нами, прочищает горло и суется с блестящими светлыми локонами, прежде чем усесться.

— Вы репортер «Вестника»? — не я должна начинать разговор, но она, кажется, нервничает. Предполагаю, что она новичок в этом или просто стесняется.

Афтон улыбается, мягко прочищая горло, и нажимает кнопку записи на своем телефоне.

— Мой редактор хочет, чтобы я взялась за историю Брукса, — говорит она. — И его последующее восстановление. Я думала, что было бы хорошо начать с его матери, а потом она предложила мне поговорить с вами, так как он ваш жених.

Репортерша говорит слово «жених», словно это оставляет горький привкус у нее во рту. Неблагополучный брак, возможно? Она относится к тому типу девушек, которые слишком красивы, чтобы осесть и завести семью? Она неотрывно смотрит на меня своими зелеными глазами.

— Как вы держитесь? — спрашивает она. — И как вы относитесь к прогнозу его состояния?

— Его состояние не очень хорошее, — говорю я. — И я понимаю и принимаю это день изо дня. Мы все понимаем.

Афтон мягко барабанит по столу пальцами с идеальным маникюром серо-коричневого цвета. Женщина смотрит на меня, но это выглядит так, будто она смотрит сквозь меня. Я не думаю, что ей хочется здесь находиться. Кажется, ей надоела эта история. Могу поспорить, что она из тех женщин, которые скорее бы рассказывали о новостях большого города, а не маленького городишки.

Или о покупках.

Репортерша выглядит как девушка, которая проводит несколько часов в торговом центре каждую субботу.

— О прогнозе... — бормочет она.

— Разве Бренда не рассказывала? — спрашиваю я.

— О, гм, — Афтон начинает бормотать и останавливается. — Иногда два человека могут рассказать очень разные версии одной и той же истории. Всегда хорошо иметь больше, чем одно мнение, и мы не берем интервью у его врачей.

— Мне очень жаль, но моя сестра на самом деле не в том состоянии, чтобы говорить об этом прямо сейчас, — Далила тянется к телефону Афтон и останавливает запись. — Я не уверена, что вы хотите услышать что-либо из этого, не правда ли? Она разваливается, ясно? Посмотрите на нее. Деми прямо сейчас имеет дело с большим количеством проблем, что вы и представить себе не сможете, и последнее, что бы ей хотелось сделать, это вываливать свои чувства какой-то репортерше, которая явно не хочет даже быть здесь.

— Далила, — я прочищаю горло.

— Извини, — сестра поворачивается ко мне. — Каждая секунда здесь — это потерянное время без Брукса. Ты должна быть там, где ты хочешь быть прямо сейчас, Дем. Каждая минута дорога.

Афтон поднимается, проводя рукой вниз по своей юбке-карандаш и тянет ее за край вниз.

— Мои извинения, мисс Роузвуд, — говорит она. Затем встречается взглядом с моей сестрой. — Я не хотела вас расстраивать. Или вашу семью. Я надеюсь, вы понимаете, что я выполняла свою работу.

— У вас есть визитка? — спрашивает Далила. — Она сможет вам позвонить, когда будет готова поговорить об этом. Ну а пока мы просим дать нашей семье некоторое пространство.

Афтон открывает свой клатч, достает визитку и передает через стол. Далила берет ее и засовывает в задний карман джинсов, прежде чем положить руку мне на плечо и вывести оттуда.

— Ты не должна делать это, ты же знаешь, — говорю я сестре, когда мы направляемся в палату Брукса. — Ты не должна всегда приходить ко мне на помощь.

— Эта девушка раздражает, — фыркает Далила. — Она была настолько непрофессиональной. Даже не была заинтересована в том, что ты ей говорила. А ее вопросы? Как ты себя чувствуешь? Туше. Это было грубо с ее стороны, тратить твое время на такое.

Когда мы возвращаемся в палату Брукса, Бренда сидит с его стороны и говорит что-то ему на ухо, будто ее сын вовсе не в коме. Она крутится в своем кресле, когда мы заходим, и поднимает свою руку к щеке, смущаясь.

— Боже мой. Врачи сказали, что, возможно, он слышит меня, — она хихикает. — Я предполагаю, что это звучит глупо, сидеть здесь и рассказывать ему о том, что я планирую приготовить на обед ко Дню Благодарения, но я подумала, если напомню ему, как сильно он любит мою фаршированную запеканку, может, это даст ему стимул, чтобы очнуться.

Мы с Далилой обмениваемся взглядами.

Бренда скользит руками вокруг Брукса и гладит его плечи.

— Ну, Брукс, — говорит она, — твоя красотка невеста уже здесь, так что я собираюсь улизнуть и сделать несколько телефонных звонков. Думаю, выпью кофе. Леди желают чего-нибудь?

— Нет, спасибо, — отвечаю я.

Даже перед лицом трагедии Бренда Эбботт не может отключить свою заботу о других людях. Она всегда одета с иголочки; увидев ее, вы бы не сказали об этой женщине, что ее девяностолетний муж прикован к постели в загородном поместье, а единственный ребенок борется за свою жизнь. Я могу только уповать на то, что, когда стану старше, буду хотя бы наполовину такой же сильной, как эта женщина.

Бренда выходит, и ее каблук цокают по плитке.

— Он очнется до Дня Благодарения, — говорит Далила.

— И откуда ты это знаешь?

Она пожимает плечами.

— Если ты веришь во что-то достаточно сильно, иногда это становится реальностью.

Я указываю на приборы Брукса.

— Не думаю, что это работает *таким* образом.

В палату входит один из многих врачей Брукса с медсестрой, которая начинает сыпать статистикой. Они останавливаются рядом с компьютером в углу, а затем переходят к постели Брукса.

— Как он сегодня? — спрашиваю я, когда они проверяют его.

— Мы видим кое-какие улучшения, — у врача волосы цвета чистого снега, а на бейджике написано «*Эд Сандерсон, доктор*».

Этот доктор хорошо квалифицирован, и он явно не любитель поболтать. Но мне пофиг на манеры человека, если он знает свою работу.

— Мы собираемся сделать еще одно КТ (*Примеч.: Компьютерная томография — метод послойного исследования внутреннего строения органа*) и ЭЭГ (*Примеч.: ЭЭГ — чувствительный метод исследования, который отражает малейшие изменения функции коры головного мозга и глубинных мозговых структур, обеспечивая миллисекундное временное разрешение*) на этой неделе.

— О, хорошо, — говорю я, отойдя от кровати Брукса, чтобы предоставить им лучший доступ.

Далила садится в кресло у окна, судорожно что-то набирая в своем телефоне. Если бы это была любая другая ситуация, я бы подшутила над ней за это. Я бы дразнила ее о переписке с мальчиком или спросила, намечается ли у нее свидание. Капля чего-то нормального не помешала бы прямо сейчас. Скорее всего, Далила информирует Дафну, находящуюся в Париже, держа ее в курсе каждой мелочи происходящего.

Постоянный писк аппаратов, поддерживающих жизнь Брукса, возвращает меня прямо в центр этой новой реальности.

— Ты не должна оставаться здесь весь день, — говорю я сестре. — Если хочешь вернуться домой, это нормально.

Она прищуривается и морщит нос.

— Я проделала весь путь сюда из Чикаго, чтобы быть здесь, а ты хочешь, чтобы я ушла?

— Нет, нет, — отвечаю я быстро. — Конечно я хочу, чтобы ты осталась. Я просто говорю, если у тебя есть другие дела, то ты можешь идти, не чувствуя себя плохо из-за этого.

— Что может быть важнее этого? — она снова щурится. — Ты ведешь себя так, будто Брукс восстанавливается после разрыва селезенки, и его отпустят в течение нескольких дней.

Разве?

Врач и медсестра покидают палату без объяснений о его состоянии. И я понимаю почему. Бренда получает всю информацию. Я не жена Брукса. Законно я не могу принимать какие-либо решения о его медицинской помощи. С юридической точки зрения я не имею никаких прав.

— Я забочусь о нем, — говорю я сестре, хотя ощущается это, как напоминание самой себе.

Далила хмурится.

— О чем это ты? Никто не говорил, что ты не заботишься о нем.

— Ты сказала, что я веду себя слишком спокойно, а это означает, что я не забочусь о нем. Поэтому я говорю тебе: я забочусь.

Сестра хватает журнал и раскрывает его на середине. Отсюда я могу заметить, что это журнал о дизайне интерьера, и я уверена, что это Бренда оставила его здесь. Они делают косметический ремонт в их доме, и она рассматривает журналы для создания идей.

— Я не знаю, Дем. Просто помню, как ты испугалась, когда Ройал ушел много лет назад, — она переворачивает страницу, сканируя глазами объявления о деревянной мебели. — Я имею в виду, ты ведь любишь Брукса достаточно, чтобы провести остаток своей жизни с ним, а сейчас ты просто принимаешь все это так спокойно. Я ожидала, что ты будешь разваливаться немного больше, вот и все.

— Беспокойство не заставит его проснуться. Нет ничего плохого в попытке остаться сильной, ведь так?

Далила встает, закрывает журнал и швыряет его в сторону.

— Я не должна была ничего говорить. Я пришла сюда не для того, чтобы критиковать, как ты ведешь себя. Мне очень жаль, — она прижимает руку к груди. — Я здесь для тебя. И Брукса. И я буду здесь, когда он проснется и когда поведет тебя к алтарю.

— Спасибо, — я сажусь возле Брукса и прикасаюсь к его руке, чтобы понять, почувствую ли что-нибудь. Его ладонь теплая.

И это все, что я чувствую.

Теплота. И больше ничего.

— Иногда я думаю, что Брукс был послан Вселенной за все, что сделал Ройал, — размышляет Далила, покусывая губу.

— О чем ты говоришь?

— Мы не знали, почему Ройал ушел. Но, возможно, это не имеет значения. Может быть, ты просто должна была быть с Бруксом, и если бы Ройал застрял рядом, этого никогда бы не случилось.

— Я так не думаю.

— А я думаю, — сестра снова садится. — Все происходит неслучайно. Жизнь — это один огромный ряд домино.

Ее аналогия не подходит мне. Мне нужно знать, что случилось. Я отказываюсь соглашаться с каким-то клише.

— Во всяком случае, я не думаю, что судьба забрала бы Ройала и дала тебе Брукса, если бы вы были предназначены друг для друга, чтобы провести остаток своей жизни вместе.

Букет из ярко-розовых маргариток стоит на окне в палате Брукса. Не понимаю, как я их не замечала раньше, и я не уверена, откуда они появились, так как в больнице не позволяют приносить цветы в реанимацию. Держу пари, Бренда пронесла их. Цветы — ее слабость. Она любит их все без разбора.

В отличие от Брукса.

Маргаритки напоминают мне о борьбе, которая возникла у нас месяц назад во время выбора цветов для свадьбы. Я хотела маргаритки в ярких оттенках оранжевого, желтого и розового. Брукс сказал, что их слишком много. И смотреться они будут дешево. Он настаивал на пионах, хотя я говорила ему, что в феврале не сезон для них. Брукс настаивал, чтобы их прислали из Израиля, что стоило бы десятки тысяч долларов.

Мы боролись до конца дня.

И борьба за цветы привела на следующий день к борьбе за свадебный торт. Брукс хотел классический белый с малиновой начинкой, утверждая, что это традиция Эбботтов. Я хотела немецкий шоколад с начинкой из кокосового ореха. Что-то непривычное и неожиданное. Мое предложение о разных слоях осталось не услышанным.

Оглядываясь назад, могу сказать, что подобное всегда было способом Брукса достичь желаемого. Он был не в состоянии пойти на компромисс. Он хотел получать то, что желал, и всегда добивался этого тем или иным путем.

После борьбы за торт, Брукс извинился за то, что был «женихом-монстром» и утверждал, что это было из-за переживаний, ведь он хотел, чтобы наша свадьба была совершенной. Его мать уже пригласила около пяти сотен гостей, и это не считая гостей со стороны Роузвудов. Брукс целовал мои руки в ту ночь и снова извинялся, он притянул меня в свои объятия и описал самую красивую зимнюю свадьбу, что я когда-либо могла себе представить.

И я простила его.

В сотый раз.

Как дура.

Демиде

— Спасибо, что пошла сегодня со мной, — я расстегиваю свой ремень безопасности и хватаюсь за ручку двери автомобиля Далилы, прежде чем сестра останавливается. Она притормаживает на повороте и сворачивает на подъездную дорожку, после чего останавливается возле моего дома.

— Хочешь, я пойду с тобой завтра?

— Ты не должна делать этого. Я могу побыть там одна. Ты всегда можешь зайти и провести его в любое время.

Далила кладет свою руку на мою.

— Мы все беспокоимся о тебе. Мама и папа. Все.

Я в этом не сомневаюсь.

Я испугала всех, когда Ройал ушел. Должно быть, они чувствуют себя сейчас также, ожидая, что я начну разваливаться.

— Ты ела? — спрашивает она.

— Конечно.

— Почему тебя тошнило прошлой ночью? Ты не беременна?

— Боже, нет, — *слава Богу*. — Вероятно, стресс.

— Мама и папа приедут завтра, я думаю. Дерек приедет тоже. Он забрал Хейвен. Проводит с ней выходные.

Хоть какой-то проблеск во всем этом, чтобы смотреть вперед, и ее зовут Хейвен. Моя племянница — мой мир, но у меня редко получается видеться с ней с тех пор, как Дерек расстался со своей бывшей.

— Не думаю, что они пускают детей до двенадцати лет в отделение интенсивной терапии, — говорю я.

— Между нами говоря, мы сможем что-нибудь придумать. Дерек действительно хочет увидеть Брукса. Кажется, он воспринял это тяжелее, чем мы думаем, и именно поэтому он еще не пришел навестить его.

Вряд ли между Дерексом и Бруксом зародилась дружба в последние несколько лет. Я думаю, это случилось на игре в гольф в выходные в честь Дня Памяти. С тех пор, возможно.

— Дафна писала мне ранее, — говорит Далила.

— Да. Мне тоже.

— Она чувствует себя ужасно, что не смогла приехать сразу же.

— Она вернется на День Благодарения.

— Да, но если что-нибудь случится с Бруксом, и она не сможет сказать... — Далила моргает и отворачивается. — Я даже не хочу заканчивать эту мысль.

У меня болит голова, и я устало смотрю на свою дверь. Как только перешагну ее, смогу закрыться от остальной части мира хотя бы на несколько часов. Я смою этот день с помощью горячей ванны и «Золпидема». (*Примеч.: Золпидем — снотворное лекарственное средство*). Завтра я проснусь, чтобы пройти через это снова. Надену на себя маску. Притворюсь, что все понимаю. Позволю каждому думать, что я сильнее, чем когда-либо

была. Не буду обращать внимания на поток вины, который курсирует по моим венам каждый раз, когда я смотрю на Брукса и чувствую обиду.

И где-то глубоко внутри мне интересно, когда Ройал собирается показаться снова возле моей двери?

Потому что, несмотря ни на что, я не получила ответы на свои вопросы.

Ройал

Как только возвращаюсь домой, я сразу же выбрасываю пижаму Брукса в мусор, где ей и место. Меня убивало, черт возьми, просто *убивало* то, что пришлось носить эти штаны.

Запах чистого белья заполняет мою крохотную студию над шумной прачечной. Это единственное, что хорошо в этой дыре. Словно живешь внутри сушилки. Место, где постоянно тепло, что хорошо зимой, и где всегда хорошо пахнет, даже когда полы нуждаются в чистке, а постельное белье в стирке.

С грохотом открывая дверь холодильника, я хватаю пакет молока и пью его прямо из пачки, прежде чем поставить обратно. Я игнорирую тот факт, что срок годности истек вчера.

Принимаю душ, пытаюсь смыть с кожи запах дома Деми, но отказываюсь выпускать ее образ из головы. Наблюдать за ней издали никогда не было равноценно реальности наедине с ней, но это был единственный вариант для меня. И как бы больно ни было стоять и позволять ей метать в меня кинжалы этим утром, я надеюсь, что когда-нибудь она поймет.

И простит меня.

— Доброе утро, Ройал, — Пандора проводит кредитной картой и передает набор ключей от «Корвета» пожилому человеку, который отчаянно пытается снять свою кожаную куртку. — На двадцать минут раньше. Что в тебя вселилось? Не мог дождаться, когда вновь увидишь меня?

— Ты ведь знаешь, — я не смотрю на нее, мой тон безразличный и ровный.

Я хватаю свою рабочую рубашку с крючка за стойкой регистрации. Мое имя нашито на груди глубоким синим цветом. Тем самым цветом, в который я покрашу свой «Челленджер», как только получу свою зарплату. Колокольчики на двери дребезжат, извещая о том, что клиент ушел, и наша стоянка пустеет.

— Нам доставят «Эскалейд» примерно через час, — Пандора надувает пузырь из жвачки неоновро-розового цвета. Вероятно, со вкусом арбуза. Ее язык всегда на вкус как арбуз. — Реально в плохом состоянии. Как спереди, так и сзади. Это конец, но все равно владелец хочет ее починить. Держу пари, у машины имеется *огромное* заднее сиденье.

Она подмигивает.

Я перевожу взгляд в сторону кабинета, где за компьютером сидит отец Пандоры и слишком громко слушает классический рок. Мужчина весь в татуировках, отсидел два срока и улыбается золотыми зубами, словно постоянно дрался в барах. Этот старый сукин сын упрямый и грубый во всех проявлениях, но он дал мне работу, когда никто не хотел помочь.

— Где ты был прошлой ночью? — Пандора наклоняется над прилавком, виляя попкой и

ухмыляясь. — Я писала тебе. Не хотела, чтобы ты упустил шанс с дочерью босса.

Мой взгляд снова возвращается к Роду, который совершенно не обращает внимания на происходящее. Дочь босса — не большое достижение, но, черт побери, она напоминает мне кое кого — мою единственную слабость.

Иногда, в самые отчаянные времена, человеку нужен хоть кто-то.

— Давай, — говорит она, — я знаю, что завожу тебя так же, как ты заводишь меня.

Пандора Паттерсон — дешевая копия Деми Роузвуд. Черные волосы, полные губы, большие сиськи, круглые голубые глаза. Хотя у Пандоры немного резкий взгляд. Она менее утончена, ее руки покрыты татуировками. Кричаще-красные губы. Гортанный смех. С вечным запахом сигаретного дыма и алкоголя. Она, конечно же, не замена самому важному созданию на свете, но я мужчина с ограниченными возможностями, и Пандора ни разу не осуждала меня.

— Я же тебе говорил, — говорю я. — Мы не можем больше этого делать.

Она дуется и проводит заостренным ногтем по своей щеке, будто плачет. Затем крадется ко мне и обвивает руками мои плечи.

— Боже, Ройал, ты такой чертовски дразнящий, — Пандора прижимается ко мне грудью и наклоняется к уху. — Я думала о тебе прошлой ночью. Ничто не заставляет меня кончать сильнее, чем мысль обо всех этих озорных вещах, которые ты делаешь со мной в задней части мастерской после того, как папа уходит.

Пандора еще та развратная шлюха. Она любит острые ощущения, особенно быть *почти* пойманной, и любит трахаться с мужчинами такого типа, за которыми ее отец будет гоняться с ружьем. Даже ужасный Род Паттерсон хочет лучшего для своей своенравной дочери.

Она проводит пальцами по моим волосам, сжимая их, и рывком прижимается ртом к моим губам. Ее дыхание с запахом сигарет наполняет мои легкие, когда она смеется.

— Ты такой замученный, — говорит она. — И знаешь, что? Думаю, именно поэтому я не могу выкинуть тебя из головы. Я просто хочу помочь тебе.

— Мне не нужно помогать.

— Каждый человек нуждается в помощи.

— Это не значит, что люди хотят этого.

— Тьфу. Ты такой упрямый, — она легко ударяет меня в грудь. — Сломленный и осторожный.

Ладонью она скользит к передней части моих брюк, прежде чем схватить мой член. Я предполагаю, что это можно считать сексуальным домогательством, но оно меня не беспокоит. Я прошел через дерьмо и похуже, чем большегрудая сексуальная наркоманка, лапающая меня. Пандора нежно сжимает мой член и смотрит мне в глаза. Из кабинета ее отца доносится «*Fortunate Son*» (Прим: *Удачливый сын*) группы CCR's, в такт которой Род стучит ногой, и это всего в пяти метрах от нас, что вызывает испарину на спине.

Я не могу позволить себе потерять эту работу.

— И я чертовски *люблю* это, — она освобождает меня от своих объятий и возвращается к стойке регистрации, чтобы ответить на звонок телефона. — «Автомастерская Паттерсона».

Пандора зажимает ноготь между губами и подмигивает мне.

— Не хочу разговаривать с тобой, — она бросает трубку, пожимая плечами. Когда ее плечи двигаются, то становится видно верхнюю часть ложбинки между грудями. Это было сделано намеренно, нет сомнений. — Никого нет.

Снаружи подъезжает «Линкольн», ржавый и без бампера. Предполагаю, что хозяин нуждается в оценке. Я направляюсь к столу, чтобы взять ручку и блокнот, и Пандора лукаво улыбается, когда я шагаю в ее сторону.

— Нет, — говорю я.

— Что, ты теперь гей? — говорит она достаточно громко, что ее отец мог бы услышать, если бы не был так занят, напевая «*Sweet Home Alabama*» (Прим: Алабама — милый дом). Пандора упирается рукой в левое бедро. — Прекрати делать вид, что больше этого не хочешь.

У нас уже был разговор об этом несколько недель назад. Почему она снова его затевает?

— Ты пытаешься втянуть меня в неприятности? — мой тон низкий и резкий. Я качаю головой. У меня нет времени на это. — Не смей, Пандора.

Мне действительно нужно найти новую чертову работу.

Ройал

Поездка от «Автомастерской Паттерсона» до моей квартиры в Глиддене занимает всего тридцать минут, и так случилось, что Рикстон Фоллс находится по пути.

Я поворачиваю в сторону города Деми и останавливаюсь на знаке «Стоп» на минуту дольше, чем положено. Сейчас поздний вечер. Она все еще может находиться в больнице. Также я напоминаю себе, что Деми теперь знает, как выглядит мой автомобиль. Больше я не какой-то сталкер. Больше я не выгляжу, как какой-то гребаный урод-неудачник.

Вероятно, это к лучшему.

Мне нужно двигаться дальше. Так же, как это сделала она.

Сигнал позади заставляет меня нажать ногой на газ, и я направляюсь вперед, вниз по улице Деми.

На крыльце ее дома горят огни, ее машина припаркована на подъездной дорожке, задние фонари светятся красным, а затем гаснут в темноте.

Черт.

Я останавливаюсь ниже по улице и жду, пока она выйдет из «Субару» и направится внутрь. По прогнозу погоды на сегодня передавали большой снегопад. Жаль, что она не может оставить свою машину в гараже, ведь я знаю, что весь гараж заставлен «игрушками» Брукса.

Часть меня хочет уехать и вернуться в другой раз. Дать ей больше пространства. Я не должен был показываться прошлой ночью, но я не мог стоять в стороне и смотреть, как она страдает.

Только не снова.

Все было терпимо, когда я думал, что она счастлива. Деми, по крайней мере, много улыбалась, как я мог судить. Я проверял ее странички в социальных сетях время от времени. Казалось, она достаточно любит этого Брукса. Я оставался в стороне, полагая, что она навсегда останется с ним.

А потом я узнал, каким гребаным мудаком был Брукс Эбботт на самом деле.

Деми заслуживает лучшего.

Я должен был вмешаться.

Я просто не знал, что Брукс заплатит за ошибки своей жизнью.

Ударив по рулю, я провожу ладонями по волосам и направляюсь к ее дому. К тому времени, как я стучу в ее дверь, перед глазами начинает мутнеть, и мне становится тяжело дышать.

— Я знала, что ты вернешься, — говорит Деми, открывая дверь. Я задерживаю дыхание, когда вижу ее лицо и успокаивающие голубые глаза. — Но не знала, что это произойдет так скоро.

Я стою у входной двери в серых рабочих брюках, замасленных ботинках и простой белой футболке. Пахну машинным маслом и растворителем для краски. Я выгляжу как дерьмо.

— Можно войти? — спрашиваю я.

Деми прижимается щекой к двери, в то время как ее плечи поднимаются и опускаются, когда она делает глубокий вдох.

— Да, — она открывает дверь шире, — но только потому, что мне нужны ответы на некоторые вопросы.

— Ожидания могут быть опасными.

— Не такими опасными, как возвращение в мою жизнь, Ройал.

Я ухмыляюсь. Я заслужил это.

Я снимаю ботинки и смотрю на ее нетронутую гостиную. Никогда в жизни я не буду ходить здесь в своей рабочей одежде.

— Ты принес штаны Брукса? — Деми приподнимает бровь.

— Неа. Выбросил их.

У нее отвисает челюсть.

— Зачем ты это сделал?

— Есть причины.

Она скрещивает руки на груди, пока мы продолжаем стоять друг напротив друга в прихожей.

— Думаю, мы можем пройти на кухню, — она направляется к столу в уголок для завтрака, к единственной мебели в этой комнате не белого цвета. — Я не знаю, это борьба за территорию или еще что, но ты не можешь просто выкидывать чужие вещи.

— Борьба за территорию? Я что — собака?

— Я не это имела в виду.

Мы сидим друг напротив друга, разделенные несколькими вазами по центру, наполненными живыми цветами ярких оттенков, которые оживляют все вокруг. Я перемещаю их в сторону, чтобы беспрепятственно видеть ее лицо.

— Хорошо, — вздыхает Деми. — У тебя есть мое внимание. А теперь скажи мне, Ройал. Почему ты, черт возьми, ушел семь лет назад и не возвращался?

Я переигрывал события того уик-энда тысячу раз, каждый раз спрашивая себя, как бы я поступил, будь все иначе.

В то время я считал, что поступаю правильно.

Я думал, что помогаю кому-то, кто отчаянно нуждался в моей помощи.

И никогда не ожидал, что все это взорвется прямо перед лицом, создавая какой-то эффект бабочки, полностью изменяя траекторию нашего будущего.

— Мы были бы сейчас женаты, — размышляю я, проводя пальцами по деревянной столешнице.

— Извини?

— Держу пари, что мы были бы сейчас женаты, — повторяю я.

Деми закатывает глаза.

— Возможно, но ты ушел. Решил бросить меня, так что...

Я качаю головой.

— Вовсе нет, Деми. Я всегда хотел быть с тобой.

Все еще хочу.

Ее глаза стекленеют. Она смотрит через мое плечо, не желая поддерживать со мной зрительный контакт.

— Да, хорошо, но это не прокатит со мной, — говорит она. — Должен, хотел, мог. Все твои слова — пустой звук.

— Я не ожидаю, что ты простишь меня.

— Тогда почему ты здесь?

— Это не так просто.

Деми бьет кулаком по столу.

— Нет, это просто. Это *так* просто. Черт побери тебя, Ройал.

— Сейчас ты точно разговариваешь не как воспитатель детского сада.

Она прищуривается.

— Я никогда не говорила тебе, чем занимаюсь.

— Это не так трудно узнать.

— Что еще ты знаешь обо мне?

Я мог бы сказать ей, что знаю о том, что иногда она ходит смотреть на звездопады, как когда-то это делали мы. Я мог бы сказать, что вижу ее по утрам каждую субботу, когда она идет по кафе «Хайленд» и заказывает себе карамельный макиато с дополнительными взбитыми сливками. Мог бы сказать, что видел ее, бесцельно ездившую по тем улицам, которые напоминают о нас. И я мог бы назвать их по порядку: Фриман-авеню, Эллери-драйв, бульвар Хейс, Файрст-стрит, Вайлет-ройд...

— Не так много, — отвечаю я.

— Как долго ты следил за мной?

— Не долго, — лгу я.

Деми поднимается.

— Куда ты идешь? — спрашиваю я ее.

— Я закончила, — говорит она. — Если ты не собираешься быть честным, я не позволю тебе тратить мое время.

Она уходит.

Просто так.

Я следую за ней и хватаю ее за запястье. Деми набирает полные легкие воздуха, застигнутая врасплох, и я притягиваю ее к себе.

— Я хочу рассказать тебе, Деми. Хочу рассказать тебе чертовски многое. Хочу рассказать тебе все, — я смотрю в ее кристально-голубые глаза, скучая по тому взгляду, каким она смотрела на меня, когда мы были счастливы. Перед тем как все изменилось. Когда мы были детьми, а впереди нас ждала целая жизнь.

— Так расскажи мне, — ее грудь вздымается и опадает. Деми пахнет больничной палатой, и это отрезвляюще напоминает, что она провела свой день рядом с *ним*.

— Мне нужно больше времени.

Деми сжимает челюсть, а затем выдает:

— Больше времени? Ты издеваешься, Ройал? Семи лет было недостаточно? — она выдергивает запястье из моей руки. — Пожалуйста, уходи. Мы закончили.

Деми

Мне приходится закусить изнутри губу, чтобы не наброситься на него. Все, чего я хочу — это кричать на него за потраченное мной время, за расточительство последних семи лет, за то, что он появился как какой-то доблестный рыцарь с хреновых времен.

Ройал медлит у двери, обувая свои грязные рабочие ботинки. От него пахнет автомастерской, и ногти черные. А когда-то он собирался пойти в колледж с Дерекком, закончить юридическую школу, а затем работать у моего отца.

— Я не надеюсь, что ты простишь меня, — говорит он.

Я не могу смотреть на него.

— Во всяком случае, пока, — добавляет он. — Я просто прошу тебя позволить мне хотя бы попытаться изменить это.

— Ты не сможешь.

— Деми, — он приближается ко мне. Я отворачиваюсь. Это ребячество, я знаю. — Ты не можешь даже представить, сколько ночей я лежал без сна, думая о тебе. О нас. О прошлом, — я сосредотачиваюсь на рассыпанной соли на полу в прихожей. Должно быть, я рассыпала ее, когда посыпала лед на ступенях, чтобы тот быстрее растаял.

— Если бы я мог вернуть время вспять, — продолжает Ройал, — то поступил бы иначе. Я никогда бы не ушел той ночью. Я был уверен, что поступаю правильно.

— У тебя кто-то был? — задаю я самый тяжелый из всех мучивших меня вопросов. Это, должно быть, единственная вразумительная причина его поступка. Мое сломанное, подростковое сердце может принять только такое объяснение его уходу: он полюбил кого-то больше, чем меня.

— Боже, нет, — Ройал берет мое лицо своими испачканными руками и поворачивает к себе. — Никогда.

Наши взгляды встречаются.

— Я не понимаю, — я убираю его руки от моего лица. — Почему ты не можешь просто рассказать мне?

Ройал смотрит на меня, нервно улыбаясь, отчего на правой щеке появляется ямочка — та, которую я целовала, когда мы были моложе.

— Возможно, я боюсь, — говорит он, вздохнув и расправляя грудь, словно я нуждаюсь в каком-либо напоминании о том, что он теперь мужчина.

— Боишься чего?

— Боюсь, что ты будешь смотреть на меня по-другому. Думать обо мне по-другому.

— Я любила тебя больше, чем ты мог бы себе представить, — говорю я. — Не было ничего, что ты мог бы тогда совершить, чтобы изменить мое отношение к тебе. Я была *чертовски сильно* влюблена в тебя.

Ройал невесело улыбается.

— Я хочу рассказать тебе, Деми. Ты заслуживаешь знать. Я в долгу перед тобой, — слова вырываются потоком, и он облизывает нижнюю губу. — Но я не готов, так же, как и ты.

Я выдаю саркастическое «Ха!» и делаю шаг в сторону, опуская руки по бокам.

— Тогда ладно, — говорю я. — Если это все, что я когда-нибудь услышу на свой вопрос, пусть так и будет, мы закончили. Я не могу заставить тебя говорить, так что не буду и пытаться, не буду тратить свое время.

— Закончили? — он приподнимает одну бровь. — Закончили — это означает, что мы закончили навсегда. Значит, мы больше никогда не увидимся друг с другом.

— Именно.

Я не ждала семь проклятых лет, чтобы он появился в моем доме и отказывался дать мне ответы, которые я заслуживаю услышать. Все эти годы в моем воображении он представлялся мне неким идеалом. Я вспоминала его, нашу юность, беззаботные деньки и бессонные ночи, полные любви. Я мечтала жить с ним долго и счастливо и о подобной ерунде, о которой мечтают все девочки. Он был прохладным ветерком в жаркий день. Зависимостью, от которой мне не излечиться.

И до сих пор не получается.

— Я хочу увидеть тебя снова, — говорит Ройал.

Мой взгляд устремляется к его губам, которые кажутся идеальными. Сильное сердцебиение в моей груди с каждым ударом угрожает сломать ребра. Я ненавижу то, как легко он завладел моим вниманием, сказав лишь эти пять маленьких слов.

— Может, я и не заслуживаю этого, — говорит он, — но это не меняет того факта, что я хочу этого.

Я складываю руки на груди.

— Не много ли ты хочешь?

— Я скажу тебе, что случилось, Деми. Обещаю. Но не сейчас. Давай лучше снова узнаем друг друга. Позволь мне заботиться о тебе, — предлагает он. — И когда настанет время, я расскажу тебе все, что ты захочешь узнать.

Я выдыхаю.

— Как я могу верить тебе? Как могу доверять?

— Ты не можешь, — я перестаю дышать, а лицо Ройала застывает. — Но я прошу тебя попробовать.

Я отступаю на несколько шагов назад, пока не врезаюсь в лестницу. Усаживаюсь на предпоследней ступеньке и прислоняю голову к стене.

— Я не знаю. На меня столько всего навалилось в последнее время, — мой взгляд останавливается на его изношенных ботинках. В глубине души я знаю, что эти семь лет для него прошли тяжело, и мое сердце болит, когда я думаю о всех тех вариантах, которые могли его привести к лучшей жизни. — Не думаю, что у меня хватит сил для... *этого*... Прямо сейчас.

— Да, но для меня это недостаточно веская причина, чтобы уйти, — он шагает ко мне, опускается до моего уровня и тянет меня вверх. — Я приеду утром, чтобы очистить твою подъездную дорожку, прежде чем отправлюсь на работу. Я не буду тебя беспокоить. Не волнуйся.

Он тянется к задней части моих джинсов, из кармана которых достает мой телефон и вбивает свой номер.

— Вот, — Ройал кладет телефон обратно в мой карман, кончиками пальцев задевая бедро, что сказывается на моем дыхании. — Ты можешь связаться со мной в любое время. Все, что тебе нужно. И я принесу тебе что-нибудь к ужину завтра вечером. Просто напиши

мне, что ты хочешь.

— Зачем ты это делаешь?

Он пожимает плечами, подразумевая, что это не имеет значения. Но это не так. Это важно. Очень важно.

— Нет, на самом деле, зачем?

— Наверстываю упущенное время, я предполагаю, — говорит он. — Во многом.

— Я не хочу огорчать тебя, но это займет намного больше времени, чем уборка снега...

Я улыбаюсь.

Что за черт?

Нет.

Нет, нет, нет.

Я должна кричать на него.

Топать ногами.

Проклинать его.

Бить кулаками по его груди, а затем прогнать на улицу.

И вот я, улыбаюсь, словно какая-то влюбленная старшеклассница, позволяющая очаровать себя капитану школьной команды по футболу.

Я стираю улыбку и любые ее следы со своего лица.

— Это, вероятно, не очень хорошая идея, — произношу я.

— О чем ты говоришь?

Ройал недоволен моим отказом, но чего он ожидал?

— Я не могу проводить свое свободное время с бывшим парнем, когда Брукс в больнице. Ты знаешь, как плохо это выглядит? И если об этом узнают мои родители или Дерек... Никто не поймет. Черт, даже я не понимаю, — я качаю головой. — Это слишком для меня. Я не могу. Я ценю это, но не могу принять твою помощь прямо сейчас, — я встаю и иду к двери, это способ Роузвудов вежливо попросить кого-то уйти. — Спасибо, но нет.

— Он изменял тебе.

Слова Ройала лишают меня кислорода. Колени начинают дрожать, а лицо немеет. Я отступаю назад, выпуская дверную ручку.

— У Брукса был кто-то на стороне, — медленно произносит он. — Довольно долгое время. Более года.

— Нет.

Ройал кивает.

— Я столкнулся с ним на прошлой неделе. Он понятия не имел, кто я, но я сказал ему, что я твой давний друг. Сказал, что если он не примет решение, я расскажу все тебе. Сказал, что я чертовски уверен, что он будет жить, сожалея о причиненной тебе боли.

Он проводит тыльной стороной ладони вдоль густой щетины, наклоняет голову и прищуривается.

— Ночью, когда произошла авария, — продолжает Ройал, — Брукс направлялся на север по девятому шоссе. Разбился в нескольких километрах за пределами Глидден, недалеко от ее дома. Он собирался к ней, Деми.

Ройал

— Деми, скажи что-нибудь.

Она вся оцепенела. Ее поза. Выражение лица. Взгляд.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Она оживает без предупреждения, ее глаза загораются, будто кто-то щелкнул выключателем. Проходя по коридору, она открывает дверцу шкафа и достает ружье.

— Что ты делаешь? — кричу я ей.

Деми не отвечает. Спустя тридцать секунд она возвращается с блестящей стальной клюшкой для гольфа, которую крепко сжимает в руке.

— Стой, стой, стой, — я поднимаю руки в протесте и прислоняюсь к двери.

— Это не для тебя, — она шагает мимо меня, рывком открывает дверь и выбегает наружу в одних джинсах и свитере. Ее босые ноги оставляют следы на светлом слое снега, который начался полчаса назад.

Я выбегаю за ней. К тому времени как я нахожу Деми, она вводит код в гараж на три автомобиля. Посреди пустует место, где когда-то стоял его «Мерседес», а по бокам от него занимают места великолепный винтажный «Порше 911», окрашенный в ярко-красный цвет, и черный «Рендж Ровер» с двадцатидюймовыми дисками.

— Деми, — я подхожу к ней и быстро отскакиваю в сторону, когда она поднимает клюшку над головой.

Удар.

Один взмах, и довольно значительная вмятина появляется на задней части «Порше».

— Эй, эй... — я протягиваю к ней руку, но она поднимает клюшку, нанося новый удар по машине. И третий. И четвертый. — Деми, все в порядке. Достаточно.

Я никоим образом не собираюсь защищать Брукса Эбботта, но мне как-то жаль, что маленький «Порше» принимает весь удар на себя. Машина не виновна во всем этом.

Деми тащит плоскую стальную клюшку вдоль водительской двери, оставляя глубокие царапины. Я не могу помочь, но мысленно подсчитываю количество часов, требующихся для полировки и перекрашивания таких повреждений.

— Удовлетворена? — ухмыляюсь я, когда она заканчивает. Ее плечи поднимаются и опускаются, когда она пытается отдышаться. — Давай зайдём внутрь, Босой Джо Джексон, — я обнимаю Деми за плечи. Уверен, что у нее ледяные ноги, но сомневаюсь, что она чувствует это. (*Прим. Джо Дже́ксон (англ. Joe Jackson; род. 11 августа 1954, Бертон-апон-Трент) — британский рок-музыкант и автор песен. Известен, главным образом, по песням «Is She Really Going Out with Him?» (1979), «It's Different for Girls» (1979) и «Steppin Out» (1982). Неоднократно номинировался на «Грэмми».*)

Деми останавливается и, опустив клюшку, смотрит вниз на нее, а потом прячет лицо в ладонях.

— Что я делаю?

— Не беспокойся об этом. Все закончилось. Пойдем, — я поглаживаю ладонью ее напряженные плечи круговыми движениями. — Я бы сделал то же самое.

Я лгу. Никогда бы не вымещал свою злость на меленькой машинке, как эта, но я не собираюсь говорить об этом, чтобы Деми не чувствовала себя хуже.

Оказавшись внутри, я веду ее к креслу рядом с камином и зажигаю его. Я укрываю ее кашемировым одеялом небесного цвета, и ее дрожь начинает спадать.

— Ты имела право знать, — говорю я. — Ты каждый день возле мудака, надеешься и молишься о чуде, и...

— Я знаю, — она тянет одеяло ближе к лицу, глядя на фотографию их двоих, которая стоит на столе. Они улыбаются, ее рука лежит у него на груди, и обручальное кольцо сверкает на солнце.

— С тобой все в порядке?

Деми медленно поднимает на меня взгляд, а затем возвращает обратно к фото. Она наклоняется вперед, опрокидывает фото лицевой стороной вниз, а затем облокачивается на спинку кресла.

— Я никогда не подозревала. Ни разу, — она прочищает горло, ее челюсть напряжена. — Это съедает меня. Я сижу здесь, обвиняя себя за его уход, думая, если бы я боролась сильнее, возможно, он не боролся бы за свою жизнь сейчас. А этот мудака... Этот мудака трахал кого-то другого все это время? Почему я не знала об этом?

— Он явно не хотел, чтобы ты узнала.

— Как ты узнал? — Деми смотрит на меня, нахмутив брови.

— Я живу в Глиддене, — говорю я. — Видел, как он ошивался с девушкой, и это была явно не ты.

Не буду вдаваться в подробности при ней.

— Подожди. Ты живешь в Глиддене? — она прищуривается.

Я киваю.

— Как долго?

— Черт. Не знаю. Несколько лет?

— Так ты все это время жил в пятнадцати минутах езды от меня?

Я тру ладонь о бедро.

— Не все это время, но да.

Деми одной рукой опирается на подлокотник кресла, а другой тянется ко лбу.

— Прости. Это слишком, чтобы осмыслить. Ощущение, словно нахожусь в альтернативной вселенной или типа того.

Я точно знаю, что чувствуешь, когда имеешь все, но потом теряешь равновесие в тот момент, когда из-под ног выдергивают ковер.

Газовый камин мерцает напротив фальшивого деревянного бревна, бросая теплые оттенки янтаря и золота вокруг нас, и мы сидим в тишине.

На мгновение мне становится так тепло, но не от огня. Моя грудь наполняется, расширяется, и ощущения проходят сквозь меня, достигая пальцев рук и ног.

Это чувство существовало в прошлой жизни, но не в этой.

Дом.

Находясь с Деми, я чувствую себя как дома.

Ройал

Восходящее солнце выглядывает через окно, освещая комнату, когда я просыпаюсь, ощущая, что моя шея затекла.

Огонь, который развела вчера Деми, все еще горит, поэтому она спокойно спит, ее голова покоится на моем плече.

Осторожно выбравшись, я укладываю ее на диванные подушки и укрываю одеялом.

Через полчаса, когда я заканчиваю расчищать подъездную дорожку, Деми выходит на крыльцо в халате и тапочках, держа в руках белую кружку, наполненную кофе.

— Думаю, ты мог бы сначала воспользоваться этим, — она подает мне кружку и заворачивается в халат, затягивая его туго.

Я делаю глоток лучшего, черт возьми, кофе, который когда-либо пробовал, пока мы стоим, пристально глядя друг на друга.

— Сожалею о прошлой ночи. О своем бесконтрольном поведении, — Деми прячет дрожащие пальцы в рукава, когда начинает дуть ветер, распахивая ее халат. — Ты, должно быть, думаешь, что я чокнутая.

Я поджимаю губы.

— Нет. Я не думаю так о тебе.

— В любом случае, я сожалею, что ты вынужден был смотреть на это.

Она такая Роузвуд. Всегда извиняется, даже если для этого нет никакой необходимости. Всегда позволяет манерам брать верх над ней.

— Не извиняйся передо мной, — говорю я. — Извинись лучше перед «Порше», который ты покалечила прошлой ночью.

Деми шире открывает глаза.

— Насколько же я испорчена, что разбила машину умирающего? — спрашивает она.

— Умирающий — сильное слово. Мы не знаем, умирает он или нет, — говорю я. — И посмотри, я могу исправить все это для тебя. Бесплатно. В свое свободное время. К тому времени как мудака очнет, он не будет иметь ни малейшего понятия о том, что произошло. Это будет нашим небольшим секретом.

Деми смеется. Здорово видеть ее улыбку.

Допив кофе, я вручаю ей кружку.

— Мне нужно ехать домой, чтобы подготовиться к работе.

Деми обхватывает ладонями кружку и кивает. Впервые за много дней она смотрит на меня, словно не ненавидит. Ее поза более расслабленная, а взгляд более нежный.

— Я принесу тебе ужин вечером, — говорю я и вытаскиваю ключи из кармана. Деми округляет глаза. — Приму это за согласие...

Перед тем как уехать, жду, пока она зайдет в дом. Я вернусь вечером, и завтра вечером, и следующим вечером.

Я буду рядом с ней каждый проклятый день в течение всей своей жизни, делая все для нее. Будучи человеком, которого она заслуживает, того, кто никогда не оставит ее.

В этот раз.

В этот раз я здесь, чтобы остаться.
Если она не захочет, чтобы я ушел.
А это вполне может случиться.

Деми

Аппарат искусственной вентиляции легких заставляет его дышать.

Но все, о чем я могу думать, это о том, что хочу проклятый торт-мороженое.

Он все время оставлял маленькие подарки-безделушки. Один раз медальон. Другой раз он выбрал к просмотру типичную женскую мелодраму. Сюрприз свидание. Бутылка моего любимого вина. Коробка конфет без сахара, конечно, так как нам нужно было держать себя в форме перед свадьбой.

Были ли эти подарки сделаны из-за чувства вины? Он покупал вещи, чтобы чувствовать себя лучше из-за своего маленького грязного секрета?

Аппарат работает громко. Непрерывно. Стабильно.

Как и мои мысли.

У Брукса начал спадать отек вокруг глаз. Синяки фиолетового цвета сменили оттенки зеленого и желтого. Теперь он почти узнаваем. Он больше не выглядит угасающим.

Руки Брукса лежат по бокам, хорошо уложенные на кровати, что, я уверена, сделала одна из медицинских сестер. От мысли о том, чтобы снова держать их в своих руках, сводит живот. Эти руки, которые я любила и лелеяла, целовала и прощала большее количество раз, чем, вероятно, должна была, все это время касались другой. Теперь я представляю их переплетенными вместе, как он запускает их в волосы какой-то девушки с огромными губами цвета спелой вишни и ногами от ушей, которая, к тому же, любит извращенный секс.

Я никогда не позволяла Бруксу вставить мне в задницу, несмотря на его многочисленные попытки.

Мой взгляд поднимается к его шраму на левой руке. Это старый шрам, который он получил еще в наш последний год в Харгроу. Брукс взял меня на «Мусорщик идет на охоту» (*Прим. городской квест*) на мой двадцать первый день рождения, и один из конвертов был спрятан глубоко в зарослях кустов. Я не могла достать его, так что он сам попытался достать конверт рукой и был укушен каким-то зубастым грызуном. Было темно, и грызун быстро убежал, так что нам не получилось хорошо разглядеть его.

Я целовала шрам сто раз. Я целовала его губы тысячи раз. И каждый раз напрасно.

Он просто обманщик.

Самовлюбленный, эгоистичный мудака.

— Деми, — я узнаю голос своей матери, раздающийся из дверного проема палаты.

— Привет, мам, — я благодарна за повод, чтобы оставить его. — Папа.

Папа стоит за мамой, снимая шляпу и перекидывая свой плащ цвета хаки через плечо.

— Мы были здесь прошлой ночью. Мы скучали по тебе, — говорит папа.

Мама проводит рукой по моей щеке, всматриваясь в лицо своими грустными, сочувствующими глазами, прежде чем крепко обнять. Я вдыхаю родной запах детства. Корица, сахарное печенье, «Тайд», чистящее средство для мебели с запахом лимона и тепло. Ностальгия и частичка комфорта.

— Как ты, Деметрия? — спрашивает папа. Он всегда называет меня моим полным именем в серьезных ситуациях, словно «Деми» слишком неформальное обращение.

— Нормально, — похоже, это стало моим стандартным ответом в последние дни.

Мама отпускает меня и поглядывает через плечо в сторону Брукса.

— Я просто не могу в это поверить, — вздыхает она. — Наш милый Брукс. Он всегда был в центре праздника. Такой живой и энергичный. Видеть его таким... Это... Это просто неправильно.

Она подходит к нему, берет его руку в свою и поглаживает большим пальцем старый шрам.

— Этого никогда не должно было произойти, — говорит она. — Он не заслужил этого.

Мои родители не спрашивали, куда он направлялся и почему был на шоссе в девять часов вечера во вторник. Один. Даже мой отец — знаменитый прокурор с одержимостью к деталям и фактам.

Я думаю, они боятся сделать неверное движение, словно их вопросы каким-то образом навредят мне.

Если бы они только знали.

— Дерек уже в пути, — говорит папа. — Он заканчивал дела в офисе, а затем забирает Хейвен. Это его выходные.

Меня переполняют эмоции при мысли, что скоро увижу свою трехлетнюю племянницу. Я хочу обнять ее и зарыться лицом в ее шелковистые светлые волосы. В мире нет ничего лучше, чем смотреть в глаза этого маленького ангела и чувствовать, как плотно сжимаются ее руки вокруг твоей шеи.

Боже, я люблю детей.

Я скучаю по своим воспитанникам. По всем двадцати восьми. У меня такой большой класс в этом году, и половина из ребят были переведены ко мне по просьбе их родителей. Якобы у меня хорошая репутация в школьной округе, и это только мой третий год работы.

Папа стоит у подножия кровати Брукса, его челюсть сжата, а глаза сосредоточены на теле, словно он молча приказывает ему очнуться.

— Где Бренда? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

— Она приходит и уходит.

Мама смеется, закатив глаза.

— Эта женщина не может сидеть на месте в течение двух секунд. Бог любит ее.

— Как она справляется со всем этим? — папа закатывает рукава своего темно-синего свитера до локтей и складывает руки.

— Она — Бренда. У нее свои собственные методы, чтобы справиться с этим.

— Я видела страницу в интернете о сборе средств, который она организовала, — мама поворачивается ко мне, нахмурившись. — Как она находит время на организацию такого мероприятия, хотя не только я, но и весь город знает, что они не нуждаются в деньгах.

Ее голос едва слышен.

— Bliss, — говорит папа.

— Это ее сестра, — говорю я, — ее сестра организовала это.

— В любом случае в Первой Методистской Церкви в следующие выходные, — продолжает мама, — они устраивают благотворительный аукцион, и, кажется, около двух тысяч человек уже согласились. Вся община болеет за выздоровление Брукса.

Может быть, потому, что половина пенсионных счетов в этом городе были созданы его отцом и дедом в течение последних ста лет? Фирма «Эбботт Инвестмэнт» превратила

«синих воротничков» (Прим.: Это понятие обозначает принадлежность работника к рабочему классу, представители которого, как правило, заняты физическим трудом с почасовой оплатой) в добросовестных миллионеров. Джек Эбботт известен своей щедростью. Ходят слухи, что девяностолетний отец Брукса оставил дома завещание длиной в одну милю, и каждый надеется ухватить кусок пирога, когда тот, в конце концов, уйдет.

А это может случиться в ближайшее время.

Или, возможно, они на самом деле заботятся об Эбботтах. Трудно сказать. Люди так чертовски фальшивы в последнее время.

И полны тайн.

И лжи.

Говорят одно, а делают другое.

— Я здесь, я здесь, — Далила врывается в комнату, неся чашку кофе в руке. — Извини. Профессор отправил мне задание по электронной почте, но Wi-Fi дома не работал. Вы, ребята, изменили пароль? Пришлось остановиться в кафе и украсть у них немного Wi-Fi.

Моя сестра занимает место рядом с матерью и кладет руки на край кровати.

— Я ненавижу видеть его таким, — говорит она маме. — Таким слабым. И хрупким.

— И тихим, — говорит мама, смеясь.

— Он обязательно очнется, я просто знаю это, — Далила грызет свой палец.

— Как старый Джек Эбботт воспринимает это? — откашливается отец, поворачиваясь ко мне.

— Я не думаю, что он понимает случившиеся в последнее время события, — отвечаю я. — Я уверена, что Бренда сказала ему, но он обычно не в себе.

Последний раз, когда я была у них, Джек, казалось, выглядел достаточно хорошо, чтобы присоединиться к нам за ужином. Через десять минут нашего общения он схватил меня за задницу, назвал меня Брен-Брен и спросил, когда я сделала новые буфера.

Бренда покраснела глубоким оттенком красного и позвала его медсестру, чтобы та забрала его.

Это было несколько месяцев назад, и с тех пор я не видела отца Брукса.

Быстрый удар в дверь, сопровождаемый криком моей племянницы «Бабушка! Дедушка!» отрывает наше внимание от Брукса.

— Эй, обезьянка, — папа ловит Хейвен в свои объятия. — Как поживает мой любимый нарушитель спокойствия?

Светлые волосы Хейвен падают ей на личико, но это не скрывает ее улыбку от уха до уха. Затем она кидается к моей маме, почти падая из рук моего отца. Мама ловит ее и прижимает к себе. Нам всем ее не хватает, так как та сука выиграла опеку в прошлом году. Это было плевым делом для моего отца и Дерека, такого исхода никогда не должно было произойти, но судья, назначенный для их дела, был известен своим покровительством к матерям.

— Мне так жаль, — говорит хорошенькая медсестра в розовом костюме, она входит в палату, сложив руки в молитвенном жесте. — Мы, как правило, не позволяем маленьким детям находиться на этом этаже, и есть предел гостей, находящихся в одно время в помещении, в числе трех человек.

— Конечно, — говорит папа.

— Я возьму ее, — предлагаю я, прежде чем кто-либо другой что-то скажет. Я предпочитаю провести немного времени с Хейвен, чем сидеть в палате Брукса, делая вид,

что опустошена, в то время как на самом деле зла на него. Я забираю ее с колен мамы, и она обвивает свои ножки вокруг моего бедра. Малышка пахнет пластилином и клубничным шампунем.

— Я еще приду, — говорит Далила.

Мы выходим из палаты Брукса в пустое фойе, где по телевизору идет телешоу «Цена удачи» в беззвучном режиме, но с субтитрами. Ассортимент ярких журналов «Хайлайтс» (*Прим.: журнал для детей*) сложен на столике, а около него стоит маленький детский стол со стульями, на котором разбросаны игрушки.

Хейвен не более чем через две секунды обнаруживает детский уголок. Она быстро слезает вниз по моей ноге и делает безумный рывок.

— Видимо, игрушки намного веселее, чем две самые крутые тетки в мире, — говорит Далила с улыбкой.

— Когда-нибудь она пересмотрит свои приоритеты.

Мы занимаем места рядом с Хейвен. Я уверена, что мы смотримся смешно, сидя на этих крошечных стульях, но вокруг нас никого нет, чтобы увидеть это, так что это не имеет значения. Коробка сломанных карандашей и небольшая стопка раскрасок сделали свое дело.

— Хочешь? — Далила протягивает одну мне.

Я киваю.

— Ммм, да.

Хейвен играет с двумя куклами «Барби» и кучей крошечных машинок, а мы раскрашиваем.

— Я знаю, что ты, вероятно, устала от вопросов, но...

Я поднимаю руку.

— Я в порядке, Далила. Я дам вам знать, если мне что-нибудь понадобится. Мы можем поговорить о чем-то другом, кроме Брукса? Если мне и нужно что-то прямо сейчас, так это перерыв от разговоров о Бруксе.

— Хорошо, — она хватает желтый карандаш и раскрашивает хвост трицератопса.

— Динозавры не желтые, — Хейвен кладет свою пухлую ручку ей на бедро, и у нее появляется морщинка на лбу.

— Каким цветом ты хочешь, чтобы я его разукрасила? — моя сестра кладет карандаш обратно в коробку.

— Голубым, — говорит Хейвен. — Как твои глаза.

— И как твои глаза, — говорю я.

— И твои тоже, тетя Деми, — смеется Хейвен. — У всех нас одинаковые глаза.

— Так и есть, — говорю я.

Далила ищет наиболее подходящий карандаш с нужным оттенком бледно-голубого цвета, но вместо него вытаскивает фиолетово-голубой карандаш.

— Достаточно близко, — говорит она, пробуя карандаш на бумаге.

— Как учеба?

— Разговор о раздражающей теме, — смеется она. — Люди считают, что если ты находишься в колледже, то это единственное, что происходит в твоей жизни.

— Ты в аспирантуре. Предполагаю, что это занимает большую часть твоего времени. Так же знаю, что в последнее время от тебя нет никаких новостей.

— Оу, ты хочешь, чтобы я почувствовала вину? Потому что я отчетливо помню твои дни в Харгроу, когда неделями от тебя не приходили сообщения, — усмехается Далила. — Ты

тогда была дикой.

Я приподнимаю брови, молча умоляя ее не упоминать этого.

— По крайней мере, пока Брукс не появился, — бормочет она. Она поднимает взгляд на меня. — Сожалею. Я забыла. Никакого Брукса.

Я благодарю ее натянутой чопорной улыбкой, и она смеется. В такие маленькие, приземленные моменты легко забыть, какой хаос происходит за пределами этой небольшой зоны ожидания.

— Ройал приходил? — сестра перестает рисовать и бросает на меня взгляд через крошечный стол.

Хейвен спрыгивает со стула и хватается куклу. Ее явно не заботит отсутствие у той глаза, потому что она обнимает ее руками и целует в щеку. Предполагаю, именно это ты делаешь, когда кого-то любишь — принимаешь решение не замечать его недостатков. Понятно, почему все говорят, что любовь слепа.

Должно быть, я любила Брукса достаточно сильно, раз была слепа, что не замечала его действий. Ведь должны были быть подозрительные знаки. Я просто закрывала на них глаза.

И я делала это все эти годы? Все это время я смотрела сквозь пальцы, когда Брукс разочаровывал меня, не обращал внимания на мои желания или просто истеричил, когда хотел чего-то достаточно сильно?

В прошлый день Святого Валентина я хотела поехать в итальянском ресторане, кафе «Меланхолия». Я заказала столик, а Брукс отменил заказ. Он сказал, что хотел тайской кухни. Я просила и умоляла, и в итоге мы поругались. Из-за гребаного ресторана.

Кафе «Меланхолия» находится в Глиддене.

Могу поспорить, что это *их* место.

— Эй, я с тобой разговариваю, — Далила бросает в меня сломанный карандаш. — Ройал приходил?

Я пожимаю плечами, облизывая губы. Я могла бы сказать ей «нет», могла бы сменить тему, но она моя сестра. Она видит меня насквозь.

— Да, — говорю я. — Он приходил.

— И?

— И, — я вздыхаю, не торопясь с ответом. — Он ведет себя так, словно сожалеет.

— О чем сожалеет? Так он сказал тебе?

— Нет. Не сказал. Но обещал рассказать. Он просто хочет, чтобы мы снова узнали друг друга. Он боится, что я буду осуждать его, — я смотрю на круги, нарисованные на листе раскраски. — Должно быть, он сделал что-то ужасное, Далила.

— Очевидно, — она качает головой. — Я знаю, ты думаешь, что любила его, но вы были просто детьми. Вы тогда даже не знали, что такое любовь.

Я перестаю вырисовывать круги.

— Это было семь лет назад. Вы совершенно разные люди, — продолжает она. — Ройал сделал что-то плохое. Достаточно плохое, чтобы папа заставил его держаться подальше.

Да. Наш отец единственный человек, который знает, что случилось. Он даже маме не сказал об этом. Или Дереку. Или мне. Он слушал мои рыдания по ночам в подушку в течение нескольких месяцев, но все равно отказался объяснить случившееся. Единственное, что он сказал мне, что все мои догадки в миллион раз лучше, чем то, что произошло на самом деле.

— Ты не думаешь, что люди могут измениться к лучшему? — спрашиваю я.

— Конечно, могут. Но я не об этом. Я о том, что твоя жизнь продолжается. Вы с

Бруксом помолвлены. Ты взрослая женщина. Впереди вся жизнь. Тебе не нужно оглядываться назад в прошлое, независимо от того, как бы заманчиво это ни было.

— Я не оглядываюсь назад.

— Именно это ты и делаешь, — она громко выдыхает. — Я знаю тебя, Деми. Ты жила прошлым многие годы. И не так давно ты, наконец, начала жить дальше, а теперь это выглядит так, будто ты делаешь десять гигантских шагов назад. Я вижу это. Ты не хочешь говорить о Бруксе. По правде говоря, ты даже не выглядишь расстроенной по этому поводу. Я боюсь, что ты не понимаешь происходящее, и поэтому ищешь комфорт в неправильных местах.

Под неправильным местом однозначно имеется в виду только одно — Ройал.

Я бросаю карандаш в коробку. Он ударяется об нее и отскакивает, пока не скатывается со стола и не падает на густой ковер с глухим звуком. Не совсем то, что я пыталась сделать.

— Как я должна себя вести? Скажи мне. Ты хочешь, чтобы я плакала? Морила себя голодом? Пошла по барам? Скажи мне, что делать, и я сделаю это. Только не обвиняй меня в том, что я не опечалена. Вся эта ситуация удручает, — я раздражена. — Я знаю об этом намного больше, чем ты.

Далила тянется через стол и кладет свою руку на мою. Интересно, это одна из техник, которую они изучили в аспирантуре? Я люблю свою сестру и знаю, что когда-нибудь она станет большим специалистом, но сейчас она раздражает меня.

— Деми, — она тихо и спокойно произносит мое имя, взглядом изучая меня и анализируя. — Все будет в порядке.

— Остановись. Стоп, стоп, стоп, — я убираю свою руку из-под ее. — Не включай режим психотерапевта. Просто вернись к тому, что ты моя сестра. Эта версия тебя мне нравится намного больше. Только это волнует меня.

— Хорошо, — она поднимает руки ладонями вверх. — Ты хочешь, чтобы я была с тобой предельно честной? Прекрати искать что-то общее с Ройалом и вообще иметь с ним дело.

У меня отвисает челюсть. Она чертовски хорошо знает, что мне нужно закончить с этим. Она знает это лучше всех.

— Ты не свободна. Ты понимаешь, как плохо это выглядит со стороны? Весь Рикстон Фоллс расстроен из-за Брукса. Люди переживают за него, сдают деньги, организовывают молитвенные кружки каждый вечер в Сент-Эндрюс. Ты это знала? А в следующие выходные состоится благотворительный аукцион. На веб-сайте «Вестник Рикстон Фоллс» имеется страница, посвященная Бруксу, — Далила наклоняет голову. — Если люди увидят, что ты проводишь время с Ройалом, в то время как твой будущий муж лежит в коме, они начнут сплетничать. Слухи в Рикстон Фоллс распространяются с бешеной скоростью. У всех жажда, и уже очень долгое время, так как не было ничего такого сочного, о чем можно было бы поговорить.

— Просто я хочу выяснить, что же случилось. У меня нет намерения совершать необдуманные поступки.

— Не имеет значения, какие у тебя намерения. Имеет значение только то, как это выглядит со стороны. Никто не придает значения правде, Деми. Не тогда, когда другая версия событий в десять раз более интересная.

— Я согласна с тобой. И знаю, что ты права, — говорю я. — Но я *должна* узнать, что произошло семь лет назад. Я должна знать, почему он ушел. Я не отпущу его, пока не получу ответы.

— Имеет ли это значение? — ее откровенность ранит. — Прошло столько времени. Жизнь проходит дальше, без него. Теперь твоя жизнь там, — она показывает рукой в сторону коридора, который ведет к палате Брукса. — Брукс Эбботт теперь твоя жизнь.

Я должна сказать ей.

Она должна знать.

Мне нужен кто-то на моей стороне.

Я больше не могу справляться с этим в одиночку.

— Брукс... — я делаю глубокий вдох, призывая достаточно сил, чтобы в первый раз сказать об этом вслух.

— О, вот ты где, дорогая, — Бренда Эбботт идет к нам. Вдруг я чувствую себя виноватой, сидя здесь и играя с моей сестрой и племянницей. Она не обращает на это внимания. Или, по крайней мере, не осуждает. Я люблю Бренду. Она была бы лучшей свекровью. — Ваши родители и Дерек уже собрались уходить.

Мы с Далилой встаем.

— Давай, Хейвен. Положи игрушки обратно, — Далила берет ее пухлую ручку.

— Врачи сказали, что на электроэнцефалограмме, которую сделали Бруксу прошлой ночью, видны улучшения. Деятельность мозга активизируется. Отек спадает, — лицо Бренды озаряет улыбка надежды матери. — Они собираются вывести его из седативного состояния в ближайшее время.

Она называет это седативным состоянием, потому что не может назвать тем термином, чем это является на самом деле — с медицинской точки зрения — комой. Седативное состояние звучит более обнадеживающе, словно ему просто были назначены лекарственные препараты.

— Это... это здорово, — я обнимаю ее. И я счастлива. Брукс, может быть, и лживый мудака, но он не заслуживает того, чтобы умереть за это.

— Разве это не замечательно? — Бренда отодвигается, вытирая уголки глаз тыльной стороной ладони. — Далила, ты слышала?

Бренда отходит к моей сестре, и я отключаюсь от реальности. Я вижу, Бренда обнимает Далилу, и они вместе прыгают от радости. Они обнимаются и плачут. Мы даже еще не женаты, а наши семьи уже переплелись.

Не будь сомнений, страха, лжи и обмана... И мы могли бы стать прекрасной семьей все вместе.

Далила кладет свои руки мне на плечи.

— Я ведь говорила, что все будет хорошо.

Ройал

Чертов почтальон.

Я наступаю на стопку писем, оставляя на них комки талого снега, который в течение нескольких секунд впитывается в конверты, делая их влажными.

На первом этаже, в задней части прачечной, множество почтовых ящиков, но ключ не работает, поэтому почтальон оставляет их под моей дверью. Арендодатель говорит, что это проблема почтовой службы. Последние заявляют, что это проблема арендодателя. Ну а страдаю от этого я.

Я поднимаю мокрые конверты с грязного пола и бросаю их на прилавок.

И тут замечаю его. Просто уголок конверта, торчащий из середины стопки.

Обратный адрес гласит: «*Штат Нью-Йорк — Комиссия по условно-досрочному освобождению*».

За несколько секунд я разрываю конверт и читаю письмо так быстро, как только могу.

Я освобожден.

Я. Наконец-то. Черт. Возьми. Освобожден.

Я бы вставил это чертово письмо в рамку, если бы оно не заставляло меня одновременно приходить в восторг и в ярость. В первую очередь этого никогда не должно было произойти, но сейчас я понимаю, что, наконец, могу начать двигаться дальше.

Возможно, Деми даст мне второй шанс.

— Эй, Ройал, — окрикает меня Род Паттерсон, как только я захожу внутрь автомастерской следующим утром. Он хмурит брови. — Что с тобой? Ты улыбаешься. Трахался прошлой ночью?

— Нет, сэр, — ухмыляюсь я. Не могу с этим ничего поделать.

— Да, чертовски верно. Чертов везучий ублюдок, — на секунду его морщинистое лицо украшает золотой оскал, и мне становится плохо, что все это время я трахал его дочь. — Так или иначе, для тебя кое-что есть.

Он жестом показывает мне следовать за ним в кабинет.

— Вот, держи, — он протягивает мне чек, подписанный ужасным почерком.

— Что это?

— Бонус от меня. Ты здесь уже как год надрывал свою задницу. Брал сверхурочные, когда никто не хотел. Ты проделал хорошую работу. Вероятно, ты один из лучших моих работников здесь. Черт, Ройал, ты *лучший*.

Он скрещивает руки на груди и пожимает плечами.

— Я знаю, что ты копил деньги, чтобы покрасить свой «Челленджер». Этого должно

хватить на краску. Можешь воспользоваться автомастерской и моими инструментами после работы.

Я складываю чек и засовываю его в задний карман штанов.

— Спасибо, сэр. Я ценю это.

Род машет рукой.

— Отлично. Теперь приступай к работе.

— Куда ты спешишь, Ройал? — Пандора пытается остановить меня, когда в семь вечера я направляюсь к двери. — На свидание?

— Что-то вроде того.

— Оу, — она надувает губы и возвращается к стойке регистрации. — Нельзя винить свою рабочую жену за желание следить за тобой.

— Ты не моя рабочая жена. Я даже не уверен, что такое понятие существует.

— Безусловно существует, — она проводит заостренным ногтем по губам, которые окрашены в черный цвет. Я думаю, что она пытается быть сексуальной, но это выглядит мерзко. Эта автомастерская чертовски грязная, и половина здешних мужчин даже не моют руки после того, как помочатся. Пандора останавливается передо мной и закидывает руки мне на плечи. — Мы здесь одни. Что скажешь, если мы возьмем перерыв на пять минут и закроемся в задней комнате? Я надела свои любимые ярко-розовые стринги с принтом короны принцессы. Специально для тебя...

Я беру ее за запястье, отодвигая от себя.

— Не сегодня.

И больше никогда.

— Прекрасно. Думаю, я вернусь к чертовому Дэрилу, — Пандора клацает языком и качает головой. — По идее, такой большой парень, как он, должен быть прилично упакован, но это не так. На самом деле, это просто позор. А все эти приметы о больших руках и размере ноги не имеют никакого отношения к размеру шпукловины между ног — это лишь сказки.

— Я не хочу говорить о члене Дэрила.

— Почему? Ревнуешь? Не хочешь думать о том, как он лежит на мне, мы потные, его твердый член входит и выходит из этой сладкой киски, которую ты так любишь?

— Остановись. Не делай этого. Ты выглядишь жалкой.

— Ты ревнуешь.

Я официально убежден, что интеллект у Пандоры находится где-то у основания социальной лестницы.

— Мне нужно идти, — я толкаю входную дверь и перезвон колокольчиков заполняет пустую комнату ожидания. — Увидимся в понедельник.

Она скрещивает руки на груди и топает ножкой. Буквально топает ножкой. Как гребаный ребенок.

— Желай вам с Кельвином хорошей ночи, — я даю ей свое благословение в виде

подмигивания и улыбки.

— Ты делаешь ошибку, Ройал.

Моя улыбка исчезает.

— О чем ты говоришь?

— Я знаю, кто ты. Я все о тебе знаю.

Я выхожу за дверь, прежде чем скажу то, о чем потом буду жалеть. Мне нужна эта работа больше, чем желание поставить Пандору на место, и я отказываюсь объяснять что-то этой чертовой шлюхе.

Ройал

— Ты не написала мне, чего бы тебе хотелось, — в девять часов вечера я стою у двери дома Деми с пакетом еды из местной закусочной.

Она не улыбается. Кажется, она вовсе не рада меня видеть. Деми выглядывает из-под взъерошенных темных волос, свисающих ей на лицо. Девушка, которая стоит передо мной — не та Деми, что принесла мне кофе, когда я очищал ее дорожку ранним утром, и не та, которая смотрела на меня с прощением в глазах.

— Извини. Да. Проходи, — она отходит в сторону.

— Все в порядке?

Я уверен, что она устала от людей, которые спрашивают ее об этом.

Она подходит к кухонному островку, где пачка открытых писем покрывает мраморную столешницу. Деми запускает свои руки в волосы, издавая стон. При ближайшем рассмотрении это оказывается куча выписок по кредитным картам.

— Гребаный придурок, — бормочет она, не убирая мешающие волосы. — Чертов мудака.

— Что? — я снова сканирую выписки по кредитным карточкам. Все они, кажется, на ее имя. Все они балансовой стоимости в десятки тысяч.

— Эта шестизначная сумма — остаток на карточке, — Деми убирает волосы с лица и упирает руки в бедра. — Я даже не знаю, что, к чертям, думать прямо сейчас.

— Я не совсем понимаю.

— Брукс, — выплевывает она. — Брукс, видимо, открыл одну, две, три... восемь, девять кредитных карт на мое имя. Без моего ведома. И они все пустые.

— Боже мой, Деми.

— Какого хрена мне делать, Ройал? Я учительница в государственной школе. Я не могу оплатить эти кредитки. Не могу подать на него в суд, потому что он в чертовой коме в больнице, в спячке, а я осталась здесь, чтобы разгрести его беспорядок. В одиночку.

Я придвигаюсь ближе, кладу руку ей на плечо и массирую его. Она не замечает этого, потому что слишком напряжена.

— Ты не одна, — говорю я. — У тебя есть я. Я помогу всем, чем смогу.

— Что, у тебя валяется где-то сто семьдесят тысяч долларов?

Я смеюсь.

— Почти.

— Думаю, что меня признают банкротом, — одним жестом она сметает все выписки, и они летят через всю кухню, грациозно приземляясь на пол. — Это должно было быть более драматичным.

Деми снова прячет свое лицо за волосами, вытирая глаза ладонями.

— Что я сделала, чтобы заслужить все это? — спрашивает она.

У меня нет ответа, так что я стою в молчаливой солидарности, тихо требуя, чтобы вселенная облегчила страдания этой красивой девушки. Она заслуживает этого.

Размещая пакет с едой на островке, я достаю два бутерброда и промасленную коробку с картофелем фри из закусочной.

— Я понятия не имею, что ты теперь ешь, — говорю я. — Это не мраморный тунец или еще какое-то странное дерьмо, которое едят богатые люди, но...

Деми закатывает глаза, ухмыляясь.

— Я не богата и говорила тебе об этом. Я езжу на «Субару» и работаю в государственной школе.

У меня щемит в груди при виде такой Деми. Я хочу это исправить. Мне хочется видеть ее улыбку и слышать ее смех. Хочу поймать ее взгляд, как это было сегодня утром.

— Эй, помнишь то время, когда у нас был пикник на пруду Мейера? Это было в конце октября, но уже падал снег. Мы старались не замечать его, но я не мог стоять и смотреть, как ты дрожишь, поэтому мы взяли и перенесли пикник домой и устроили его у камина, — говорю я.

— Да? И что с того?

— У тебя есть камин. Давай устроим пикник.

— Серьезно, Ройал?

— Хорошо. Забудь, что я сказал. Это была хреновая попытка отвлечь тебя от всего этого дерьма, — я смотрю на разбросанные выписки у наших ног.

— Ты пытался быть романтичным.

Пытался ли я?

Возможно.

— Для протокола, я до сих пор не простила тебя, — говорит она. — Просто потому, что ты принес мне еду и делаешь приятные вещи для меня... Это ничего не меняет.

— Я знаю. Просто счастлив иметь еще один шанс.

— Кто говорил про еще один шанс?

— Я имею в виду еще один шанс, чтобы быть в твоей жизни. Еще один шанс для меня, чтобы доказать, что я не полный подонок, и я не уходил от тебя... От нас. Не так, как ты думаешь. По крайней мере, не нарочно.

Мы долго смотрим друг другу в глаза, пока в ее желудке не начинает бурлить.

— Давай, — она берет еду в руки и несет ее в безупречную гостиную. Я снимаю плед с дивана и разворачиваю его перед камином.

Огонь разгорается и оседает в приятном свечении.

Сидя со скрещенными ногами напротив друг друга, мы едим в тишине. Еда холодная, но это не является проблемой.

— Мне нравятся твои волосы, — говорю я.

Деми проводит рукой по запутанным локонам и приподнимает брови.

— Я выгляжу ужасно. Ты не должен лгать.

— Нет, я имею в виду локоны. Ты потратила сегодня время, чтобы уложить их.

Она жует небольшой кусочек чизбургера и запивает его.

— Бренда постоянно скидывает на меня интервью, — говорит она. — Она что-то сказала про фотографа, который приедет, чтобы вести хронику мучений Брукса, но мы не знаем когда. Он летит откуда-то. Из Лос-Анджелеса, что ли? Это смешно, но это Бренда.

— Не очень-то она любит соблюдать приватность.

— Вообще. Не. Любит.

— Она хорошая хоть?

— Очень, — Деми кладет руку себе на грудь в область сердца. — Я люблю эту женщину. Она была бы самым лучшим, что было бы в нашем браке с Бруксом. Она относится

ко мне, как к дочери, которую никогда не имела. Не могу сказать тебе, сколько раз она выводила меня на шопинг. Весь мой гардероб оплачен Брендой и выбирался с помощью персонального консультанта в «Сакс».

— Ужасная жизнь, — ухмыляюсь я.

— Я никогда не желала тех вещей. Это она настаивала на их покупке, — Деми откладывает недоеденный бутерброд в сторону и вытирает руки салфеткой. — Не думаю, что это правильно, когда ты носишь сумку, которая стоит больше, чем твой подержанный автомобиль.

Деми переводит взгляд на меня, и ее плечи резко опадают.

— Мне нужно выпить, — говорит она. — Ты хочешь выпить?

Перед тем как у меня появляется шанс ответить, она уже уходит. Звон и шум исходят из кухни, и, когда она возвращается с двумя бокалами, наполненными до краев белым вином, уже слишком поздно отказываться от напитка.

В основном, я не пью. В условиях условно-досрочного освобождения четко сказано, что я не должен находиться в каком-либо измененном состоянии, будь это наркотики или алкоголь. Я украдкой пронесил пиво в свою квартиру, но по большей части мне не нужно пить.

Никогда не был фанатом потери контроля.

Я прожил почти всю свою жизнь без контроля. Ощущение опьянения, понимание, что не смогу уйти, если будет нужно, понимание, что мои запреты улетят к чертям и слова, которые вылетят из моего рта, наверняка будут поняты неправильно — это не по мне. Я делаю маленький глоток, потому что не хочу, чтобы Деми пила одна. Это вино на вкус дорогое.

— Чувствую себя необычно, — дразню ее я. Она улыбается. Я хочу упомянуть, что богатые люди топят свои проблемы в бутылке дорогого вина, но успеваю остановиться. У нее шестизначный долг из-за этого мудака, и она, черт побери, учительница.

— Никогда не любила вино, — Деми делает щедрый глоток, а затем розовым язычком облизывает губы. — Начала его пить, чтобы произвести впечатление на Брукса. Он сказал, что коктейли — это мусор. Эбботты пьют изысканные вина, бурбон и виски. Что-то импортное и стоящее больше, чем валовый внутренний продукт маленькой страны.

— Этот мудак ухаживал за тобой, не давая прохода, не так ли? Превращая тебя в свою идеальную маленькую Степфордскую жену. (*Примеч. «Степфордские жены» (англ. The Stepford Wives) — название фантастического триллера 1972 года, написанного известным писателем Айрой Левином. Из-за популярности романа, словосочетание «степфордская жена» стало нарицательным — так говорят о женщине, которая стремится стать идеальной домохозяйкой, ставя интересы семьи выше своих.*)

Деми делает глоток и ставит бокал на рядом стоящий столик, поднимаясь на ноги. Семейные фотографии выстроены в один ряд, и она берет две из них.

— Я не могу больше смотреть на них, — она уносит их на кухню, и я слышу, как начинает работать электронное мусорное ведро, а затем слышу звон стекла, когда оно падает вниз. Деми возвращается, очищая ладони, словно они грязные. — Так намного лучше.

Она садится напротив меня, прижимая колени к груди, и берет свой бокал.

— Так чем же ты занимаешься? — спрашивает она. — Где работаешь? Ты ходил в колледж? — она поднимает руку, прежде чем у меня появляется шанс ответить. — Не то чтобы я забочусь. Не то чтобы мы друзья. Я просто чувствую, что мне нужно знать эти

мелочи. Так много пробелов, которые мне нужно заполнить. Так много недостающих частей.

— Я работаю механиком в «Автомастерской Паттерсона» в Саут-Форк, — говорю я. — Не тратил четыре года. Пошел в торговую школу.

— С кем-нибудь встречаешься?

Ее вопрос застает меня врасплох. Она приподнимает брови, когда делает еще один глоток этого фантастического вина.

— Нет, — отвечаю я, — ни с кем не встречался после тебя.

Она скрывает довольную улыбку за бокалом и наклоняет голову.

— Я не верю тебе ни секунды.

— Ты и не должна верить этому, — говорю я. — Но это правда.

Она выпрямляет ноги и не сводит с меня взгляда, пока удобно усаживается на полу, и, судя по ее расслабленному положению, она чувствует себя комфортно рядом со мной.

— Такой парень, как ты? Красивый. Очаровательный. Мужественный, — она опускает взгляд своих голубых глаз на мой рот и задерживается там. — Я уверена, что женщины все время ошиваются около тебя.

Я закидываю руки за голову, сцепляя пальцы, и самодовольная ухмылка появляется на моем лице. Да, женщины крутятся вокруг меня. Но я никогда не позволял им приближаться. Люди сплетничают. Но, чем меньше люди знают обо мне, тем лучше. Мне не хотелось, чтобы информация дошла до Деми прежде, чем у меня появилась возможность поговорить с ней, так что я держал всех на расстоянии вытянутой руки. Кучка приятелей и устойчивый поток девиц на одну ночь был моим образом жизни в последние годы.

— Почему ты ухмыляешься? — спрашивает она.

— Ты назвала меня красивым.

Деми закатывает глаза к потолку.

— Тем не менее, дерзкий как всегда. Рада видеть, что хотя бы это не изменилось.

Печально, когда двадцатилетний мужчина понимает, что его дни славы давно прошли, навсегда увековечены в ежегоднике средней школы. Это сумасшествие — думать, что никому ненужный приемный ребенок может показаться в этом маленьком городке и сделать себе имя. Еще до восемнадцати лет у меня было много друзей, большое количество девушек и жизнь, которой позавидовал бы любой нью-йоркский плейбой.

Но значение имела только Деми.

Разговор с любой девушкой в школе не составлял для меня проблемы. Я мог подойти к любой из них и пойти на свидание в пятницу вечером.

Но не с ней.

Пришлось надрывать свою задницу. Намекать. Успокаивать. Дразнить. Пинать ее, сидя за обеденным столом в доме Роузвудов, и видеть, как она извивается.

Но это того стоило.

Через полтора года она стала моей. Полностью моей.

Забавно, как отрезок в восемнадцать месяцев может ощущаться, словно это была единственная часть жизни, которая когда-либо имела значение.

— Таким образом, ты ни с кем не встречаешься. На протяжении семи лет, — ее брови взлетают вверх. — Ни с одним человеком.

Я делаю быстрый глоток вина из своего бокала, который до сих пор полон, и качаю головой.

— Разве ты не одинок? — спрашивает она.

На секунду я задумываюсь о том, что никогда не встречал девушку, которая могла бы вызвать во мне те же чувства, которые вызывала Деми. Но я не хочу показаться убогим, поэтому держу это в себе.

— Предельно одинокий.

Я был одиноким на протяжении всей жизни. В основном. Когда растешь в приемных семьях, начинаешь понимать, что не нужно слишком привязываться к кому-либо. Роузвуды стали для меня единственным постоянством в моей жизни, но они никогда не были на самом деле моими. Я уверен, что Блисс просто жалела меня, а Роберт терпел только потому, что я держал Дерекса подальше от неприятностей.

— Теперь ты уходишь от ответа, — Деми опускает взгляд на свой пустой бокал.

— Держи, — я подаю ей свой бокал, отчего она начинает смущаться. — Не так много пью.

— Ответь на мой вопрос, — требует она. — Разве ты не одинок?

Я раздумываю над ответом и жалею, что отдал свой напиток, потому что на этот раз мне просто необходимо им воспользоваться.

— Ты хочешь знать правду? — выдыхаю я. Мерцание пламени отбрасывают тени на ее лицо, подчеркивая изгиб скул и скрывая предательские круги под глазами. — Хорошо. Если ты просишь. Да. Я одинок. Но не так одинок, как ты, наверное, думаешь. Это, скорее, одиночество со вкусом горечи.

Она морщит свой носик.

— Например?

— Это тот вид одиночества, который ты чувствуешь, когда смотришь на жизнь, которую ты должен был прожить. Когда видишь единственного человека, которому ты когда-либо дарил свою улыбку и смех, а теперь рядом с ней какой-то мелкий осел, не заслуживающий ее и точно не принимающий всерьез брачные обеты.

Я не говорю о том, что смотрел на нее издали, о том, что пролистывал сотни изображений на ее странице в «Фейсбук». Их первый год знакомства был запечатлен десятками тошнотворных очаровательных селфи, и в таких наблюдениях я провел несколько месяцев — видел, как их отношения развиваются, перерастая в серьезные. Как они ездили в небольшие поездки и исследовали вместе территорию за пределами штата Нью-Йорк. Сидя за экраном компьютера, я наблюдал, как Брукс Эбботт вошел в семью Роузвудов. Я был там, когда он задал тот самый вопрос, и на следующий день Деми обновила свой статус отношений на «встречается», отчего мое сердце сжалось от боли.

Одиночество — это наблюдать за единственной девушкой, которую ты когда-либо любил и которая нашла счастье в объятиях другого мужчины.

— Как часто ты наблюдал за нами? — спрашивает она.

— От твоего вопроса это выглядит более жутко, чем есть на самом деле, — говорю я. — Все было не так. Ты действительно должна удалить все страницы в социальных сетях. Вся твоя жизнь выставлена на обозрение.

Деми откашливается и переводит взгляд на плед под нами, прежде чем снова смотрит на меня.

— Возможно, в этом и состоял смысл, — ее голос тихий и низкий. Тепло от камина довольно жаркое, но я не чувствую его. Я сосредоточен на Деми, наблюдаю за ее попытками уложить волосы за ухо и смотрю, как она жует свою нижнюю губу. — Может быть, все эти годы я надеялась, что ты наблюдаешь. Я думала, что, возможно, если ты увидишь, как я

счастлива, то соскучишься по мне также, как я скучала по тебе.

Она подтягивает колени к груди и прячет свое лицо.

— Боже, это звучит так по-детски, — ее голос приглушен. Она пытается встать, сдувая волосы с лица. — Здесь реально очень жарко. Тебе жарко?

Она бьет по выключателю на стене, и пламя умирает внезапной смертью.

— Так что, все то время, — я встаю, — все фотографии и все то, что вы делали с Бруксом... Это все было сделано для меня?

Правой рукой Деми хватается за левый локоть и перекрещивает ноги в лодыжках, смотря в сторону.

— Это кажется смешным и нелепым, когда я сказала это вслух, — говорит она.

— Я думал, что ты была счастлива. Предполагал, что ты живешь дальше, — я напряг челюсть. — Вот почему я так долго оставался в стороне. Я бы не делал этого, если бы знал...

— Не пойми меня неправильно, я имею в виду, — говорит она, — Брукс и я... Нам, в принципе, было хорошо. У нас были хорошие времена. Когда я сказала ему, что люблю его, я это и имела в виду. Просто не такой же любовью. Это... Это просто не чувствовалось так же, как когда я сказала это тебе. Но я любила его достаточно.

— Ты любила его... *достаточно?*

Деми смотрит вниз на ногти, переступая с ноги на ногу.

— Ты знаешь, что во всем этом самое забавное?

— Что именно?

— Мы практически незнакомые люди, и я более честна с тобой сейчас, чем была честна с собой все эти годы.

— Я бы не назвал нас чужими, — я приближаюсь к ней, прикасаясь к ее щеке, и наши взгляды встречаются. — У нас есть общая история, — говорю я, — этого у нас никто не сможет отнять. Независимо от того, что случилось в прошлом, независимо от того, что происходит сейчас, это не отнимет все те хорошие моменты, которые произошли с нами. Ты была моей первой любовью, Деми. Ты получила всего меня.

— И ты бросил меня.

Деми смаргивает слезы, отворачиваясь, словно стыдится плакать передо мной. Если бы она только знала, как ошибается.

— Иногда я чувствую себя так глупо, — говорит она. — Словно мы дети, Ройал. Мы ничего не знали о любви. Мы не знали, что делали и говорили. Подросткам нет никакого дела до обещаний друг другу, ты знаешь? И вот я, взрослая женщина, которая провела несколько лет своей жизни, фантазируя о том дне, когда ты вернешься, и зная о том, черт побери, что этого никогда не произойдет.

Она кладет руку на мою, когда я большим пальцем провожу по ее нижней губе.

— А потом ты появился. У моей двери, — вздыхает она. — И часть меня хочет, чтобы мы продолжили с того места, где остановились. Часть меня хочет прыгнуть в твои объятия и поцеловать, почувствовать твой запах, потерять себя в тебе. А другая часть ненавидит тебя. Потому что ты разрушил для меня любовь, Ройал. Я никогда никого не смогу полюбить, как любила тебя, а я хочу. Очень. Сильно. Я хочу чувствовать себя также, как чувствовала себя, находясь рядом с тобой... С кем-либо, *кроме* тебя. И я попробовала. И не смогла. И ненавижу тебя за это.

У нее начинает дрожать подбородок, и одна слезинка скользит вниз по щеке. Не медля, я притягиваю ее к себе, скользя руками по ее волосам и прижимая к своей груди.

Я долгие годы ждал, чтобы снова держать Деми в своих объятиях.

— Прости меня, Деми.

Она тихо плачет у меня на груди, а не кричит полупьяным ором. Я даю столько времени, сколько ей нужно, и шум вокруг нас стихает, слышится только наше дыхание. Мы не двигаемся. Мы стоим на месте, в то время как я держу ее в своих объятиях. Она пахнет розмарином и мятой — запах того самого шампуня, которым она пользовалась в средней школе — и им веет от ее волос, он переносит меня обратно в те беззаботные летние дни, прежде чем наша жизнь приняла другой оборот.

Деми приподнимает голову, крепко цепляясь за меня руками.

— Я до сих пор люблю тебя, Деми, — я чувствую потребность сказать ей это прямо сейчас, потому что не уверен, что когда-либо еще получу шанс, ведь это не тот случай, когда ты можешь просто ляпнуть эти слова в любое время, когда захочешь, не выглядя при этом как сумасшедший человек. — И никогда не переставал. И все то, о чем ты говорила... я чувствую то же самое. Только я не ненавижу тебя. Ты ничего плохого не сделала. Все это был я. И я ненавижу себя за это.

Глаза Деми так близко, и я вижу, как мои слова тонут в каждой открытой ране ее души. Она облизывает нижнюю губу язычком, и я чувствую ее дыхание на себе. Это ощущается также, как в старые времена, только лучше. Перезаряжает. Обновляет. Я мог бы стоять здесь вечно, никогда не позволяя ей уйти.

Ее тело прижимается ко мне, уничтожая весь мой самоконтроль. Она единственная, кого я когда-либо хотел, и ее совершенные в форме сердца губы в сантиметре от моих.

К черту это.

Эти губы принадлежат мне.

Всегда принадлежали.

И всегда будут.

Демид

Его губы теплые.

На секунду я убеждена, что это сон.

Этот поцелуй. Его губы на моих. Мне это снится.

Дрожь пробегает вниз по моей спине, когда я принимаю его язык, вторгающийся в мой рот. Пальцами он впивается в мою кожу, посылая искры в затылок и ниже, к пояснице, и я растворяюсь в нем.

Каждый поцелуй вдыхает в меня новую жизнь.

Мою грудь сжимает. Да так крепко, что мне кажется, что она может разорваться.

Это реально.

Это действительно, действительно, действительно реально.

Его губы мягкие, а исходящий от него запах земли и металла наполняет мои легкие. Аромат одеколона смешивается с едва уловимым запахом краски и машинного масла.

И я люблю это.

Он оттягивает мои волосы, дергая их вниз, чтобы найти идеальный угол, который позволит углубить очередной поцелуй. Его поцелуи не изменились за последние семь лет. Он по-прежнему обладает той силой, благодаря которой я способна чувствовать себя невесомой и парящей, силой, способной заглушить мои мысли и заменить их светом, той силой, которая способна заставить внешний мир исчезнуть в небытие.

Свободной рукой держа меня за спину, Ройал тянет меня назад, пока мы не наткнемся на диван. Наш поцелуй прерывается.

Ройал падает.

Я падаю на него.

Я сажусь к нему на колени, и он руками начинает блуждать под моей рубашкой, доходя до чашечек бюстгалтера, отчего лямки спадают с моих плеч.

Он трется об меня своей твердой выпуклостью, чертовски возбуждая. Каждое прикосновение его пальцев посылает по моей коже электрический ток.

Ройал стягивает с меня рубашку и приступает к крючкам на бюстгалтере. Губами я впиваюсь в него. Он целует меня снова и снова, и каждый раз я умираю, но в хорошем смысле. Я словно летаю высоко над всем этим, наблюдая за происходящим.

Я без рубашки, голая, пальцами дергаю край его футболки, пока его точеная грудь не предстанет на обозрение в моей темной гостиной. Он в своих рабочих засаленный штанах сидит на белом диване, как бы говоря Бруксу «пошел на хрен», и той дерьмовой жизни, которую он создал для нас.

Я никогда не хотела интерьер в белом цвете.

На этом настаивал Брукс, ни о чем не заботясь, ведь не ему приходилось все отмывать и чистить.

Я надеюсь, что мы чертовски сильно испортим этот диван.

Ройал ладонями накрывает мою грудь и прижимается губами к моей ключице. Мои соски возбужденно выпирают, и я начинаю ерзать бедрами. Я не могу больше терпеть. Я

хочу большего. Мне нужно большее.

Этого недостаточно.

Семь лет я ждала его не ради жесткого петтинга.

Сползая с колен, я опускаюсь у ног Ройала и дергаю молнию на его штанах, пока моя рука не задевает его твердость. Мой рот наполняется слюной при мысли взять его, и я невольно задерживаю дыхание, когда освобождаю его от оков темно-синих боксеров.

Ройал стонет, когда я беру его толстую эрекцию в руки и, поглаживая, подношу к своим губам. Лаская языком вокруг головки, я снова и снова беру его в рот настолько глубоко, насколько могу. Сладко-солончатая на вкус смазка стекает по моему горлу, и я с удовольствием проглатываю ее, желая большего.

Он собирает мои волосы в хвост, держа их подальше от моего лица, когда я лижу и сосу его.

— Черт, Деми... — стонет Ройал. Упираясь локтями в его бедра, я чувствую, насколько он напряжен. Он тянет меня вверх, освобождая мой рот, и расстегивает пуговицу на моих джинсах.

Я слабая.

Я запуталась.

Вероятно, я буду сожалеть об этом утром.

Но меня это не заботит.

Я должна ненавидеть его. Должна заставить его остановиться. Но происходящее ощущается чертовски великолепно.

Ройал тянет меня к себе на колени, снимая с меня последнюю часть одежды. Его джинсы сползли вниз достаточно, чтобы моя чувствительная плоть оказалась против его. Я трусь об него, чувствуя, как его член прижимается ко мне теснее, и знаю — нужно лишь одно ловкое движение, чтобы он оказался внутри меня.

И черт, как же я хочу его внутри себя.

Больше, чем когда-либо думала, что захочу.

Одной рукой он сжимает мою шею, а сам тем временем оставляет дорожку из поцелуев вдоль моего плеча. Я ерзаю на нем, намекая, подталкивая, убеждая его, что пора сделать следующий шаг. Другой рукой Ройал путешествует между моих бедер, скользя пальцами между моими складочками и толкаясь глубоко внутрь меня. Сначала одним пальцем, потом вторым, а большим пальцем кружит над клитором. С нужным мне давлением.

Он был первым мальчиком в средней школе, который когда-либо трогал меня, и я прячу свою улыбку в изгибе его шеи, чтобы он не смог увидеть головокружительную ностальгию, отображающуюся на моем лице.

Это живая история — он и я.

Увядшая память играет в режиме реального времени.

И это делает меня необоснованно счастливой.

Пальцы Ройала похоронены во мне, он немного сгибает их, нежно поглаживая. Но этого недостаточно. Еще раз, я хочу большего.

Наши взгляды встречаются в тусклом освещении гостиной.

— Ты так чертовски сексуальна, Деми, — его голос похож на рычание, вырывающееся из глубины груди.

Я краснею, потому что он не сводит с меня глаз. Он наслаждается каждым сантиметром моего тела, взглядом блуждая от моих глаз к губам, затем к груди, наблюдая, как она

подпрыгивает с каждым движением моих бедер.

Когда он смотрит на меня так, словно владеет мной, я забываю как дышать.

Он выскользывает из меня пальцами, перемещая свои руки на мои бедра. Поднимает меня со своих колен и кладет обратно на диван. Опустившись между моих бедер, он забирается на меня сверху.

Мое сердце бьется с такой силой, словно у меня случилась паническая атака — обычно так себя чувствуешь, находясь на самом вершине американских горок.

Это происходит.

О, Боже, это происходит.

Головка его члена задевает внутреннюю часть моего бедра.

Он по-прежнему тверд как скала.

Для меня.

Вытащив свой бумажник из кармана, он вынимает блестящий квадратный пакетик. Я ничего не говорю. Я не хочу знать, всегда ли он носит их с собой, или принес сегодня, потому что в глубине своего сердца знал, что это должно было случиться.

Я стараюсь не думать, потому что, в конце концов, это не имеет значения.

Ройал Локхарт собирается трахнуть меня.

И я собираюсь позволить ему сделать это.

А с последствиями буду иметь дело потом.

Он притягивает меня ближе, сжимает основание члена, поглаживая кончиком клитора и складочки, и одним мощным толчком наполняет меня.

Ногтями я впиваюсь в кожу его рук, за которые крепко держусь. Я не помню, были ли его руки настолько большими раньше. И его вес давит на меня сильнее. То, как он чувствуется сейчас, напоминает мне, что он теперь мужчина.

Одной рукой он сжимает мою правую ягодицу, в то время как другой удерживает себя надо мной; Ройал притягивает меня ближе, толкаясь сильнее. Входя в меня, он с каждым толчком продвигается глубже. Клянусь, мое сердце пропускает удар после каждого толчка. Я смотрю в знакомые глаза этого незнакомца — эту версию Ройала мне еще предстоит узнать — и ненадолго проваливаюсь в забытие.

Глядя в его глаза, Ройал чувствуется таким родным, словно дом.

Или, может быть, это похоже на предчувствие конца.

В любом случае, это не будет длиться долго.

Я сосредотачиваюсь на его губах, на его левом трицепсе, как он сгибается с каждым толчком. Но ничто из этого не отвлекает меня от тревожного ощущения, что он снова оставит меня.

— Ты снова уйдешь, не так ли? — спрашиваю я.

Ройал останавливается, хмурясь, его член похоронен глубоко внутри меня.

— Деми, что, черт возьми, ты говоришь?

— После этого, — ладонями я скольжу по его спине, останавливаясь прямо над его совершенной, упругой задницей. — Ты снова исчезнешь.

— Никогда, — он целует меня глубоко и жестко. Наши губы сливаются в танце, в то время как бедрами он толкается в меня снова и снова. — Я никогда не оставлю тебя снова, Деми. Я люблю тебя.

Когда мы были моложе, когда он впервые признался мне в любви — это был первый раз, когда он говорил эти слова кому-либо вообще. Тогда признаться в этом было нелегко

для него, но я не знаю, как дались ему эти слова сейчас, я не знаю этого Ройала.

Ройал трахает меня, его толчки глубже, сильнее, будто он хочет, чтобы я почувствовала его любовь. Я обхватываю его лицо ладонями и притягиваю к своим губам, смакуя его вкус.

Я не собираюсь говорить, что люблю его.

Нет необходимости и дальше все усложнять.

Кроме того, Ройал, которого я любила, был девятнадцатилетним, харизматичным, милым и смешным. Я не совсем уверена, что *тот* парень и *этот* мужчина — один и тот же человек. Во всех смыслах я занимаюсь сексом с незнакомцем. Таинственный, красивый, соблазнительный, сексуальный незнакомец с родным взглядом, отчего мой желудок совершает кульбит.

И человек, которого я люблю — по которому безжалостно тосковала в течение последних семи лет — его больше не существует.

Сейчас другой на мне, внутри меня, вокруг меня. И сочетание его сломленной, поврежденной души с моей, тянет меня вниз, не давая уплыть.

Деми

Я принимаю душ, после чего встаю у зеркала, вглядываясь в отражение, которое совершенно не признаю.

Меня до сих пор лихорадит, и если быть честной, я могла бы сбежать обратно вниз, забраться на Ройала и приступить к новому раунду.

Чувство вины лежит тяжким грузом, но я принимаю решение игнорировать его. По крайней мере, сейчас.

Я умываюсь, мысленно перечисляя причины, почему секс с Ройалом совершенно оправдан.

У меня никого нет. Технически.

Брукс — мошенник.

Брукс — жулик.

Брукс — лжец. И придурок. Любитель командовать. Сукин сын. Последнее можно вычеркнуть. Бренда не сука. Отнюдь нет. Она — единственное хорошее, что связано с Бруксом.

Тихий голос в глубине сознания стыдит меня за то, что ищу отмщение человеку в коме, но я его не слушаю. Просто потому, что кто-то ничего не осознает сейчас, не означает, что он застрахован от последствий того, что совершил раньше, например, трахал женщин, когда был в сознании.

Бегло осмотрев себя, я решаю собрать волосы в пучок, но мне нравится этот уставший вид после секса с запутанными волосами. Это почти мило. И мне не хочется, чтобы было заметно, что я ничего не пыталась поправить, потому что тогда Ройал может расценить это неправильно.

На данный момент это был только секс. Один раз. И сейчас у меня нет сил выяснить, означает ли это что-то большее.

— Эй, — говорю я, возвращаясь в гостиную.

Он сидит на краю дивана, полностью одетый, и листает автомобильный журнал Брукса, который взял с журнального столика.

Губы Ройала растягиваются в ухмылке, когда он замечает меня, и мне становится легче от понимания, что нам не будет неловко. Я присаживаюсь рядом с ним, подгибая под себя ноги, и он кладет ладонь мне на колено.

— Боже, как я скучал по тебе, Деми. Я чертовски скучал по тебе, по нашим поцелуям, по совместному времяпровождению... — он наклоняется, пальцами цепляет прядь волос у моего лица и заправляет ее за ухо. Его губы находят мои, и мне снова становится трудно дышать.

— Давай не будем усложнять, — говорю я, задыхаясь. — Ты не должен надеяться на большее.

— Я не надеюсь.

— И я до сих пор зла на тебя за прошлое.

— Ты имеешь на это полное право.

— У меня нет возможности встретиться с кем-то прямо сейчас.

— Конечно.

Я рукой провожу по его волосам. Они спутаны, но, черт побери, это выглядит сексуально. Короткие по бокам и длинные сверху, густые и пышные. У него всегда были отличные волосы.

— Не думаю, что тебе стоит здесь оставаться, — говорю я, не желая создавать прецедент. Последнее, что мне нужно, чтобы какой-то любопытный сосед говорил всем, что я развлекаюсь с парнями каждую ночь.

— Я и не планировал этого.

Кончиками пальцев он касается моей руки, оставляя след из мурашек. Я дрожу, когда они пробегают по мне. Забавно, сколько власти этот человек все еще имеет надо мной.

Из-за стука в дверь сердце пропускает удар, и, быстро взглянув на высокие часы с маятником в углу, я понимаю, что уже почти десять часов вечера.

Ройал поднимается, а я бегу к двери. Во рту все пересыхает, а в ушах звенит от сердцебиения.

Я заглядываю в глазок, глубоко вдыхаю и приоткрываю дверь.

— Бренда, — говорю я. — Что происходит? Что-то случилось?

Ее любопытный, пристальный взгляд сначала останавливается на моих распущенных волосах, на здоровом румянце на щеках, а затем она бросает взгляд за мое плечо.

— С Бруксом все в порядке? — спрашиваю я.

— Дорогая, я пыталась дозвониться до тебя последние полтора часа.

— Зачем? Что произошло?

— Пришел результат последней электроэнцефалограммы Брукса. Они собираются начать процесс пробуждения. Я не думаю, что ты хотела бы пропустить это, ну знаешь, в случае, если он очнется ночью, — она вскидывает брови, но не улыбается. Это не похоже на нее.

Боже, я действительно надеюсь, что не пахну сексом.

Отлично. *Сейчас* я чувствую себя виноватой.

Сейчас я чувствую себя дерьмовым человеком.

Когда Ройал был глубоко внутри меня, я не раз думала о том, как это может повлиять на Бренду, если она когда-нибудь узнает.

— Я сейчас соберу сумку и в ближайшее время встречу с вами там, хорошо? — я пытаюсь улыбнуться и изо всех сил стараюсь выглядеть в приподнятом настроении по поводу всего происходящего. — И позвоню своим родным, расскажу им новость. Я уверена, что они захотят быть рядом, когда он придет в себя.

Бренда до сих пор не улыбается, и это заставляет меня стыдиться *еще* больше.

Я не могу причинить ей боль.

Я буду иметь дело с Бруксом и с последствиями произошедшего, как только он выздоровеет и будет хорошо себя чувствовать, но последнее, чего бы мне хотелось, чтобы Бренда снова смотрела на меня так, словно я растоптала ее душу.

Она поворачивается, чтобы уйти, и я улавливаю ее взгляд, когда она замечает припаркованный через дорогу «Челленджер». Ее каблуки цокают по тротуару, пока она не добирается до своего «Ауди», и я машу ей и закрываю дверь.

Ройал ждет меня за углом коридора, затем направляется в мою сторону.

— Ты это слышал? — спрашиваю я.

Он подносит руку к моей щеке, и я кладу свою ладонь поверх его руки. Сейчас не время наслаждаться ощущениями от его прикосновений, но, Боже, это ощущается так хорошо.

— Слышал, — он стискивает зубы и прищуривается. — Они разбудят его. Это хорошо. Он сможет погасить все эти гребаные долги.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — говорю я, прежде чем успеваю обдумать слова.

— Деми, о чем ты говоришь?

— Ты был поблизости, — говорю я. — Все, что произошло...

— Подожди, — он резко выдыхает. — Так что, теперь, когда Брукс придет в себя, ты хочешь попытаться начать с ним все сначала? Об этом ты говоришь?

— Нет, — я машу руками. — Боже. Нет.

— Тогда в чем проблема? Последнее, что я знаю — ты одинока. После того, как он проснется, он сможет это подтвердить, и я чертовски уверен, что тогда ты сможешь делать все, что тебе захочется.

— Я чувствую себя виноватой по этому поводу. Что-то во всем этом неправильно, — говорю я.

— Черт, ты до мозга костей Роузвуд.

— Ты говоришь так, словно это плохо.

— У тебя нет оснований чувствовать себя виноватой. Брукс был ужасным человеком. Он взвалил на тебя столько грязи, чтобы самому остаться чистым. Он думал только о себе. Ты ничем не обязана ему. Не жертвуй своим счастьем ради него.

— Это не из-за него. Я не хочу обидеть Бренду. Она была так добра ко мне, мы сблизилась за эти годы. Ей нужно услышать это от Брукса. После того, как он скажет ей, что бросил меня, возможно тогда мы сможем двигаться дальше, но до тех пор, я считаю, что нам следует отступить на некоторое время.

Ройал ничего не говорит, поджимая губы. Его челюсть напряжена. Я знаю, что он не доволен моим решением, но это не имеет значения. Так и должно быть.

— Ты появился у моей двери после стольких лет и ожидал, что я кинусь в твои объятия и выброшу прежнюю часть своей жизни, свои обязанности из окна. Ты не мог так думать, ведь это же бред, не так ли? — я опускаю руки и делаю шаг назад. — Просто потому, что мы занимались с тобой сексом, не означает, что я забыла, как сильно ты меня обидел. Это ничего не меняет. Это был просто секс.

— Я не уйду от тебя снова и не собираюсь сидеть и ждать твоего звонка.

— Отстойно, когда положение меняется, да?

— Это не так, — говорит он. — Мы потеряли почти целое десятилетие, находясь вдали друг от друга. Я не хочу жить и дня без тебя в своей жизни. У меня была жизнь без тебя. Я не хочу возвращаться к этому.

— Сейчас речь идет не о том, чего ты хочешь, Ройал. Речь идет о выборе правильного решения, — я не могу поверить, что отталкиваю его вот так. Я ждала, и ждала, и ждала, что он вернется, а теперь отталкиваю его, несмотря на то, что он до сих пор любит меня. Я испытываю его? Делаю это из страха?

— Что правильного в этой ситуации? Оттолкнуть единственного человека, которого когда-либо любила, потому что не можешь разрушить свою репутацию?

— Речь идет *не о моей* репутации.

— Да, черт возьми, о ней. Ты не хочешь, чтобы люди судили тебя и говорили о тебе.

— Я не хочу обидеть Бренду Эбботт. Она стала для меня второй матерью.

— Не стоит использовать Бренду в качестве оправдания. Ей шестьдесят лет, она взрослая женщина. Она переживет это. И будет жить дальше, поверь мне.

— Ты все еще не сказал мне, почему ушел.

Ройал стонет, ударив сжатым кулаком по стене справа от себя.

— Мы действительно должны касаться этой темы снова? Прямо сейчас?

Мое лицо каменеет от упрямства.

— Я говорил тебе. Давай лучше узнаем друг друга, и я расскажу тебе все, когда буду готов. Когда *ты* будешь готова.

— Я *готова*.

— Нет, это не так, — он хватается свою куртку с соседней вешалки и натягивает на себя.

Тот факт, что он уходит по собственному желанию, заставляет меня желать, чтобы он остался. Еще хоть немного.

Я отталкивала, отталкивала и отталкивала, и теперь я получаю то, что хотела.

Он уходит.

— Хорошо, — говорит Ройал и сжимает челюсть. Он глубоко вздыхает, пристально смотря поверх моей головы. — Я уйду. Потому что ты этого хочешь. У тебя есть мой номер, так что... Думаю, я буду ждать, пока ты не будешь готова.

И прежде чем я могу возразить, он уже сжимает ручку двери. Но зачем мне это? Я попросила его уйти. Он ступает ногой за дверь, и наступает моя очередь говорить.

— Мне просто нужно время, — говорю я так, словно этих семи лет вдали друг от друга было недостаточно, чтобы принять это. Единственное, в чем я абсолютно, на сто процентов уверена, так это в том, что как бы я не ненавидела его, я так же сильно люблю этого человека. И эта любовь настолько глубокая, что я не уверена, что когда-нибудь смогу избавиться от этого чувства.

Я не могу это отрицать. Не могу это игнорировать. Не могу скрывать. Не могу спрятать в глубокий, темный угол в сердце. Его имя навсегда вытатуировано в моей душе.

Ройал ушел.

Вот так.

И сейчас я могу думать только о том, что означает его уход.

Я наблюдаю, как он уезжает, а потом собираю сумку и еду в больницу.

Ройал

— Какого хрена ты здесь делаешь? — я мгновенно напрягаюсь, когда замечаю, что моя младшая сестра Мисти, сидит, прислонившись к двери моей квартиры. Ее лицо, обезображенное оспой, все в слезах, а глаза с мешками под ними налиты кровью. Когда она встает, зловоние невымытых волос и запах алкоголя заполняет пространство вокруг нас.

— Ройал, — она плачет, вытирая глаза тыльной стороной ладони, словно ребенок. — Рик умер. У него передозировка.

Блядь.

Он был одним из двух людей, которые знали правду о том, что случилось той ночью.

— У меня нет никакой жалости к тебе, — я обхожу ее, чтобы добраться до двери и вставить ключ в замок. — Уходи.

— Прости, Ройал, — всхлипывает она. — За все.

— Слишком поздно извиняешься.

— Ты единственный брат, который у меня есть. Я нуждаюсь в тебе, — она кладет руку мне на плечо, которую я тут же смахиваю.

— Я уже слышал это раньше, — срываюсь я на нее. — И все мы знаем, чем это закончилось.

— Я была ребенком, — говорит она. — Пора уже позволить прошлому уйти. Ты должен простить нас и двигаться дальше. Мы так сделали.

Тот факт, что моя маленькая сестра и ее сорокалетний парень так легко двинулись дальше после наиболее значимого события моей подростковой жизни, разозлило меня еще больше.

— Ты не можешь просто извиниться за что-то вроде этого, — говорю я. — То, что вы двое сделали, выходит за рамки извинений.

— Мы семья, — говорит она. — Ты не можешь всегда меня ненавидеть.

— Изо всех сил. Могу и буду.

— Мне бы хотелось изменить то, что случилось, — ее вьющиеся светлые волосы лишь подчеркивают полоску темно-коричневых засаленных корней. Свитер висит на ее костлявых плечах, а джинсы едва держатся, подтянутые ремнем, застегнутым в последнее отверстие.

Она снова принимает наркотики.

Хотя я не уверен, что она когда-либо останавливалась.

Я не видел ее в течение семи лет.

С той ночи.

Если я чему и научился в жизни, то это никогда не доверять тем, кто сидит на наркоте. Они профессиональные лжецы, умело разрушающие жизни — свою и других. Одна маленькая ложь — это все, что потребовалось, чтобы разрушить мою.

— Ты отвратительна, — говорю я. — Тебе нужно помыться, Мисти. И я говорю это не потому, что забочусь о тебе, а потому, что ты воняешь, как дерьмо. Ты жалкая пародия на человека. Пустая трата кислорода — вот кто ты.

Мисти начинает метать взглядом из стороны в сторону, сжимая кулаки. Она не может

устоять на месте; она находится в постоянном состоянии движения. Думаю, что у нее ломка, и, к сожалению для нее, ее основной поставщик умер.

— Мне некуда идти, — говорит она. — Дети Рика больше не хотят, чтобы я жила в их доме.

Не удивительно.

— За городом есть две юношеские христианские ассоциации. (Прим.: YMCA (от англ. *Young Men's Christian Association*) — молодежная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей). Удачи.

— Они заполнены. Я проверяла. Ты действительно собираешься оставить меня на улице? — Мисти топает ножкой.

— В точку. Ты бредишь, если думаешь, что я тебе что-то должен.

Стоять здесь и спорить с зависимой от метамфетамина идиоткой — не самое разумное решение, которое я принял в последние дни.

— Прощай, Мисти. И не возвращайся сюда снова. Я наконец-то свободен, и ты не тот человек, с которым мне стоит видеться. Я не собираюсь возвращаться в тюрьму за преступление, которого даже не совершал.

Я толкаю дверь и захлопываю ее прямо у нее перед лицом.

Она скулит с другой стороны, но я не могу разобрать слова. Кроме того, мне глубоко наплевать, что извергает ее сварливый рот.

Она лживая.

Грязная, мерзкая и наркозависимая.

И она заслуживает того, чтобы гнить за то, что сделала.

Демид

— Первые двадцать четыре часа будут самыми важными, — лечащий врач Брукса стоит у подножия его кровати вместе с анестезиологом. Бренда стоит с правой стороны от кровати, я — с левой.

Мама стоит в углу, а папа, Дерек, Далила и Хейвен находятся в зале ожидания. Они планируют вернуться попозже, так как в палате может находиться не больше трех людей одновременно. Они все хотят быть здесь, ожидая момента, когда он, наконец, откроет глаза.

Бренда протягивает руку к своему сыну, в то время как медсестра склоняется к его капельнице.

— Мы начнем со снижения дозировки седативных препаратов, — объясняет доктор. — Наши тесты показали, что отек уменьшается, и ЭЭГ дает надежду.

Я наблюдаю, как быстро двигается медсестра, переключая кнопки и впрыскивая что-то в катетер с помощью шприца. Она не волнуется, как будто для нее это обычное дело, возвращать людей с того света. Я не смогла бы этого сделать. Я не смогла бы держать в руках чью-то жизнь.

— Это не редкость, — говорит анестезиолог. — Для этого потребуется несколько попыток. Не беспокойтесь, если он не проснется с первого раза. Мы всегда надеемся, что больной сразу придет в себя, но иногда такого не происходит. Мы принимаем это как знак того, что мозг не готов, и в этом случае мы повторно вводим больного в состояние комы, используя тот же барбитуратный коктейль. *(Примеч. Барбитураты (лат. barbiturate) — группа лекарственных средств, производных барбитуровой кислоты, оказывающих угнетающее влияние на центральную нервную систему. В зависимости от дозы, их терапевтический эффект может проявляться от состояния легкой седации до стадии наркоза).*

— Так что вы сейчас делаете? Как это работает? — Бренда сжимает руку Брукса.

— Мы постепенно сокращаем дозировку седативных препаратов, — говорит врач. — Мы хотим избежать быстрого вывода. Так что на данный момент мы наблюдаем, уменьшая количество препарата. Мы будем искать признаки улучшения, наблюдая за ним круглосуточно.

— Должны ли мы знать, насколько поврежден его мозг? — Бренда задает вопрос так, будто спрашивает о погоде. Ее способность держать все эмоции под контролем, оставаясь при этом такой спокойной, никогда не перестает меня удивлять.

— Мы это не узнаем, пока он не очнется, — доктор складывает авторучку в передний карман, затем опускает руки на бедра. — После того, как он очнется, мы сделаем несколько простых тестов и зададим несколько вопросов. Если он ответит на них, то это хороший знак. Если он будет в состоянии сказать «привет», узнает лица, если вспомнит имена, это еще лучше. Но сейчас мы ничего не узнаем, пока не придет время. Учитывая степень травмы, мы ожидаем увидеть некоторые последствия от черепно-мозговой травмы. Сейчас ничего не можем предсказывать.

Бренда хватается за сердце.

— Спасибо, доктор.

Доктор уходит, а медсестра остается, она записывает показатели и молча наблюдает за процессом.

Я снимаю пальто и вешаю на спинку своего стула, делая импровизированную подушку. Мне нужен комфорт, потому что ночь обещает быть долгой.

Бренда обмолвилась со мной лишь несколькими словами, с тех пор как я приехала сюда. Я чувствую, что она смотрит на меня, сидя около кровати Брукса, но я не реагирую.

— Что ты там делаешь, мам? — спрашиваю я.

Моя мама улыбается и проверяет свои часы.

— Я уйду, чтобы Дерек смог зайти. Он собирается остаться на некоторое время, а затем ему нужно будет уйти, чтобы уложить Хейвен спать.

Я вновь поворачиваюсь к Бруксу. Он менее опухший, чем был ранее сегодня. С каждым часом он становится более похожим на себя прежнего.

Кредитные карты по-прежнему разбросаны по кухне. Я должна была просмотреть их, чтобы увидеть, что он покупал, но в то же время я была слишком занята, складывая все пятнадцатичасовые остатки на картах.

Его подарки для меня, как правило, были скромными. Маленькие побрякушки, ничего серьезного. Определенно, они не стоили шестизначной суммы. Я уверена, что он покупал вещи для своей любовницы. Дорогое белье. Ювелирные изделия. Разные маленькие побрякушки, чтобы она смогла почувствовать себя особенной.

Я не знаю, почему двадцати восьмилетний мужчина нуждается в любовнице. Словно это я заставила его жениться на мне. Возможно, дело было не столько в ней, сколько в том, что он получал удовольствие от своего маленького грязного секрета.

Мужчины и их чертовы секреты.

Бренда смотрит на мои руки, и я вдруг понимаю, что рву бумажный носовой платочек в клочья.

— Нервничаешь, дорогая? — спрашивает она. Ее ласка успокаивает меня и дает надежду на то, что, возможно, она не зла на меня. Возможно, она не собирается меня ненавидеть... Пока. — С ним все будет хорошо. Он очнется. Я просто знаю это. Я вчера столкнулась с сестрой Сапфир в гастрономе «Гринберг», и она сказала мне, что у нее было видение о Бруксе, с ним все будет в порядке.

Сестра Сапфир. Местный экстрасенс.

Я никогда не понимала, почему никто никогда не спрашивал о ее высоких доходах, низкой точности прогноза, а также о том факте, что она жила в особняке «МакМенсион» через дорогу от меня и ездила на «Астон Мартин», который стоит сто тысяч долларов.

Я думаю, когда ты зарабатываешь на жизнь, рассказывая людям то, что они хотят услышать, и люди готовы платить за это, то ты можешь делать все, что захочешь.

Брукс управлял ее активами и несколько раз предлагал мне отказаться от преподавания и заняться изучением искусства «холодного чтения». (*Примеч.: Холодное чтение — набор приемов, которые используют менталисты, экстрасенсы, гадалки, медиумы и иллюзионисты, чтобы создать видимость того, что они знают о человеке гораздо больше, чем есть на самом деле*).

— Приятно слышать, — говорю я.

Я беру руку Брукса в свою, и Бренда улыбается. Я же внутренне съеживаюсь.

— Извините, — мама поднимается и направляется к двери. — Я собираюсь позвать

Дерека. Знаю, что он хотел бы остаться здесь до одиннадцати.

— Конечно, мам, — говорю я.

— Я хотела сказать тебе, дорогая, — говорит Бренда, когда мама уходит. — С помощью страницы в сети и моей сестры мы насобирали около пятидесяти тысяч долларов на прошлой неделе. Просто невероятно. Это сообщество настолько щедро. Так много людей обеспокоены состоянием Брукса. Они так любят моего сына, не так ли?

— Вау. Это весьма впечатляет.

— Теперь наша страховка покрывает расходы по реабилитации Брукса, но я думаю, что, возможно, ты могла бы бросить свою работу, чтобы круглосуточно заботиться о Бруксе?

Моя челюсть падает.

Любой учитель знает, что никто не уходит от работы, которую любит, от школы, которую любит, от директора, который тебе нравится. Такого рода тройные выигрыши в этой отрасли редкость.

— Я, ээ... Я не знаю, что сказать, — говорю я. Мое горло сжимается, мне нужна вода и свежий воздух, или я упаду в обморок.

— О, дорогая, здесь не о чем говорить. Я уже все объяснила директору МакКлин. Ты же знаешь, что мы живем по соседству. Она очень хороший друг. Она сказала, что у нее есть кем заменить тебя до конца года, но ей придется расторгнуть с тобой договор. Так что ты не должна беспокоиться о возвращении на работу после Рождества или в следующем году. Ты можешь сосредоточиться *исключительно* на Бруксе, — Бренда улыбается, поглаживая его руку. — Он будет нуждаться в тебе, Деми — в твоём *пристальном* внимании.

Замечательно.

Просто замечательно.

— Я очень люблю свою работу, Бренда, — отвечаю я. — Вы не должны были делать этого. Я хочу вернуться. И мы не знаем, как долго по времени займет его восстановление. Не кажется ли вам, что это было немного преждевременным?

— Ерунда, — она отмахивается от меня рукой. — Как бы там ни было, ты бы бросила свою работу после свадьбы. Бруксу нужна женщина в доме, и в любом случае ты стоишь намного больше, чем эта ничтожная зарплата. Твое место в доме. Женщины Эбботт управляют хозяйством, и они вытирают сопливые носы только тем детям, которых родили сами.

Губы Бренды растягиваются в теплой улыбке, смягчая грубые слова. Я не могу понять, но мне все-таки интересно, понимает ли она, что делает, или это всего лишь притворство. Может быть, она одна из тех людей с расстройством личности, которые манипулируют всеми вокруг, и никто не замечает этого.

Все ее причуды, все ее отличительные особенности... Я всегда рассказывала о них, смеясь и шутя над ними.

Но это уже переходит все границы.

— Бренда, я действительно надеюсь, что вы ничего не сделали, — у меня щиплет уголки глаз. Я чувствую, как подступают слезы.

— Милая, почему ты так расстроена? Я думала, что делаю тебе услугу. Учителя теряют свои лицензии, расторгая договор. Таким образом, тебе не придется иметь дело с последствиями того, что ты ушла с работы, — говорит она. — Я всего лишь пыталась помочь.

Я в двух секундах от того, чтобы рассказать ей о кредитных картах, оформленных на мое

имя, когда входит Дерек.

— Я не останусь надолго, — говорит он. — Просто хотел проявить свою поддержку и проверить, как там наш парень.

Бренда поднимается, раскрывая объятия, и обнимает моего брата.

— Я ценю то, что ты пришел, Дерек. Я уверяю, Брукс узнает о том, что ты был здесь.

Она говорит так, словно он очнется в любую минуту и жизнь вернется на круги своя.

Я молюсь Богу, чтобы он очнулся.

И надеюсь, что он сможет разговаривать, потому что ему придется очень многое объяснить.

Кроме того, я хочу свою работу обратно, прежде чем станет слишком поздно. Мне *нужно* вернуться на работу.

Когда Дерек уходит, Бренда указывает на стул, который раскладывается в маленькую кровать.

— Почему бы тебе не отдохнуть, дорогая? Я тебя разбужу, если будет какая-либо реакция. Я знаю, что ты ничего не хочешь пропустить, да и журналист из «Вестник Рикстон Фоллс» будет здесь утром, чтобы взять у нас интервью.

— О. Я ничего не знала об интервью. Что, если он не очнется к тому времени?

— Это обычное уточнение, — говорит она. — У Афтон очень большой интерес к истории Брукса.

Мне в это сложно поверить. Вопросы девушки были банальны и неоригинальны, и когда мы впервые встретились, она выглядела так, словно готова была помереть от скуки.

— О, хорошо, — я разворачиваю стул и делаю себе маленькую кровать. Не знаю, удастся ли мне поспать сегодня вечером, но я собираюсь попробовать.

Что-то подсказывает мне, что завтра будет длинный день.

Ройал

— Мона, открой, — я стою на крыльце и стучу по двери дома с провисшей крышей своей биологической матери. Насколько я помню, она всегда жила в этом аду, где гниют полы и не только.

Нас забрали от нее, когда я пошел в первый класс. Мисти была еще в пеленках. И достаточно иронично, когда случилось то дерьмо семь лет назад, Мона была единственной, кто оказался рядом со мной. Она пришла на суд и посещала меня в тюрьме.

Это единственная причина, почему я стою здесь, стуча в ее дверь и теряя время.

— Ройал? Это ты? — скрип входной двери сопровождается зловонием из кошачьей мочи и грязных ящиков для мусора. — Эй, детка, входи.

Я показываюсь ей. Мона в желтом платье с гавайскими цветами. Она ковыляет в гостиную, шлепается на диван всем своим весом в двести двадцать килограммов и поднимает пульт дистанционного управления, чтобы приостановить шоу.

— Не видела тебя довольно долгое время, сын, — говорит она. Мона улыбается с полным ртом жемчужно-белых зубов. Это новые. Должно быть, наконец, получила свои зубные протезы.

Я ненавижу, когда она называет меня сыном. Будто мы семья. Я имею в виду — мы семья только по крови, но где она была все эти годы, когда меня отправляли с одной приемной семьи в другую? Я убежден, что единственная причина, по которой она снова появилась в моей жизни — она смогла, наконец, полностью побороть свою зависимость и поняла, что осталась совсем одна.

У нее не было выбора, кроме как пытаться загладить свою вину.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

И она поверила мне, когда я сказал ей, что невиновен. Или, по крайней мере, сказала, что поверила.

— Ты сказала Мисти, где я живу? — я стою посреди гостиной. Каждый раз, когда я засиживаюсь здесь, то выхожу с устойчивым запахом смерти в носу, от которого не могу избавиться на протяжении нескольких дней.

Мона морщит лицо и качает головой.

— Нет, детка, — говорит она. — Мисти знает, что меня лучше не спрашивать об этом.

— Она появилась у меня на пороге, — продолжаю я. — Хотела, чтобы я подобрал ее с улицы.

Мона закатывает глаза.

— Что она делает на улице? Рик ее выкинул?

— Она сказала, что Рик умер.

Маленький рот Моны открывается, и она поднимает пару пухлых пальцев к губам, как только я сообщаю трагическую новость.

— Твоя сестра возмутительна, — Мона утверждает то, что, мы оба знаем, является истиной. С Мисти у нее нет ничего общего, так как все пошло кувырком семь лет назад, но я думаю, что она хотела объединить нас в той или иной степени. Одна маленькая, счастливая

семья.

Этого никогда не произойдет.

— Куда она пошла? — спрашивает Мона.

Я пожимаю плечами.

— Не знаю, мне все равно.

Она цокает своим языком, склонив голову и выдыхая. Мона достаточно громко дышит. Врачи хотят посадить ее на кислород, но она отказывается, пока это не станет абсолютной необходимостью.

— Возможно, настало время, когда нужно простить и забыть прошлое, Ройал, — хрипит она. — Как долго ты собираешься жить воспоминаниями о той ночи?

Я смотрю в ее глаза-бусинки, мои плечи вздымаются с каждым рваным вдохом. Тот факт, что у нее есть смелость предложить подобное, приводит меня в бешенство.

— Та ночь, — говорю я, — стоила мне всего. Я никогда это не забуду.

Я больше не могу здесь находиться.

Я двигаюсь к двери, но оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Мону еще один раз.

— Но я бы хотел, — говорю я.

— Детка, люди все время меняются. Вы двое молоды. Я не смогу всегда находиться рядом, и когда-нибудь, когда я уйду, все, что у вас будет — это только вы сами, — говорит она. — Я просто говорю, не отталкивай свою сестру из-за одной маленькой ошибки, которую она совершила в пятнадцать лет.

— Маленькой? — я выплевываю это слово в ее сторону. — *Маленькой?*

— Ты знаешь, что я имею в виду, Ройал.

С этими словами я ухожу. Я не доверяю себе, что не скажу ужасных и обидных слов, которых никогда не смогу взять обратно. Какого черта Мона читает мне лекции относительно семьи? Женщина, которая бросила своих детей в праздник, оставив им только консервы для кошек, и ушла в запой на четыре дня в казино. Женщина, у которой «Служба защиты детей» забрала детей, и она ни разу не попробовала их остановить.

Ей повезло, что я простил ее.

Но я *никогда* не прощу Мисти.

Никогда.

Деми

Я просыпаюсь под звуки аппарата искусственной вентиляции легких, который помогает Бруксу совершать каждый вдох. Бренда уснула в кресле с другой стороны. Я потираю шею, пытаюсь облегчить пронизывающую боль.

Глаза Брукса закрыты. Он не двигается. Он еще не очнулся.

Медсестра двигается по комнате, когда видит, что я проснулась.

— Никаких изменений, — шепчет она.

Я киваю и собираю свои вещи. Хочу выйти и поговорить со своей семьей, так как здесь звонить нельзя. Кроме того, я не хочу будить Бренду.

Я выхожу с палаты и нахожу тихий уголок в комнате ожидания, сочиняя текст и размещая его на созданной кем-то странице в «Фейсбук». На этой чертовой странице двадцать тысяч подписчиков. Это в два раза больше населения Рикстон Фоллс. Безумие, как быстро распространяются слухи.

Как только я публикую свой пост, на экране выводится маленькое красное уведомление. Двоим понравился пост в течение нескольких секунд. Потом шести. Четырнадцати. Пять комментариев. Потом восемь. Потом одиннадцать. Тридцать шесть лайков. Пятьдесят четыре. Двадцать комментариев.

И это не предел.

Я закрываю приложение и прячу свой телефон в карман. Я не могу ответить на них.

— Деми?

Я смотрю через комнату и вижу Афтон, репортершу из «Вестник Рикстон Фоллс», которая приближается ко мне. Сегодня она одета по-простому. В узкие джинсы и белую блузку. Ее бежевое пальто расстегнуто, а светлые волосы стянуты в низкий пучок. Золотые с аметистом серьги свисают с ее ушей.

Смотря на Афтон, я осознаю, что выгляжу так, словно только что выкатилась из постели.

— Привет, Афтон, — я стараюсь не скрывать свое разочарование от ее выбора времени для встречи. Мои волосы в беспорядке и дыхание не свежее, и я точно не в настроении, чтобы отвечать на ее тупые вопросы.

— Бренда говорила вам, что я должна была прийти сегодня?

— Да. Она не сказала в какое время.

Афтон теребит черный шнурок на шее, на котором висит пропуск.

— Я приехала в этот район чуть раньше, чем обычно.

— Вы не из Рикстон Фоллс?

— Нет, — говорит она. — Брукс... Он не очнулся, не так ли?

Ее глаза смягчаются, и я вижу надежду в этом взгляде. Она не ведет себя как профессиональный журналист. Она говорит со мной, будто мы пара старых друзей.

— Откуда вы, Афтон? — спрашиваю я.

— Извините?

— Вы сказали, что не из Рикстон Фоллс, — я массирую заднюю часть шеи, где

болит. — Откуда вы?

На ее бледных щеках расцветает розовый цвет, и это вовсе не от румян.

— Маленький городок к северу отсюда, — говорит она. — Вы, вероятно, никогда не слышали о нем.

— Удивите меня.

— Глидден, — говорит она и опускает взгляд на мое кольцо. — Когда-нибудь слышали о нем?

Я чувствую, как цвет сходит с моего лица, когда смотрю в ее глаза.

Все это может быть совпадением.

Очень большим, огромным, странным совпадением.

— Да, слышала. Почему бы не глянуть, вдруг Бренда проснулась? — я указываю на коридор. Ни одна часть меня не хочет стоять здесь и представлять миленькую Афтон с моим бывшим женихом, потому что это именно то, что я буду делать — гадать, является ли она той тайной женщиной или нет. — Я уверена, что она хотела бы поделиться с вами несколькими цитатами для будущей статьи.

Прежде чем у нее появляется шанс возразить, я поворачиваюсь на каблуках и бегу в палату Брукса.

Только я не была готова войти и увидеть, как он сидит.

Его глаза открыты.

Он очнулся.

Воздух уходит из моих легких, и я прижимаю ладони ко рту.

— Б-Брукс, — говорю я.

Бренда поворачивается лицом ко мне, слезы стоят в ее глазах. Ее улыбка замирает на мгновение. Она разочарована во мне, что в момент, когда он открыл глаза, я не была с ним рядом.

— Я... я выходила, чтобы сделать несколько телефонных звонков, — говорю я, усаживаясь рядом с ним, подобно послушной невесте, которой Бренда меня считает.

Медсестра Брукса носится по комнате в возбужденном исступлении. Она информирует доктора через больничный домофон. Проходящие мимо медсестры заглядывают в палату, улыбаясь.

Весь этаж празднует.

Бренда берет его руки и подносит к своим губам.

Взгляд Брукса перемещается ко мне.

И мне интересно, помнит ли он.

И если помнит, я задаюсь вопросом, знает ли *он*, что я знаю.

Я не знаю, достаточно ли он соображает, но если есть хоть какая-то часть от него прежнего, то он понимает, что прямо сейчас я не совсем в себе.

Я вкладываю руку в его и улыбаюсь.

Сейчас не время.

— Бренда, репортер с «Вестника» находится в комнате ожидания, — шепчу я через Брукса. — Она хотела бы услышать пару слов для своей статьи.

— Ну, ей придется подождать, — Бренда потирает рукой колени своего сына. — У меня есть более важные дела прямо сейчас.

В палату забегают два врача, и я пчусь к окну.

— Брукс, я доктор Сандерсон, а это доктор Мосли, — говорит седовласый врач. — Вы

помните свое имя, Брукс? Если да, моргните один раз, если нет — два раза.

Все взгляды устремлены на Брукса.

И тогда он начинает моргать. Один раз.

— Отлично, отлично, — говорит доктор. — Можете ли вы сжать для меня кулак? Хорошо, хорошо. Можете ли вы поднять большой палец вверх? Отлично. Теперь следуйте взглядом за кончиком ручки. Я хочу, чтобы вы отследили движение. Отлично.

Бренда прикрывает рот руками, улыбаясь. Она плачет. Она выглядит так, словно находится в двух секундах от взрыва.

И я ей завидую.

Я хочу быть счастливой в этот момент. Хочу праздновать и смеяться, плакать и целовать его руки, говорить с ним.

Но мой образ о нем разрушен. Сломан и не подлежит ремонту.

Врачи удаляют трубки изо рта, и первое слово, которое он произносит: «Вода».

Все смеются, как будто это весело.

Доктор Сандерсон поворачивается к Бренде и поднимает ей большой палец вверх. Это первый раз за всю неделю, когда я вижу его улыбку. Предполагаю, что ради таких моментов он и живет, по крайней мере, в профессиональном смысле.

Остальная часть дня не будет посвящена слезливым поздравлениям для Брукса. Мы не будем сидеть и сплетничать здесь. Остальная часть дня будет предоставлена докторам. Для испытаний и процедур. Для тестов и оценок.

Они толкают меня, все они роются и топчутся вокруг его кровати. Все больше людей в халатах мечутся по комнате. Планшеты. Ручки. Смех. Вопросы. С каждым новым лицом я продвигаюсь ближе к двери.

Я не смею их прерывать. То, что они делают — важно. Я машу Бренде, и она машет рукой в ответ, а потом поворачивается к своему сыну. Я ловлю намек и ухожу.

К тому времени, как я прихожу в зал ожидания, Афтон бросает последний взгляд на журнал и встает на ноги. Ее брови приподняты.

Я останавливаюсь, делаю глубокий вдох и говорю ей:

— Он очнулся.

Она сжимает руки. Может быть, она в восторге от новой детали для ее статьи. Может быть, она одна из тысячи людей в этом городе следит за его историей, потому что та влияет на нее гораздо больше. Или, может быть, она рада, потому что человек, которого она любит, не умер, в конце концов.

Я не знаю.

И я не хочу быть здесь, чтобы выяснять это.

Я пробегаю через автоматические двери и приветствую холодный ветер, ласкающий мою кожу, и направляюсь на стоянку. Я вернусь позже, когда ажиотаж утихнет. Я сыграю свою роль и буду там для него, несмотря на то, что он по-крупному меня обманул.

Но сейчас я не могу находиться здесь.

Я не хочу идти домой. И не хочу видеть Далилу или своих родителей.

Я не совсем уверена, чего мне хочется прямо сейчас.

Садясь в свою машину, я включаю радио. Песня, которая начинает играть, напоминает мне о танцах в старшей школе, о вечерах около костра и о Ройале.

Я воспринимаю это как знак.

Ройал

— Эй, Ройал, здесь какая-то дамочка хочет тебя увидеть.

Я сижу на корточках, работая над нижней частью винтажного «Мустанга», когда замечаю изношенные кроссовки Дэрила рядом с собой.

Я стягиваю маску с лица.

— Какая-то дамочка?

— Да. Никогда не видел ее раньше.

Я ставлю распылитель в сторону и выхожу в фойе. С того места, где я стою, мне видна Пандора, которая сжимает зубами один конец жевательной резинки, а другой наматывает вокруг пальца, затем убирает ее, и все это время она метает ножи в сторону кого-то, кто сидит на одном из гостевых стульев.

— Деми, — я вижу ее, как только выхожу из-за угла. — Что ты здесь делаешь?

Пандора закатывает глаза.

— Надеюсь, это нормально, что я зашла, — она встает, накидывая ремень сумки на плечо. — Я была здесь поблизости.

— Ты была в Саут-Форке? — смеюсь я. Никто не приезжает в Саут-Форк по своему желанию.

Деми пожимает плечами и борется с улыбкой.

— У тебя есть минута? Когда будет обеденный перерыв?

— Через несколько часов, но я могу устроить его сейчас.

Она отмахивается рукой.

— Все нормально.

— Нет, нет. Ты пришла сюда. Подожди, — я проскальзываю в кабинет Рода и получаю одобрение, достаю свои ключи из кармана и веду ее к боковой двери.

Уверен, что Пандора зашипела на меня, когда мы проходили мимо стойки регистрации, но я проигнорировал ее.

— Все в порядке? — спрашиваю я, когда мы садимся в мою машину. Это первый раз, когда она сидит в ней, и на мгновение это чувствуется неправильно... Из-за всех тех вещей, которые я вытворял с другими женщинами на заднем сиденье на протяжении многих лет.

— Да, да.

Я ей не верю, но не любопытствую. Я просто благодарен, что из всех мест, куда Деми могла бы пойти сегодня, она пришла ко мне. Это должно что-то да значить.

— Я хочу посмотреть твою квартиру, — она открывает окно, опуская стекло до самого низа. Дует достаточно холодный воздух, и я улавливаю аромат шампуня, которым пользуется Деми, и на мгновение мне хочется запустить свои пальцы в ее волосы.

— Моя квартира в Глиддене, — говорю я. — Полчаса туда, полчаса назад.

— О, — она опускает взгляд на руки, сложенные на коленях.

— Думаю, успеем, если поспешим, — не люблю видеть ее разочарованной. — Я могу задержаться немного дольше сегодня. Мой босс не будет возражать.

Я не знаю этого наверняка. Но она этого стоит.

Деми поворачивается ко мне и кивает.

— Да, здорово. Покажи мне место, где ты живешь.

— Итак, это здесь, — я ударом открываю дверь в свою студию.

Деми делает пять шагов и уже находится посреди комнаты. Если бы моя кровать была опущена, она была бы уже на ней.

— Здесь хорошо пахнет, — говорит она.

— Спасибо, — не то чтобы это моя заслуга.

— И здесь уютно, — Деми подходит к окну и смотрит вниз на движение по главной улице. — И тепло.

— Дом, милый дом, — я плюхаюсь на двухместный диван у стены. Когда моя кровать опущена, то едва хватает места, чтобы пройти. Иногда мне нравится делать вид, будто эта комната на самом деле является гостиной, и что спальня находится в другой части квартиры. Глупо, но от этого я иногда не чувствую, будто живу в обувной коробке. — В любом случае, почему ты хотела увидеть это место?

Деми шагает по маленькому ковру передо мной и пожимает плечами.

— Я не знаю. Думаю, просто хотела пойти куда-нибудь, где никогда не была прежде, — она берет локон темных волос и закручивает его вокруг пальца, а затем дает волосам упасть на плечо. Она смотрит на меня, и на мгновение наши взгляды встречаются. — Я чувствую, словно заполняю пробелы.

— Пробелы?

— Да, — она осторожно подходит ближе, а затем садится на вторую половину дивана на расстоянии вытянутой руки от меня. Деми подбирает ноги под себя, а потом скрещивает.

Трудно не прикоснуться к ней, когда она так близко. Мои пальцы дергаются, когда я думаю об изгибе ее верхней губы или о том, как пропускаю пальцы через ее шелковистые волосы.

— Я хочу знать, что ты делал последние семь лет. Где жил. Где работал. Какой была твоя жизнь, — говорит она. — Возможно, это смешно и глупо, но я чувствую, что это могло бы помочь мне понять тебя лучше.

Я смеюсь и прислоняюсь спиной к подушке дивана, отказываясь отпустить Деми из виду. Я никогда бы не смог устать от этого — от нее, сидящей в моей квартире рядом со мной.

— Единственное, что тебе нужно знать о моей жизни за последние семь лет, — говорю я, — это то, что это было ужасно. Это было ужасно. И ничто не имело значения, потому что у меня не было тебя.

Я слышу, как она вздыхает и задерживает дыхание, не отводя взгляда от моих глаз. Не думая, я беру Деми за руку и сажаю ее к себе на колени. Будь я проклят, если не воспользуюсь текущим положением.

Убрав волосы с ее красивого лица, я опускаю руки на ее бедра.

— Что ты делаешь, Ройал? — шепчет она едва слышно.

— А по-твоему, что я делаю?

Она убирает волосы с лица, заправляя их за ухо.

— Играешь с огнем.

— Не притворяйся, что ты невиновна во всем этом.

Обхватив ладонями ее лицо, я притягиваю ее к своим губам и краду поцелуй. И еще один. Деми выдыхает и скользит руками по моим плечам. Ее тело плавится напротив моего, она трется бедрами о мои штаны достаточно, чтобы заставить мой член пульсировать.

Я должен следить за временем, но к черту его.

Руками скольжу под ее рубашку, продвигаясь по обнаженной коже вверх, пока не достигаю чашечек бюстгалтера. Беру в руки ее идеальную грудь и закусываю ее нижнюю губу между своими зубами. Деми стонет, когда я оттягиваю ее дерзкие соски своими пальцами.

Стягиваю рубашку над ее головой, затем снимаю с нее бюстгалтер, пока она не остается голой. Деми поднимается на колени, пока ее розовые бутоны не оказываются рядом с моим ртом. Она теревит пальцами мои волосы, в то время как мой язык ласкает ее возбужденные соски. Мой член ноет, пульсирует и увеличивается в размере.

Пальцами Деми зарывается в мои волосы, захватывает их, оттягивает и выпускает. Опустив бедра, она прижимается своими губами к моим, и наши языки сплетаются друг с другом.

Я не хочу возвращаться на работу.

Хочу остаться здесь, с Деми, наверстывая упущенное время.

Но мне нужна работа.

Черт.

— У нас мало времени, — я ненавижу, ненавижу, что должен прекратить это.

Деми прекращает двигать бедрами, и ее полуоткрытые, горящие страстью глаза округляются.

— Сколько времени у нас есть? — спрашивает она.

Я проверяю свои часы.

— Ты можешь по-быстрому? — она соскальзывает с моих ног и опускается на колени, ладонями скользит вверх по моим бедрам и устремляется к ширинке. Спустя несколько секунд она уже облизывает языком кончик моего члена и массирует его руками.

Я окутан теплом и влажностью, мои пальцы в ее волосах, и ее язык облизывает каждый сантиметр моего члена.

— Боже, Деми... — спустя минуту я начинаю стонать, желая бороться с этим, но знаю, что не могу. Она сосет меня сильнее, трет быстрее, подталкивая к самому краю. Когда я кончаю, она глотает все и, легко улыбаясь, поднимается на ноги.

Я хочу, поцеловать ее, но...

— Мы должны идти? — она накидывает сумку на плечо, будто ничего только что не произошло.

— Да, дай мне секунду, — я вытираюсь в ванной комнате и когда я выхожу, то нахожу Деми прислонившейся к кухонной стойке. Мое сердце останавливается.

Письмо.

Письмо от Комиссии по условно-досрочному освобождению.

Я оставил его на стойке прошлой ночью.

— Готов? — она поворачивается с теплой улыбкой на лице, и я выпускаю сдерживаемое

дыхание.

Она не видела его.

Слава Богу.

Когда мы сидим в машине несколько минут спустя, Деми крутит радио. Если бы это был кто-то другой, то я бы ему что-то сказал, но мне это нравится. Ощущается как в старые времена. Когда я выезжаю на шоссе обратно в Саут-Форк, Деми останавливает свой выбор на ужасной поп-станции.

— Что ты делаешь сегодня вечером? — спрашиваю я, когда мы останавливаемся на стоянке у «Автомастерской Паттерсона». Я, несомненно, опоздал, но она того чертовски стоит.

Деми поворачивается в мою сторону, проводит ладонями по своим бедрам и начинает рвано дышать через свои совершенные губы.

— Брукс очнулся сегодня утром.

От ее слов я начинаю задыхаться, и провожу минимум минуту, пытаюсь восстановить дыхание.

— Деми, — я кашляю. — Что? Он очнулся? Почему ты пришла сюда? Зачем ты...

— Я не знаю, Ройал, — она прячет свое красивое лицо в ладонях. — Я не знаю.

Посмотрев в сторону автомастерской, я замечаю, что Пандора наблюдает за нами со своего места за стойкой. Она больше стреляет взглядом, чем смотрит, на самом деле. Как только я окажусь внутри, то сделаю то, что должен был сделать давно. Пандора должна понимать, что она никогда не была моей. А я никогда не был ее.

Я всегда был Деми.

Я тянусь к ее левой руке и отодвигаю подальше от ее лица. Деми поворачивается ко мне, но не плачет. Ее лицо перекошено, глаза страдальческие и затуманенные. Я представляю, какая война ведется внутри нее, и она, определенно, не готова к бою.

— Не расстраивайся из-за произошедшего сегодня, хорошо? — я заставляю свой голос звучать тихо, передвигаясь к ней как можно ближе, настолько, насколько позволяет машина. — Ты проходишь через такие испытания. К черту всех, кто тебя судит.

Она смотрит на надпись «Додж» на моем бардачке и моргает.

— Я рад, что ты пришла, — добавляю я. *Да. Действительно* рад. — Мне нужно вернуться на работу, но я заеду сегодня вечером по дороге домой с работы. Мы можем побольше поговорить.

Я подстроил свой график с часами посещения в больнице, поэтому не пропущу Деми, когда она вернется домой.

— Нет, — говорит она. — Не думаю, что это хорошая идея.

Прежде чем я успеваю возразить, она выходит из машины, осторожно закрывает дверь и уходит к своей «Субару». Деми чувствует себя виноватой. Это в стиле Роузвудов. Но она не должна этого делать. Брукс Эбботт — гребаный сукин сын, с каким мне когда-либо приходилось сталкиваться, и это при том, что некоторое время я провел за решеткой. Он затмил их всех. Он эгоистичный и самовлюбленный. Он в первую очередь не заслуживает Деми, и я чертовски уверен, что сделаю все, чтобы он не получил ее после всего, что сделал.

Ройал

— Ты опоздал, Ройал, — Пандора скрещивает руки на груди, когда я возвращаюсь с обеда.

— Впервые за все время.

— Тебе повезло, что я не скажу папе.

— Я останусь допоздна сегодня, чтобы компенсировать это, — я засовываю пальцы в петли на поясе джинсов. — На прошлой неделе я отработал десять часов сверхурочно. Сильно сомневаюсь, что у нас возникнут проблемы из-за того, что я воспользовался дополнительными пятнадцатью минутами к обеду.

Она дуется, и я знаю этот взгляд. Она пытается начать выяснение отношений, потому что видела, как я сбежал с Деми.

— Кто эта богатая сучка, которая пришла сюда в поисках тебя? Новая подружка? — Пандора склоняется над прилавком, ее сиськи выпадают из расстегнутой майки. Я не смотрю на них и уверен, что это бесит ее.

— Не новая, — отвечаю я.

— Старая подруга? — Пандора фыркает.

— Да.

Я проверяю часы на компьютере рядом с ней и поворачиваюсь, чтобы уйти, когда ногтями она впивается в мое предплечье.

Кряхтя, я поворачиваюсь к ней лицом.

— Она знает? — спрашивает Пандора, выгибая тонкие брови дугой. — Она знает, кто ты?

Паника пронзает меня настолько быстро, что это причиняет боль. Деми не должна узнать все от кого-то, вроде Пандоры; это не входило в мои планы. В первую очередь они никогда не должны были пересекаться. Я совсем не рассчитывал, что Деми появится в Саут-Форке.

— Она знает все, — лгу я. У меня нет выбора. Будь я проклят, если позволю Пандоре чем-то шантажировать меня, особенно моим прошлым.

Тот факт, что Деми пришла ко мне сегодня, говорит о том, что мы делаем успехи. Если Пандора разводит меня...

Она поворачивается ко мне спиной.

— Хреновый из тебя лжец, Ройал.

Деми

— О, Боже мой. Где ты была? — Далила хлопает дверью автомобиля, когда садится внутрь с пассажирской стороны, и дергает ремень безопасности. — Я звонила тебе все утро, как только узнала.

— Мой телефон разрядился, — я указываю на выключенный телефон и подсоединенный к нему белый провод автомобильного зарядного устройства. На самом деле он не разрядился, но это оправдание срабатывает. И это проще, чем говорить ей, что я действительно делала.

— Ты была в больнице? Как Брукс?

— Он был с врачами в течение всего дня. Они проводили кучу тестов, и я не могла остаться, так как юридически не являюсь членом его семьи, поэтому ушла.

— Ты ушла? В смысле, ты ушла из больницы? — Далила поворачивает обогреватель, и я переключаю его вниз на несколько отметок.

Я киваю и включаю правый сигнал поворота. Моя сестра оседает в своем кресле.

— Оу. Так ты хотя бы попрощалась с ним? Сказала, что вернешься? Он узнал тебя?

— Там царил хаос. Было много врачей и медсестер. Сомневаюсь, что кто-то заметил, что я ушла.

Губы Далилы словно танцевали — то она хмуро сжимала их, то снова улыбалась.

— Подожди. Твой жених выходит из комы, и первое, что ты делаешь — уходишь из больницы?

Мои руки дрожат, я пытаюсь успокоить их, надежно вцепившись в руль.

— Ты осуждаешь меня, Далила.

— Да, черт возьми, я осуждаю. Это не похоже на тебя. Кто, кто *ты* такая, я не узнаю тебя? — она качает головой, затем искоса смотрит на меня. — Ты что-то скрываешь. Речь идет о Ройале, не так ли?

Мое тело трясет с головы до ног, перед глазами все размывается. Чем ближе мы подъезжаем к больнице, тем хуже я себя чувствую. Но это эмоциональный вид болезни. Тот, который не зафиксируешь с помощью современной медицины.

Я проверяю зеркала заднего вида и сворачиваю в сторону от дороги, направляясь к ряду пустых парковочных мест перед зданием Окружного Суда Рикстон Фоллс.

— Господи, Деми, какого черта? — Далила поворачивается ко мне и стремительно пододвигается к краю сиденья. — Ты в порядке? Скажи мне, что происходит. Сейчас же.

Моя грудная клетка расширяется с каждым вдохом, но, несмотря на это, такое чувство, словно мне не хватает воздуха. Я опускаю окно вниз и вдыхаю прохладный воздух, как будто от этого зависит моя жизнь.

— Я знала это, — говорит Далила. — Речь идет о Ройале. Он единственный, кто может заставить тебя вести себя как сумасшедшая.

Когда мне, наконец, удастся заговорить, я встречаю ее пристальный взгляд и прочищаю горло.

— Речь идет о гораздо большем, чем ты думаешь.

— Отлично. Хорошо. Просвети меня.

— В ночь аварии Брукс бросил меня. Он разорвал помолвку.

Осуждающее выражение исчезает с лица Далилы, и ее взгляд теплеет.

— Что? Это шутка?

— Его вещи были упакованы, когда я пришла домой с работы. Он сказал, что хочет уйти. И я не пыталась его остановить.

Она берет мою дрожащую руку и сжимает ее между своими ладонями.

— Почему ты ничего не сказала? — Далила наклоняет голову, ее голос немного пропитан печалью.

— Я не думала, что кто-то поверит мне. Я имею в виду, посмотри на ситуацию, — мое горло сжимается. — И вы так сильно любите Брукса. Так взволнованы из-за свадьбы.

— Я верю тебе, Деми.

— Ты... Ты веришь?

Далила кивает.

— Я знаю, что ты никогда бы не сделала что-то вроде этого.

— Да, но ты моя сестра. Ты знаешь меня. Но все те люди, которые не знакомы со мной... Ты думаешь, что они поверили бы мне?

Она качает головой.

— Вероятно, нет. Время действительно кажется подозрительным.

— Видишь? Но это не все.

— Хорошо, — Далила расправляет плечи.

— Когда он уходил, он собирался к ней.

— К ней?

— У него кто-то был на стороне, — я говорю так вежливо, насколько можно сказать в такой ситуации. *У него кто-то был на стороне.* Звучит лучше, чем то, что он трахал другую женщину своим членом в то же самое время, когда трахал и меня, а я понятия не имела об этом.

Далила замирает и прижимает ладонь к губам.

— Откуда ты знаешь?

— Ройал сказал мне.

Ее сочувственный взгляд исчезает в одно мгновение.

— Серьезно? Ройал рассказал тебе об этом? Хорошо. Я знаю, что здесь происходит.

Я приподнимаю брови.

— Я не понимаю.

— Ройал манипулирует тобой. Он хочет, чтобы ты вернулась, и какой же лучший способ заставить тебя думать, что Брукс был мошенником?

Я смеюсь.

— Нет, это не так, как выглядит.

— Он полностью манипулирует тобой, и ты даже этого не видишь. Он не скажет тебе, что случилось, пока ты не будешь проводить с ним больше времени, не так ли? И он хочет убедиться, что ты никогда не вернешься к Бруксу, не так ли? Разве ты не видишь? Это ясно, как день, Деми.

Я отказываюсь в это верить. Она не знает его так, как я.

— Ты проводишь с ним больше времени, правильно? — спрашивает она.

— Да.

— Таким образом, он получил от тебя то, что хотел. А что ты получила из всего этого? — Далила сжимает руки, когда говорит. Она всегда была склонна к жестикуляции руками, когда действительно хотела убедить в своей правоте. — Ты попала в его паутину, Деми. Он поставил ловушку, и ты попала прямо в нее.

— Ты драматизируешь.

— У тебя есть доказательства интрижки?

Я смотрю в сторону, размышляя. Перебирая. Вспоминая.

— Нет, — отвечаю я минуту спустя. — Нет доказательств.

— Таким образом, ты принимаешь жизненное решение, основываясь на утверждениях Ройала?

— Что ты имеешь в виду под жизненным решением? Брукс разорвал помолвку. Это было его решение, а не мое. Не кажется ли тебе, что должен быть кто-то еще, Далила? Брукс был без ума от меня. Все было прекрасно за несколько дней до той ночи. Ничего не было из ряда вон выходящего. А потом он ушел.

Она прикусывает нижнюю губу, глядя на цифры радио.

— Да, очевидно, у него была причина для разрыва. Но ты не можешь верить только словам Ройала. Ты должна выяснить это у Брукса.

— Ройал рассказал, что видел Брукса с другой женщиной в Глиддене, — говорю я. — Рассказал, что подошел к нему и сказал, что был моим другом, и пригрозил, что расскажет мне, если Брукс не сделает выбор. И Брукс, очевидно, выбрал ее, так что...

— Хорошо, предполагаю, что Ройал не полный мудак, и это на самом деле произошло, — говорит она. — Кто эта таинственная женщина? Он описал тебе ее?

— Я не просила. Тогда мне не хотелось этого знать, — я выдыхаю и облакачиваюсь на спинку водительского сиденья. — Я только знаю, что она живет в Глиддене.

Далила закатывает глаза.

— Все девушки из Глиддена сучки.

— Я знаю, что это звучит совершенно безумно, Далила, но у меня предчувствие, что это Афтон.

Она прищуривается, а затем широко распахивает глаза.

— Афтон? Репортерша из «Вестника»?

— Да.

— Почему ты так думаешь?

Я пробегаю пальцами по волосам, ощущая запах машинного масла и металлический аромат Ройала, и быстро вспоминаю, как мои руки были на нем лишь час назад.

Я не знаю, почему пошла туда или почему сделала то, что сделала. Последнее место, где мне нужно было быть, это на коленях перед единственным человеком, который сломал меня. Увидев утром Брукса, я онемела, поэтому просто хотела что-то почувствовать.

— Не знаю, — вздыхаю я. — Думаю, что это глупо. Всего лишь догадка. У меня нет никаких доказательств того, что это Афтон.

— Вот мудак, — Далила делает паузу и поджимает губы. — Если он действительно изменял тебе, так помоги мне...

— Что ты собираешься с этим делать, а? — я выдавливаю смешок. Мы сидим в тишине, переваривая информацию и то, как облажались в этой ситуации. — Вероятно, мы должны отправиться в больницу.

Далила пристегивает ремень безопасности.

— Да. Полагаю, что так.

Деми

— Это наша девочка, — лицо Бренды Эбботт загорается, когда я вхожу в новую палату Брукса. Они перевели его сегодня, когда я ушла. Дальше по коридору в отделение интенсивной терапии, в просторную палату, которая лучше оборудована для его восстановления. Большие окна, на подоконниках которых в линию стоят несколько букетов цветов и воздушные шары.

Бренда поднимается и берет меня за руку, а мы с Далилой переглядываемся. Сестра смотрит на меня с ободряющей полуулыбкой, молчаливо заверяя, что *позже* все будет хорошо, если я просто смогу пройти через это *сейчас*.

— Мы скучали по тебе сегодня, дорогая, — голос Бренды громкий, она говорит медленно, выделяя каждый слог.

Действительно ли у Брукса проблемы со слухом? Его умственные способности пострадали?

— Привет, — я смотрю в знакомые глаза, когда добираюсь до его постели, но чувствую себя так, словно смотрю на незнакомца. От нервов я чувствую покалывание до самых пальцев ног, мое сердце скачет галопом.

Я хотела бы, чтобы мы побыли одни.

Я хотела бы задать ему вопросы, на которые он смог бы ответить.

— Деми, — произносит он мое имя, но это больше похоже на скрежет. А затем он улыбается.

— Вот, займи мое место, дорогая, — говорит Бренда и ставит стул рядом с постелью больного сына.

Пальцы Брукса сжаты в полуоткрытый кулак, будто они застряли в таком положении. И он приподнят на подушках. Его волосы вымыли утром. Я сужу так, потому что они блестят и аккуратно причесаны. За исключением синяков на его лице, сейчас Брукс больше похож на прежнего себя, чем был сегодня утром.

Пальцы Брукса дергаются, и он использует все свои силы, чтобы дотянуться до меня.

Я угождаю ему, и наши взгляды встречаются.

— Я... Прости, — медленно и с придыханием извиняется он.

Я не совсем уверена, за что он извиняется. За то, что оставил меня? За несчастный случай? За кредитные карты? За обман?

Я поглаживаю его руку, как друга, и прикусываю язык, когда желание сказать ему, чтобы он не беспокоился обо всем, всплывает у меня в голове. Как на автомате. Кто-то приносит извинения, и я говорю им, чтобы они не беспокоились об этом.

Но сейчас это не так.

То, что Брукс сделал — за пределами...

И я не буду отмахиваться от этого, даже если он действительно выглядит беспомощным и раскаявшимся, словно находится в двух секундах от того, чтобы зарыдать.

Я никогда раньше не видела Брукса плачущим. Четыре года вместе, и я никогда не видела ни одной слезы. Однажды он был близок к этому, после интенсивной игры в гольф с

моим братом.

Он моргает, и крупная слеза скользит по его щеке.

— Я... Сожалею, — тихо выдыхает он.

Бренда не видит ничего из этого. Она в углу разговаривает с Далилой, и они, кажется, болтают о сборе средств... О котором я совершенно забыла, и который пройдет в эти выходные.

Они прекращают разговор, когда Бренда поворачивается, чтобы посмотреть на нас, и видит, что я смотрю на нее.

— У вас все в порядке? — улыбается она и подходит. Положив руку на колено своего сына, она наклоняется к нему. — Угадай кое-что, Брукс? Деми бросила свою работу, чтобы все время заботиться о тебе. Как замечательно, правда? Я всегда знала, что ты женишься на ангеле-хранителе. Она хорошая девочка, Брукс. Никогда не покидала тебя. За исключением сегодняшнего дня.

Я замечаю, как Далила поднимает голову.

Зачем Бренда солгала ему? Наверное, чтобы я выглядела лучше, чем есть на самом деле, но ее небольшой подкол стопроцентно был преднамеренным.

Брукс смотрит на меня и одними губами произносит:

— Спасибо.

Тепло поднимается по моей шее.

Действительно?

Он просто собирается делать вид, что не бросал меня?

Теплая ладонь опускается на мою спину, и Далила кладет свой подбородок мне на плечо, останавливая меня.

— Эй, Брукс, — говорит она. — Как ты себя чувствуешь?

Я точно знаю, что она делает. Она поддерживает меня, поднимает настроение, надевая на лицо маску с улыбкой. Но я знаю свою сестру, и внутри она прокликает его имя.

Он улыбается, но тут же кривится от боли и просто поднимает большой палец вверх.

— Далила, что ты скажешь, если мы сходим за кофе и дадим нашим влюбленным птенчикам провести некоторое время наедине? — Бренда проводит ладонью по ее черным волосам.

Моя сестра смотрит на меня, и я даю ей свое согласие. Как только они уходят, я закрываю дверь и возвращаюсь к его постели, присаживаясь на край матраса. Брукс поднимает руку и кладет ее на мои колени, пальцами касаясь моих.

Он хочет, чтобы я взяла его за руку.

Мои руки лежат рядом, но я не беру его руку. Не сплетаю наши пальцы и не подаю знак о том, что все в прошлом.

— Деми, — снова произносит он мое имя, как будто изголодался, а это его еда. Он медленно скользит по своей груди другой рукой, а затем указывает на меня. Нет, на мое сердце. Он говорит, что любит меня.

— Ты... Ты меня любишь? — спрашиваю я.

Он кивает, медленно закрывает глаза и затем открывает их.

— Брукс, — я поглаживаю его руку. — Ты бросил меня. Помнишь?

Зеленые глаза Брукса округляются. Он не понимает.

— В ночь несчастного случая ты разорвал нашу помолвку.

Он качает головой из стороны в сторону в молчаливом несогласии.

— Да, — говорю я. — Ты сделал это. Ты бросил меня. Твои вещи были упакованы, ты сказал, что не хочешь жениться на мне, сел в свою машину и уехал.

Он щурится, глядя направо и обратно, а потом снова качает головой.

Врачи предупредили, что это может произойти. Кратковременная потеря памяти — весьма распространенное явление среди пациентов с черепно-мозговой травмой.

— Ты помнишь что-нибудь о той ночи? — спрашиваю я. — Вообще ничего?

Брукс смотрит мне в глаза. Он дергает пальцами, пытаясь их выпрямить, и перемещает их достаточно, чтобы зацепить мой мизинец.

А потом отрицательно качает головой.

Ройал

Меня с головой накрывает облегчение, когда она открывает дверь. Сейчас субботний вечер, и в мире нет места лучше, где я бы хотел оказаться, чем с Деми Роузвуд.

— Что ты здесь делаешь? — ее лицо искажается, и она крепко берется за ручку входной двери.

— Я ничего от тебя не слышал в течение нескольких дней, — отвечаю я. — Пришел проведать тебя.

Я смотрю через ее плечо.

— Ты одна? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня.

— Да. Входи.

— Ты нарядилась. Собираешься куда-то?

Она проводит руками вдоль черной ткани скромного платья, которое облегает ее фигуру. От нее пахнет цветочным магазином, ее волосы зачесаны назад в какую-то необычную замысловатую прическу, а губы краснее, чем битый «Порше» в ее гараже. Деми беспокойно заламывает руки с покрытыми лаком ногтями и изящным бриллиантовым браслетом, поблескивающим на левом запястье.

— У меня благотворительное мероприятие сегодня, — говорит она.

— Для Брукса?

Она кивает.

— Не хочу идти. Просто быстро появлюсь. Бренда устраивает шоу.

— Я беспокоился о тебе, — говорю я. — С тех пор, как ты ушла от меня.

— В самом деле? Почему?

— Ты была не в себе, — я тянусь к ее лицу, не в силах устоять и минуты перед желанием прикоснуться к ней, но она отталкивает мою руку в сторону. — И то, как ты ушла...

Отступив назад, она произносит:

— Сейчас все так сложно, и я просто пытаюсь справиться со всем происходящим. Я не знаю, где ты во всем этом вписываешься, и, честно говоря, у меня нет сил, чтобы разобраться с этим сейчас, так что...

— Что ты хочешь сказать? Ты сейчас собираешься сосредоточиться на Бруксе? *До свидания, Ройал?*

Она скрещивает руки на груди.

— Это не выбор между одним и другим.

— Но это так, — я шагаю к ней, она отступает назад. — Ты не можешь выбрать гребаного Брукса, Деми. Ты не можешь. Я не позволю тебе. Тебе не нужно выбирать меня, но, ради Бога, не выбирай и его тоже.

— Я не выбираю ни одного из вас.

После ее слов следует молчание.

Я в ловушке ее взгляда, наблюдаю за дрожанием ее нижней губы, используя все силы,

чтобы не укусить ее или не поцеловать.

— Брукс не помнит, что бросил меня, — говорит она, положив ладонь на мое лицо, потому что знает, что я собираюсь сказать. — Так что на данный момент, в обозримом будущем, я должна играть эту роль.

— Ты не должна ничего играть, — я опровергаю ее нелепое объяснение. — Ты спрашивала его о любовнице? О гребаных кредитных карточках?

— Нет, Ройал. Я не спрашивала, — ее красивые голубые глаза округляются. — У меня еще не было возможности, человек только что очнулся от недельной комы.

— Взгляни на себя, вся такая лояльная, на его стороне, словно ничего и не произошло, — я скольжу пальцами через волосы, дергая их у корней.

Я чувствую это.

Я чувствую, как она ускользает.

Я теряю ее снова и снова, и ни черта не могу с этим поделать.

Это...

Это ад.

Это мой личный, настоящий кошмар.

— Ты воспринимаешь все это неправильно, — она кусает губу, достаточно сильно качая головой, что выпадает прядка волос. — У меня нет никакой лояльности к нему. Я просто жду подходящего момента, чтобы выйти изящно из всего этого.

— Ага, конечно. И к тому времени он уже отыщет свой путь обратно к твоему сердцу, ты простишь его, и вы проведете свой медовый месяц в Италии.

Комната исчезает на долю секунды, и горячее ощущение исходит от моей щеки.

Деми убирает свою ладонь, делая шаг в сторону от меня. Судя по тому, как она открыла рот, она так же шокирована пощечиной, как и я.

Я секунду потираю место удара и опускаю руку.

Она не извиняется, и я не сержусь на нее за пощечину.

— Ты не представляешь, как долго я ждала, чтобы сделать это, — ее голос звучит низко и твердо. — Ты это заслужил, Ройал. По многим причинам. Причинам, на обсуждение которых у меня нет сейчас времени, потому что я опаздываю.

Она смотрит на часы на стене и проходит мимо меня, чтобы взять пальто из шкафа в прихожей.

— Мы еще не закончили, — я имею в виду во всех смыслах.

— Да, — Деми накидывает пальто на свои хрупкие плечи.

— Так значит, он?

Она облизывает губы и пожимает плечами.

— На данный момент.

— А то, что было на днях? У меня? Что это значит?

— Если бы я знала, — Деми пожимает плечами. — Возможно, я знаю, но, может, ты просто не готов услышать ответ?

— О, так мы сейчас будем играть в эту игру? — я выдыхаю. — Ты собираешься молчать, пока я не скажу тебе то, что ты хочешь услышать?

— В это на самом деле можно играть вдвоем, не правда ли, Ройал? Когда нужен ответ на вопрос, который чуть не убивает тебя, и ты знаешь, что человек, который мог бы избавить от этой боли, отказывается помочь тебе в этом.

— Это не так просто.

— Ты говорил это раньше, и я до сих пор не согласна с тобой.

Я шагаю к ней, кладу руки на изгиб ее бедер, направляя Деми ближе ко мне. Вдыхая ее сладкий запах, я закрываю глаза.

— Не отталкивай меня, Деми, — я легонько прикасаюсь губами к ее губам, но не целую. Еще нет. Наши губы соприкасаются, она дышит, затем задерживает воздух, отказываясь выдохнуть. Я поднимаю свою правую руку к основанию ее шеи, провожу немного вверх, и чувствую ее дикое, учащенное сердцебиение. — Я все еще люблю тебя. Больше, чем кого-либо в этом мире. И я не сдамся. Мы заслужили это счастье, которое было украдено у нас семь лет назад.

Она смотрит в сторону, но я поворачиваю ее голову назад, встречая остекленевший взгляд.

— Потому что оно было украдено, — говорю я, — кто бы что ни говорил, я никогда не делал этого, Деми. Я этого не делал.

Я целую ее, прежде чем она почувствует, что я в двух секундах от того, чтобы сломаться. Мужчины не разваливаются. Мужчины не плачут. Мужчины не испытывают грусть или слабость. Они отмахиваются от этого и двигаются дальше, делая вид, что боли не существует. Если что-то становится слишком болезненным, мы нахрен ампутуруем это и не даем ему второго шанса.

Но я никогда не мог этого сделать. Не с ней.

Ее губы теплые, наши языки ищут друг друга. Кожа Деми мягкая как шелк под моими пальцами, и мне очень хочется дернуть ее за волосы, чтобы потом можно было снова запустить в них руки.

Мои глаза горят, но я отбрасываю это ощущение.

Мне нужно уйти, прежде чем она задаст больше вопросов. Я расскажу ей. Расскажу ей все, но сейчас она уходит, а я хочу ее полного внимания. Потому что об этом нельзя говорить мимоходом. И вообще, я не хочу, чтобы она, шикарно одетая, шла на какое-то благотворительное мероприятие, посвященное Бруксу-гребаному-Эбботту.

— Позвони мне, когда вернешься домой сегодня вечером, — говорю я, отстраняясь от ее губ и заглядывая ей в глаза.

— Ройал... — Деми отходит на несколько шагов. На мгновение ее слова застревают в горле, а потом она опускает плечи. — Мне действительно нужно идти.

Деми разворачивается на каблуках и направляется к двери. И в этот раз мы идем разными путями.

Дем

Я словно тень следую за Брендой в течение первого часа, слушая одни и те же слова снова и снова.

Действительно незначительные повреждения головного мозга...

Врачи очень впечатлены его прогрессом...

Он проведет несколько месяцев на физиотерапии...

Да, он говорит...

Его кратковременная память, кажется, повреждена, но есть шанс, что это временно...

— Как ты держишься, малышка?

Я поворачиваюсь, чтобы увидеть своего брата, держащего пластиковую чашку горячего розового пунша и жующего печенье «Мадлен». Его темно-синий свитер покрыт крошкой, и он посылает мне мальчишескую улыбку, которую я так редко вижу, так как он теперь прокурор.

Он счастлив, что Брукс очнулся.

Оборачивая свои руки вокруг его широких плеч, я цепляюсь за него, не уверенная, была ли когда-нибудь так счастлива видеть его.

— Что с тобой? — смеется он. — Ты знаешь, мы виделись примерно два дня назад.

— Просто рада видеть дружелюбное лицо.

Я стою к Бренде спиной, когда та говорит с группой женщин, которых я никогда не видела в своей жизни. Она пропитана этим — всем их вниманием. И она хороша в этом. Люди тянутся к ней, и я уверена, что большинство женщин в Рикстон Фоллс хотят быть на нее похожими, когда станут старше. Она непотопляемая, но при этом милая и изысканная.

— Я никого здесь не знаю, — говорю я.

— Я слышал, как некоторые говорили, что приехали сюда аж из штата Орегон, — говорит Дерек. — Думаю, что люди были действительно тронуты ситуацией Брукса и съехались сюда отовсюду. Ужасно и одновременно прекрасно, что трагедия объединяет нас.

— Если бы они только знали...

Дерек смеивается.

— О чем ты говоришь?

Я отворачиваюсь от него и замечаю Далилу, болтающую с группой девушек, которых смутно помню из средней школы. Я узнаю их лица, но имен большинства из них не помню.

— Иисус, все пришли, не так ли? — я пробегаюсь взглядом по комнате в поисках более знакомых лиц. Здесь контролер из QUIK, отец Батист из церкви Святой Троицы и сестра Сапфир, но больше я не вижу знакомых лиц.

— Мама с папой в пути, — говорит Дерек. — Хейвен осталась со своей мамой в эти выходные.

— Я заняла нам столик, — я указываю на большой зал. Это место, где проводятся большинство свадеб в Рикстон Фоллс. Здесь есть сцена, десяток сверкающих люстр, паркетный танцпол, а также хорошая кухня.

— Ты не сидишь с Брендой? — Дерек потирает висок.

— Здесь нет плана рассадки гостей. Это не свадьба.

Дерек смеется.

— Милая, теперь, когда гости здесь, мы выступим с речью через минуту. Держись рядом со мной, пожалуйста, — голос Бренды проникает в ухо и посылает раздражительный импульс по моей спине.

— Речь? — я поворачиваюсь к ней лицом. — Вы ничего не говорили о том, что я буду выступать с речью.

— Всего несколько строк, дорогая. Говори от своего сердца. Скажи гостям, что ты чувствуешь к моему сыну и как возбуждена и предвкушаешь совместное будущее. Как деньги, которые мы насобирали, позволят тебе остаться дома и заботиться о нем, в то время как он будет восстанавливаться. Они приехали сюда отовсюду. Ты, по крайней мере, обязана сказать им это.

Милые глаза Бренды темнеют на секунду, но ее улыбка остается непоколебимой.

— Я поищу маму с папой, — говорит Дерек, — и скажу им, где мы сидим.

Так много для моего быстрого появления сегодня вечером.

Я понятия не имела, что это было какое-то спланированное событие в комплекте с системой звукоусиления и открытым баром.

Я редко думала о Бренде плохо, но в этот момент меня захлестнуло возмущение, что она превратила трагическую аварию своего сына в цирк.

Я отхожу от Бренды под предлогом того, что мне нужно в дамскую комнату. Она отвечает мне, чтобы я возвращалась побыстрее, на что я обещаю, что буду стараться. Как только я оказываюсь внутри дамской комнаты, то запираюсь в кабинке и достаю телефон.

Я не могу выступить с речью.

В колледже я с трудом закончила класс риторики.

Пришлось принять «Ативан» для того, чтобы выжить. (*Прим.: Лекарство, используемое для снижения волнения, нервозности и напряжения, связанные с тревожным расстройством*).

Поставьте меня перед классом пяти и шестилеток, и я звезда. Но публичное выступление? Перед тысячами?

Мое сердце скачет в груди, отказываясь успокаиваться.

И говорить о Бруксе от всего *сердца*?

Очень сомневаюсь, что они хотят услышать *это* прямо сейчас.

С закрытыми глазами я делаю три глубоких вдоха и стараюсь не подавиться дешевым освежителем воздуха, который просачивается в мои легкие. Я стараюсь сосредоточиться на более счастливом времени. Если я сделаю это, то, возможно, смогу выйти из этой дерьмовой ситуации.

Начало наших отношений было хорошим.

Брукс вскружил мне голову.

Блестящие светлые волны, выбивающиеся из дорогой стрижки, мерцающие зеленые глаза, из-за которых перехватывало дыхание. Дерзкая улыбка, которая заставляла всех девушек в кампусе брать в столовой по две порции.

Я сидела одна в кафетерии, занимаясь своими делами, когда Брукс занял место напротив меня. Он попросил у меня салфетку, говоря «пожалуйста» и «спасибо», и наши пальцы соприкоснулись.

Он был таким чистым. Аккуратным. Опрятным. Хорошо воспитанным.

Носил штаны цвета хаки, рубашки поло и водонепроницаемые мокасины, как будто они были его униформой.

Он изучал финансы и специализировался в области международного бизнеса. Слушал NPR и отслеживал мировые новости. (Прим.: *National Partnership For Reinventing — Национальное партнерство по усовершенствованию правительственной структуры*).

Брукс мог быть обаятельным и влиятельным, и в то же время он казался безопасным.

Брукс Эбботт был полной противоположностью Ройала Локхарта.

И, возможно, это было самое лучшее в нем.

Мое разбитое сердце впервые дрогнуло, когда я увидела его, и я была убеждена, что эти зеленые глаза могут исцелить мое разбитое сердце.

— Мэм, вы закончили? Здесь очередь, — я слышу голос женщины, а затем стук в дверь. Я занимаю одну кабинку из трех и уверена, что Бренда волнуется, что меня нет рядом, чтобы мы смогли выйти на сцену.

— Уже выхожу, — отвечаю я.

Я умываюсь и смотрю на себя в зеркало. Моя помада исчезла, большая часть ее осталась на губах Ройала после того неземного и головокружительного поцелуя в коридоре. Я тру губы, пытаюсь перераспределить цвет, и выхожу.

Свет приглушен, а прожектор направлен на сцену. Человек в сером костюме суетится с микрофоном за деревянной кафедрой.

А я до сих пор не знаю, что собираюсь сказать.

В зале громко. Здесь легко поместилось несколько тысяч людей, и шум разносится так, словно они все говорят одновременно.

Если я прислушаюсь достаточно, то смогу расслышать, как Бренда говорит:

«Где Деми? Мне нужна Деми».

Холодный пот выступает на моем лбу и немеют пальцы. Я не могу встать перед всеми этими людьми и кормить их какой-то ерундой о чудо-любви, что я всегда знала, что Брукс выживет, и что я не могу дождаться, когда смогу провести остаток своей жизни с этим удивительным человеком.

Я не лгунья. Никогда такой не была. И никогда не буду.

Бренда «плывет» сквозь толпу, взглядом сканируя зал в поисках меня.

Я не могу решить, что мне делать, но время поджимает.

И прежде чем смогу себя переубедить, я мчусь к выходу так быстро, сто все вокруг меня кажется размытым — шум людей, напитки, звуки и огни в темноте.

— Стоп, стоп. Деми, куда ты бежишь? — Далила хватается меня за руку, когда я в добрых четырех с половиной метрах от свободы.

— Бренда хочет, чтобы я произнесла речь, — я задыхаюсь. Не знаю, это от того, что у меня паника или из-за резкого поворота на каблуках.

Далила высовывает язык из уголка рта, облизывая губы, и морщится.

— Оу.

— Я не могу встать перед всеми этими людьми и сказать им, насколько я люблю Брукса.

Далила сжимает губы, покусывая их.

— Отлично. Иди. Я прикрою тебя. Скажу ей, что ты заболела.

Я крепко обнимаю свою младшую сестру, шепчу «Спасибо» в ее ухо и вылетаю за дверь.

Деми

Брукс смотрит телевизор, установленный в углу его больничной палаты. Мои туфли стучат, соприкасаясь с плиткой, и он медленно поворачивает голову в моем направлении. Его лицо озаряется, когда он замечает меня.

Он тянет ко мне руки, и я вкладываю в них ладони, останавливаясь в нескольких шагах от него.

— Деми, — говорит он. — Разве ты не должна сейчас находиться в центре города?

Сейчас его речь звучит лучше. Немного медленная и невнятная, но становится яснее и четче с каждым днем.

— Ты выглядишь прекрасно, — Брукс впивается в меня взглядом, осматривая с головы до ног, и улыбается. — Если бы у меня не было перелома таза.

Я игнорирую его комментарий и присаживаюсь у кровати.

— Я хочу спросить тебя кое о чем, — говорю я.

— Да?

— Что ты помнишь о той неделе, когда произошла авария?

Я вглядываюсь в его лицо, и он выглядит так, словно ему действительно тяжело сконцентрироваться. Брукс смотрит на свои руки, лежащие на коленях.

— Немного, Деми. Мне очень жаль, — говорит он медленно.

Я опускаю голову и, скрестив ноги, придвигаюсь ближе к нему.

— Попытайся вспомнить, Брукс. Я знаю, что это трудно. Но мне нужно, чтобы ты попробовал. Если есть хоть что-нибудь...

Он качает головой, облизывая сухие губы.

— Я не могу, Деми. Я пробовал.

— Наша помолвка расторгнута. Ты разорвал ее, и мне действительно нужно, чтобы ты все вспомнил, тогда смог бы рассказать об этом своей маме.

Унылое выражение лица Брукса разбило бы мне сердце, если бы я не была так сосредоточена на том, чтобы он вспомнил и чтобы подтвердил это.

— Я помню, как мы ругались. Из-за предстоящей свадьбы, — он морщит лоб. — Я помню, что возникли сомнения. Но я не помню, что расторг помолвку.

— Сомнения, — говорю я. — Какие сомнения?

Я надеюсь, что это послужит своего рода толчком, чем-то, что направит нас в правильное русло.

Брукс качает головой, долго и медленно вдыхая.

— Обычные сомнения, — говорит он. — Нервозность, ничего необычного.

Побежденная, я массирую виски и снова пробую.

— Должны были быть причины, Брукс, почему ты бросил меня в ту ночь. Куда ты собирался? Ты собирался с кем-то встретиться? Ты направлялся в Глидден. Что в Глиддене?

Я всматриваюсь в его глаза, надеясь, что смогу увидеть некоторый намек. Как крутятся колесики в его голове. Но ничего.

— Деми, у меня раскалывается голова, и мне больно, у меня нет сил, — говорит он. —

Меня не волнует, что случилось неделю назад. Все, что я знаю, — я хочу жениться на тебе.

Это не сработает.

Никто не поверит мне, если человек, который отменил свадьбу, не помнит этого.

— Мама сказала мне, что ты ни на минуту не оставляла меня, — говорит он, выдыхая и пытаюсь удобнее сесть. Он морщится и тяжело вздыхает. — Если это не настоящая любовь, то я не знаю, что это.

Твоя мама лжет тебе.

— Я хочу жениться на тебе, Деми, — он тянется ко мне, вены на руках бывшего гребца Лиги плюща вздуваются, когда он пытается согнуть свои руки.

— Брукс, — я прочищаю горло и закрываю глаза. Я не хотела этого делать, пока он в больнице, но сейчас я не уверена, что у меня есть выбор. — Ты обманул меня. Той ночью, когда ушел, ты собирался встретиться с *ней*. В Глиддене.

Его опухшее лицо напрягается на мгновение, губы плотно сомкнуты. На долю секунды я уверена, что он собирается сознаться.

Мои ладони потеют, и я жду, наблюдая, как он вдыхает и выдыхает, сосредотачивается на белой простыни, покрывающей его ноги.

— Я бы никогда, — он прищуривается. — Я имею в виду, я знаю, что не совершенен, что совершил поступки, которыми не горжусь, но мы можем исправить это. Жизнь слишком коротка, чтобы сосредоточиваться на прошлом, Деми.

Отрицание. Отрицание. Отрицание.

Это путь труса.

— Я понимаю, что твоя кратковременная память еще не восстановилась, — продолжаю я, — но ты, видимо, встречался с этой женщиной в течение года, и ты не можешь сказать мне, что вспомнил большую часть прошлого года со *мной*, но не помнишь эту женщину.

Брукс поднимает руки, а затем снова кладет их на бедра.

— Я не знаю, что ты хочешь от меня услышать, Деми. Я не собираюсь признавать то, чего не помню, — он поворачивается в мою сторону, и кажется, словно он наблюдает за моей реакцией. — Я чувствую, что ты пытаешься разыграть какую-то злую шутку надо мной. Я был в коме в течение недели, и когда просыпаюсь, ты не хочешь быть со мной? Боже, Деми. Если ты не хочешь выходить за меня замуж, просто так и скажи, но не обвиняй меня в обмане.

Я закрываю глаза и прячу лицо в ладонях.

Может быть, я ошибаюсь? Может, Ройал неправ? Может быть, я самый ужасный человек в целом Рикстон Фоллс, кто сомневается в своем женихе?

Сидя здесь, я вспоминаю о выписках по кредитным картам. Мне нужно посмотреть их, прежде чем обвинять его. В шестизначной цифре долга должна быть какая-то зацепка. Необычные рестораны? Отели? Цветы?

Я поднимаюсь, хватаю свой атласный клатч и открываю его, чтобы вынуть свои ключи.

— Куда ты идешь? — Брукс пытается сесть.

— Мне нужно кое-что проверить.

Он улыбается.

— Давай, Деми, ты же знаешь, что я ненавижу, когда ты ведешь себя странно со мной.

— Дома есть кое-что, что я хотела бы тебе показать. Возможно, это освежит тебе память.

Брукс закатывает глаза.

— Нет, просто останься. Ты ведешь себя смешно. Давай поговорим. Мне одиноко здесь без посетителей. И я хочу провести время с тобой наедине.

Этот двадцативосьмилетний мужчина по-прежнему ведет себя как избалованный, единственный ребенок в семье. Он хочет, чтобы я осталась, не потому, что любит меня, а потому, что ему нужна компания.

И контроль.

— Я должна это сделать, — я торопливо шагаю по направлению к двери, чтобы уйти. — Может быть, когда я вернусь... Может, тогда ты все вспомнишь.

— Деми.

Я ухожу, на безумной скорости шагая по коридору к выходу, направляясь домой, чтобы взять выписки.

И когда вернусь обратно.

Я улажу это раз и навсегда.

Демид

Я паркуюсь возле больницы, держа пачку выписок по кредитным картам у себя на коленях. Я изучила каждый листок, ожидая найти разоблачающие улики. Какой-то след. Неопровержимые доказательства его измены.

Но нашла только выдачу наличных.

Ничего дороже букета из роз.

Тысяча долларов здесь, пять тысяч там.

Каждая карта пуста до последнего цента, он словно менял их, снимая деньги с одной и пересылая на другую.

Но ничего из этого не имеет смысла.

У Брукса Эбботта есть деньги. У его семьи есть деньги. Он заплатил за наш дом наличными. За автомобили тоже. Его статьи о финансовом управлении и пенсионном планировании были опубликованы в «Форбс» и «Уолл-стрит джорнэл».

Я проверяю свой телефон и вижу четыре пропущенных вызова от Бренды Эбботт. Я уверена, что Далила изо всех сил старалась, но Бренда, вероятно, видела ее насквозь. Позвоню ей позже вечером после окончания благотворительного мероприятия и извинюсь за уход.

Я признаюсь ей во всем. И надеюсь, что она поверит мне и положит конец этому фарсу.

Но сначала... Брукс.

Мои легкие наполняются спертым воздухом, присущим больницам, когда я иду по коридору в отделение по восстановлению, сжимая в руке выписки. Останавливаюсь около поста медсестры, чтобы расписаться в журнале приема, записываю свое имя в свободной строке и указываю дату.

И потом я замираю.

Поскольку не мое имя записано последним напротив номера палаты, в которой лежит Брукс.

Здесь четко записано имя *Афтон Мэйфилд* и сегодняшняя дата рядом с ним. Я клянусь, что его не было прежде, поэтому проверяю. Конечно же, мое имя указано ранее и выше ее.

Афтон была здесь утром, когда Брукс очнулся. Она приходила и на следующий день, чтобы узнать о его состоянии, о чем Бренда ее просветила, и снова ушла.

Но она никогда не заходила в его палату.

Бренда не допустила бы этого.

Она хотела, чтобы Брукс выглядел почти «как новенький», прежде чем предстанет перед СМИ. Она не хотела, чтобы его фотографировали лежащим в постели, не хотела никаких высказываний, которые могли заставить людей ошибочно подумать о потере кратковременной памяти и повреждении головного мозга.

— Извините, — я привлекаю внимание женщины за столом.

Она поднимает глаза, поправляя свои очки на носу.

— Да?

— Вы не знаете, кто прямо сейчас посещает Брукса Эбботта? Его мать не хотела, чтобы

представители СМИ находились в его палате без специального разрешения.

Женщина хмурится и качает головой.

— СМИ? Она не сказала, что пришла сюда как представитель средств массовой информации.

Она встает, но я поднимаю руку, чтобы остановить ее.

— Все нормально. Я разберусь с этим.

В моем горле стоит большой сухой комок и давит на мою грудь, пока я иду к его палате. Дверь приоткрыта, но занавес задвинут достаточно, что они не могут увидеть, кто стоит в дверном проеме.

Я слышу два голоса. Его и ее. Чуть громче шепота.

Я вытягиваю шею, готовясь к бесстыдному подслушиванию.

Краем уха слышу звук тихого всхлипывания Афтон, на что я должна посмотреть. Выглянув, вижу, что она сидит на краю кровати, где недавно сидела я, держа его за руки. Она одета просто — леггинсы и пуховик с капюшоном, отделанным мехом. Ее блестящие светлые пряди закручены в аккуратный пучок на макушке.

Она явно пришла не по работе.

— Я так волновалась, малыш, — она поднимает к нему руки, прижимая их к его щекам. — Я думала, что мы потеряем тебя.

Ээ, *мы*?

— Я сожалею, — говорит он. — Я не хотел тебя пугать.

— Осознавать, что ребенок может вырасти, даже не узнав тебя, — ее плечи начинают подрагивать, она рыдает, вытирая уголки глаз платком, который взяла с тумбочки. — Это было так трудно — оставаться в стороне, зная, что не могу тебя увидеть, поговорить, поддержать. Это *убивало* меня.

— Я знаю, знаю, — утешает он ее мягким, словно кашемир, голосом любящего человека. За четыре года совместной жизни он никогда не говорил со мной так, даже когда бабушка Роузвуд умерла, и я была безутешна в течение нескольких недель. — Все сработает, хорошо? Просто будь терпелива.

— Она носит кольцо, — говорит Афтон таким тоном, будто ей это противно. — Я заметила, когда брала у нее интервью. Она думает, что вы все еще поженитесь?

Во мне бурлит кровь, я в двух секундах от взрыва. Пушки обращены и готовы стрелять.

Но я словно приросла к полу. Мои ноги не хотят двигаться. Я парализована, в то время как правда оседает во мне. Я хотела все проверить, но не знала, что буду так себя чувствовать.

— На данный момент свадьба состоится, — говорит Брукс.

Ага, конечно.

— У меня есть несколько вопросов, о которых нужно позаботиться. Нужно еще немного времени, — говорит он.

— Ты тянул в течение последних шести месяцев, — она повышает голос. — Ребенок родится через двадцать пять недель. Часы тикают.

Как будто это имеет значение. Для женщины, находящейся на пятнадцатой недели, она даже не выглядит беременной.

Тошная сука.

И я уверена, Брукс в восторге от того факта, что она самая симпатичная беременная женщина, когда-либо ходившая по земле.

Мудак.

— Детка, я знаю. Я хочу быть с тобой, хочу заботиться о тебе и растирать ноги, когда они отекут, — воркует он. — Лелеять тебя, как королеву, которой ты и являешься.

Кажется, меня сейчас вырвет. Желчь уже поднимается по горлу, но я сдерживаюсь.

— Есть еще кое-что, что мне нужно сделать, и тогда я весь твой, — говорит Брукс. — Наши деньги были... общими. Просто нужно, убедиться, что сейчас все... разделено.

— Ты не позаботился об этом перед отъездом? — в ее голосе слышны нотки неодобрения.

— Я готовился, — говорит он. — Просто нужно сделать несколько телефонных звонков и переместить немного денег.

Кредитные карточки. Он помнит.

Надеюсь, он планирует оплатить их и не извлекать каждый последний доллар с денежных счетов. Он должен был лучше все понимать, перед тем как спать с дочерью одного из самых востребованных прокуроров в штате Нью-Йорк.

— Вы закончили? — мой голос потрясает меня точно так же, как потрясает и их, но я больше не могу стоять и молчать. Афтон ахает и поворачивается ко мне лицом, рукой сжимая бриллиантовое ожерелье, свисающее с ее шеи. Оно в форме якоря, почти идентичное тому, которое Брукс подарил мне на день рождения в прошлом году. Ограниченная серия от «Тиффани», доступное только в этом году. *(Прим. Tiffany & Co. — ювелирная компания, основанная в 1837 году Чарльзом Льюисом Тиффани и Джоном Ф. Янгом).*

В то время, как я праздновала свой двадцать четвертый день рождения, Брукс был с чертовой Афтон. Мило.

— Деми, — Брукс откашливается, выпуская ее руку. Афтон соскальзывает с кровати и встает.

Их лица так же бледны, как луна, которая сияет за окном больницы.

Я поднимаю выписки по кредитным карточкам и встряхиваю их, улыбаясь.

— Сто семьдесят тысяч долларов, Брукс. В самом деле? А я думала, что ты какой-то гуру финансового планирования. Лучше будь уверен в том, что к тому времени, как покинешь больницу, ты все вернешь, иначе будешь разговаривать с Робертом Роузвудом. Будь уверен, что я подам обвинения.

Афтон поворачивается к Бруксу и хмурится. Она либо сбита с толку, или отказывается это принять как откровенную истину.

— А что касается тебя, — обращаюсь я к Афтон. Она опускает взгляд в пол; не хочет смотреть на меня. — Спасибо.

Она поднимает на меня взгляд.

— Спасибо за то, что спасла меня от брака с этим жалким обманщиком, — говорю я. — И я именно это и имею в виду, Афтон. Спасибо, спасибо, спасибо. Я была бы несчастной. Никто не заслуживает того, чтобы посвятить свою жизнь человеку, который не может удержать своего друга в штанах.

Они ничего не говорят, и мне практически хочется, чтобы они хоть что-нибудь сказали. Мой мозг работает со скоростью миллион километров в час, а сердце грохочет в ушах. Я готова к еще одному раунду.

— Поздравляю, кстати, — саркастическая улыбка появляется на моих губах. — Ребенок. Это прекрасно.

Афтон подносит руку к нижней части живота. Ее рот открывается, и она в секунду от

того, чтобы поблагодарить меня, но потом понимает, что я не это имею в виду.

Брукс всегда говорил, что не хочет иметь детей, пока ему не исполнится тридцать пять лет. Это было его магическое число. Он был убежден, что в этом возрасте получит «все» — что бы это ни значило. Интересно, он понимает, как непомерно много времени занимает воспитание детей? Роль отца действительно изменит его образ жизни, и могу гарантировать, что уже до конца года Афтон выставит его «Порше» на продажу. Это не совсем семейная машина.

Ну что ж. Это больше не моя проблема.

Я не уверена, как изящно теперь выйти из этой ситуации после того, что здесь произошло, и их шокированные лица и пустота в глазах начинают бесить меня. Весь этот обмен информацией неловок как для меня, так и для них, так что я делаю всем одолжение — разворачиваюсь и ухожу.

В коридоре тихо, за исключением разговора нескольких медсестер, сидящих на посту, и звука работающих мониторов, доносящихся из некоторых палат, когда я прохожу мимо них. Это обычное дело здесь.

Словно это очередной обычный субботний вечер.

К тому времени, как я добираюсь до выхода, автоматические двери открываются, и холодный воздух ударяет в лицо. Это освежает, и я начинаю дрожать, когда иду по заснеженной стоянке для автомобилей. Несколько снежинок кружат вокруг меня. Гигантские и мокрые, они приземляются на мое лицо, но я чувствую себя такой же, как и они в настоящее время.

Невесомой.

Свободной.

Ройал

Мерцание экрана телевизора освещает мою квартиру, в то время как я валяюсь на кровати, пытаюсь уснуть, пытаюсь позволить сну завладеть мной, когда стук в дверь выводит меня из транса.

Лучше бы это не быть гребаной Мисти.

Или Пандоре.

Было бы дерьмово, если Пандора показалась бы здесь без предупреждения, голой, в одном плаще с ремешком за девяносто девять центов.

Я надеваю боксеры, натягиваю белую футболку через голову и расчесываю волосы пальцами, поправляя их.

Смотрю в глазок и ухмыляюсь, когда вижу, кто решил почтить меня своим присутствием в субботу в десять часов вечера. Распахиваю дверь, отчего в комнату врывается запах свежих апрельских цветов, и вижу лицо ангела, одетого во все черное.

— Ты знал, что она беременна? — спрашивает Деми серьезно.

— Кто?

Она врывается, проскальзывая под моей рукой, и я закрываю за ней дверь. Деми садится на мою кровать, словно была здесь уже миллион раз, и громко выдыхает. О чем бы она не говорила сейчас, она не кажется расстроенной.

Ей сейчас легче, даже по сравнению с тем, когда я видел ее несколько часов назад.

— Девушка Брукса. Афтон, — говорит она.

— А, я не знал, как ее зовут, — отвечаю я. — И нет, не знал, что она беременна. Она не выглядела беременной, когда я их видел.

Деми сдувает локон волос с лица и откидывается назад на кровать, стягивая обувь и давая той упасть на ковер.

Я заползаю в постель и ложусь на живот рядом с ней. Опираясь подбородком на руку, я не могу оторвать от нее глаз.

— Что ты здесь делаешь? Я думал, ты на мероприятии по сбору средств, — говорю я.

Она переворачивается, копируя мою позу.

— Да. Об этом.

Я ухмыляюсь.

— Что ты сделала?

— Бренда хотела, чтобы я выступила с речью. Я не хотела лгать всем тем людям, — Деми перекачивается на спину, упираясь взглядом в протекающий потолок. — Поэтому я ушла. Ушла и направилась прямо в больницу. И открыто поговорила с Бруксом. Он все отрицал.

— Он все отрицал? — я нахмурился.

— Ага. Сказал, что не помнит, как бросил меня. Сказал, что хочет быть со мной и извинился за многие поступки, но он ничего не помнил о расставании или почему направлялся в Глидден в ночь аварии.

— Без разницы. Он оставил тебя. Он выбрал ее. Зачем ему делать вид, что он этого не

делал?

— Сначала я подумала, что проблема в его памяти, — вздыхает она. — Врачи сказали, что у него проблемы с кратковременной памятью, так что это не казалось необычным на первый взгляд. Но потом я вспомнила о кредитных картах и подумала, что эти выписки смогут помочь восстановить его память. Я пошла домой и взяла их, а когда вернулась, то Афтон была в его палате. Я слышала весь их разговор.

— Иисус, Деми, — я опускаю свою руку вниз к ее руке. Я хочу держать ее за руку, утешить ее. — Ты в порядке?

— Да, да. Я имею в виду, это отстойно, когда тебе лгут. Манипулируют. Надувают, — она прикусывает губу и закатывает глаза. — Самое худшее то, что кто-то считает, что ты достаточно глуп, чтобы поверить в эту ложь. Это странно, что я прямо сейчас не схожу с ума? Должна ли я больше беспокоиться? Может, со мной что-то не так?

— Неа.

— Я имею в виду, ведь должно же быть хоть что-то, что можно было бы сказать, когда женщина узнает, что ее бывший жених обрюхатил свою любовницу, но после этого она бежит в объятия единственного человека, который действительно разбил ей сердце, — Деми барабанит пальцами по груди, когда смотрит в потолок, громко вздыхая. — Я запуталась. Что-то не так со мной. Я даже не знаю, как это исправить.

— Может, не все должно быть исправлено.

Деми снова переворачивается, подложив руки под щеку. Наши взгляды встречаются, и из комнаты резко исчезает весь кислород. Следы от красной помады еще можно заметить на ее губах. Я смыл с себя помаду несколько часов назад, как только вернулся домой, но ее вкус до сих пор остался.

Тот захватывающий вкус.

— Почему ты так смотришь на меня? — спрашивает она. — Словно хочешь поглотить.

— Возможно, потому, что я хочу этого.

Она улыбается, ее взгляд соблазняет, веки полузакрыты, и я принимаю это за приглашение. За знак. Зеленый свет.

Я тяну ее на себя, и Деми садится, расположив бедра по обе стороны от меня. Подол платья задирается на пару сантиметров вверх, и она распускает свои волосы, которые теперь свободно спадают по ее спине. Она заправляет свободные пряди за уши.

— Помнишь время, — говорю я, — в доме твоих родителей. В тот день мы попали под дождь.

— И ты стал кидать в меня грязь.

— А ты бросала в ответ.

— Мы были в грязи, — говорит она. — Это было в субботу. Вся семья уехала на одну из художественных выставок Дафны в Рочестер.

Ладонями я двигаюсь вверх по внешней стороне ее бедер, приближаясь к центру.

— Мы разделись догола, грязная одежда тянулась за нами от коридора к прачечной, — говорю я.

— Ты бросил одежду в стиральную машину и включил ее, — говорит она. — А потом поднял меня.

— Кто знал, что вибрация от стиральной машины сможет сделать секс с тобой еще более невероятным, чем это уже было? — я скольжу руками вверх по ее ногам и притягиваю Деми ближе.

Она ладонями упирается в мою грудь, отчего ее темные локоны спадают по плечам вниз.

— Бог ты мой, твой отец убил бы меня, если бы узнал, что я осквернил тебя на семейной стиральной машине, — ухмыляюсь я. Деми начинает смеяться.

Но ее улыбка исчезает через мгновение.

— Ты должен пойти со мной домой на следующей неделе. На День Благодарения. Встретиться со всеми. Дафна будет дома, она прилетает из Парижа.

Последние слова ее отца эхом отдаются в моем сознании, как и на протяжении последних лет. Роберт был первым человеком, которому я позвонил той ночью, чтобы спасти себя, и вместо срочности или сочувствия я получил лишь осуждение. Запрет на общение с семьей Роузвуд.

Он не поверил мне, когда я рассказал свою версию случившегося, и признаю, что улики против меня вырисовывали убедительную картину. Для прокурора, который слышал истории преступников, моя исповедь о невиновности звучала явно неубедительно.

— Не думаю, что это хорошая идея, Деми, — говорю я осторожно, наблюдая за ее реакцией. — Твой отец...

— Позволь мне разобраться с ним.

Могу представить себе реакцию ее родителей, когда она шокирует их известием о Бруксе, и представляю себе выражения на их лицах, когда она появится со мной на День Благодарения.

— Может быть, когда-нибудь, ладно? Не сейчас. По одному шагу за раз.

— По одному?

— Да, — я поглаживаю ее щеку. — Ты действительно хочешь бросить меня им на съедение? После последних недель?

Она вздыхает, пробегая пальцами по моей ладони, и убирает мою руку от своего лица.

— Возможно, ты прав. Я имею в виду, они сделали вид, что тебя не существовало в течение семи лет. Там определенно замешаны какие-то сильные чувства.

Сокрушительное чувство сдавливает мою грудь, когда слышу, что единственные люди, которых я когда-либо считал семьей, сделали вид, что меня больше нет.

— То, что случилось, — Деми смотрит на меня сверху вниз. — Это было ужасно?

— Я провел некоторое время за решеткой за преступление, которого не совершал.

— Если ты не делал этого, почему тогда держался подальше от нас? Ты бы мог объяснить нам, что случилось?

— Я пытался. Твой отец не поверил. И я, в конечном итоге, решил пойти на сделку, которая заключалась в том, что я признаю себя виновным. Так что на бумаге, да, это похоже, что я сделал что-то ужасное, — я беру ее руки, переплетая наши пальцы. — Но я клянусь тебе, Деми. Я клянусь своей жизнью, что не совершал этого.

— Хмм, — она наклоняет голову, как будто изучает меня. — Все эти годы я думала, что ты нашел другую. Что мои родители ненавидели тебя за то, что ты сбежал с другой девушкой.

— Я говорил тебе раньше, Деми. Ты единственная для меня. Всегда была, всегда будешь, — я нервно выдыхаю. — Даже если ты выйдешь отсюда и никогда не захочешь видеть меня снова, даже если я найду в себе силы двигаться дальше с кем-то по жизни, я никогда не буду любить ее хоть наполовину так, как люблю тебя.

Я скольжу ладонями по шее Деми, пальцами запутываюсь в ее локонах и притягиваю к

себе. Ее тело накрывает мое, и я переворачиваюсь на нее сверху. Я опираюсь на локти, словно парю над Деми, снова и снова пробуя ее губы, прежде чем начать целовать другие открытые части ее тела.

Целуя ее плечо, я веду рукой вниз по ее боку, пока не нахожу подол платья. Дергаю и снимаю его через ее голову, после чего перемещаюсь губами к мягким вершинам ее груди, которые не закрыты бюстгалтером без бретелек.

Деми втягивает живот, когда я двигаюсь ниже и провожу своим языком вниз по мягкой коже, скользя своими пальцами под резинку ее кружевных трусиков. Спустив их вниз по бедрам и бросив через комнату, я раздвигаю ее ноги и опускаюсь к мягким складочкам.

Провожу по ним пальцем, и сладкий запах ее возбуждения наполняет воздух.

— Боже, ты такая влажная, — стону я, опускаясь вниз и кружа своим языком по ее клитору.

Деми вздыхает и раздвигает ножки шире, пальцами зарываясь в мои волосы. Она хватается их и тянет, в то время как я лижу ее совершенные складочки. Прошло много лет с тех пор, как я ласкал эту сладкую, вызывающую зависимость киску, и я уверен, что мог бы остаться здесь на всю ночь.

Я скольжу сначала одним, а затем и вторым пальцем внутрь влажного входа Деми. Немного согнув пальцы, я посасываю и облизываю клитор, и она начинает двигать бедрами в едином со мной ритме.

Через некоторое время она хватается меня за бицепсы и тянет вверх. Обхватив мое лицо ладонями, Деми целует меня, бесстрашно вкушая свое возбуждение — то, что сделал с ней я.

Наши языки сплетаются, и кровь бурлит в жилах, делая мой пульсирующий член чертовски твердым, отчего тот выпирает из боксеров. Обнаженная кожа Деми подо мной, ее сладкая киска — все это манит меня взять ее.

Деми толкается бедрами вперед, обхватывая меня своими ножками. Она стонет мне в рот с каждым поцелуем, и мне нравится это — заставлять ее ждать.

Я отстраняюсь от ее губ и опускаюсь ниже, оставляя поцелуи на ее горячей плоти на шее, и Деми впивается ногтями в мою поясницу.

— Ройал, — она задыхается, подталкивая меня ладонями, прежде чем скользнуть пальцами под пояс моих боксеров. — Ты убиваешь меня.

Я поднимаюсь над ней, дергаю боксеры вниз и вынимаю затвердевший член. Дотянувшись до тумбочки, я хватаю презерватив из спрятанной коробки и вскрываю упаковку зубами.

Спустя мгновение, полностью готовый, я беру член в руку и подношу его к ее влажной и ожидающей киске. Она гладкая. Горячая. Готовая. Деми нетерпеливо ерзает, ожидая моих дальнейших действий.

Одним быстрым толчком я проскальзываю внутрь нее, заполняя, растягивая ее. Скольжу своими руками вдоль тела Деми, нависая над ней, соединяясь лишь бедрами. Толчок за толчком я все глубже и глубже. Сильнее. Быстрее. Каждое мое движение более отчаянное и напряженное, чем предыдущее.

Жадно целуясь, мы боремся изо всех сил, чтобы сделать вдох. Наши тела сливаются, изнывая от жары, которая заполняет пространство, окружая нас. Все в Деми приводит к опасному привыканию, ностальгии и чувству, как будто я снова дома.

Это чувство, которое я никогда не хочу потерять, никогда больше.

Бедра Деми раздвинуты для меня, ее губы открыты для меня, и, в конце концов, ее

сердце тоже будет открыто для меня.

И в этот раз это будет навсегда.

Я чертовски уверен в этом.

Демид

Солнце светит в глаза через шелку между дешевыми, но чистыми занавесками, прикрывающими окна в квартире Ройала. Я натягиваю одеяло на голову, закрывая глаза. Он все еще спит, его тело согревает меня.

Потирая бедра друг о друга, я чувствую легкую боль между ними. Ощущение одеяла на моей коже напоминает мне, что я все еще голая под ним. Быстрый взгляд под одеяло говорит мне, что Ройал тоже.

Большую часть ночи мы занимались любовью — трахались — неважно. Я кончила три раза, и каждый раз, когда это случалось, клянусь, я видела звезды. Словно некий плотский зверь овладел нами и отказывался отступить, пока полностью не насытился.

Ройал стонет и поворачивается, обнимая меня рукой. Пальцами он скользит по моему обнаженному животу и притягивает меня к себе. Изгибы моего тела идеально соответствуют его телу, и я испытываю соблазн обхватить его и разбудить, используя лишь руку.

Но решаю дать ему поспать. Мы бодрствовали большую часть ночи, а сейчас воскресное утро. Нам никуда не надо идти.

Ройал снова стонет, и легкое прикосновение его носа к моей шее посылает дрожь вниз по моей спине.

Я не уверена, что, черт возьми, я здесь делаю. Но причина, по которой я была вынуждена искать утешения в объятиях единственного человека, который когда-то действительно сломал меня, — это вопрос, который в настоящее время я предпочитаю игнорировать.

Я здесь.

Это случилось.

Что есть, то есть.

Мой телефон приглушенно звонит внутри клатча, лежащего на кухонном столе Ройала.

— Хочешь взять трубку? — он натягивает одеяло на голову. — Звонит все утро.

— Прости, — я вскакиваю с постели, обнаженная, и сдергиваю с Ройала одеяло, чтобы обернуть вокруг себя.

— Ээй... — он тянется к одеялу, но уже слишком поздно. Я его забрала.

Я оглядываюсь назад и вижу прекрасный вид позади себя. Боже, он чертовски сексуальный. Семь лет были очень благосклонны к нему. Эти мускулы и татуировки, и достаточное количество волос во всех правильных местах.

Ройал переворачивает подушку, закрывая лицо от солнечного света, и мой взгляд задерживается на его обнаженном теле немного ниже. Я в шаге от того, чтобы подбежать и наброситься на него, требуя еще один раунд.

Вчера вечером мы сделали многое, пытаюсь наверстать упущенное время, но не думаю, что мы хоть чуть-чуть приблизились к тому, чтобы вернуть прошлое. Я поворачиваюсь к клатчу, расстегиваю его и вытаскиваю телефон.

Пять пропущенных вызовов. С перерывом в десять минут.

Все от Бренды Эбботт.

Я не могу отрицать дурное предчувствие, зарождающееся внутри. Учитывая то, что происходило прошлой ночью, и склонность Брукса манипулировать, предполагаю, что разговор с Брендой не будет приятным.

И, вероятно, она будет кричать на меня за то, что я ушла с благотворительного мероприятия. Но я не могла лгать. Не могла стоять и нагло врать с улыбкой на лице. Вдохнув побольше воздуха, я нажимаю на ее имя на экране и подношу телефон к уху.

Она отвечает в середине первого гудка.

Я хватаю рядом стоящий барный стул и сажусь на него, опираясь локтями на стойку.

— Деметрия, — Бренда никогда раньше не называла меня полным именем. — Я пыталась связаться с тобой с прошлого вечера.

Она не спрашивает, все ли в порядке, и я сразу понимаю, о чем именно пойдет речь.

— Далила сказала, что ты больна, но я разговаривала с тобой незадолго до этого, и ты была совершенно здорова. Уф. Я никогда не была так унижена за всю свою жизнь, — скулит она. — Ты должна была присутствовать там, разговаривать со спонсорами. Я не думаю, что это убило бы тебя.

За четыре года Бренда ни разу не читала мне нотаций и не говорила со мной так. Я позволяю ей говорить и сердиться, позволяю ей все выплеснуть, в то время как сама спокойно сижу и слушаю ее.

— Я точно знаю, в чем дело, — голос Бренды звучит сердито, отчего у меня ускоряется сердцебиение. Я смотрю через комнату на спящего Ройала, он перекатывается на свою сторону, взбивая подушку своей мускулистой рукой. — Я все знаю о тебе и твоих распутных делах, Деми.

Я кашляю, подавившись слюной, и отворачиваюсь от Ройала.

— Ч-что?

— Да, это так, — говорит она. — Ваши соседи рассказали мне о таинственном кавалере на черном спортивном автомобиле, который приходил в ваш дом каждую ночь.

Черт.

— Я знаю об этом с прошлой недели, и единственная причина, по которой я прикрывала тебя — это Брукс. Я не хотела, чтобы мой сын очнулся и понял, что его будущая жена развлекалась с другим мужчиной в свое свободное время, — нетерпеливо говорит Бренда. Она скрывала эту информацию, ожидая подходящего момента, чтобы сбросить ее на меня.

Это многое объясняет.

— Мой сын, мой прекрасный сын был в коме, Деми, а ты тем временем вела себя как какая-то шлюха.

— Бренда, могу вас заверить, что все было не так. Я знаю, как это выглядит, но правда...

— Меня не интересует твоя версия, Деми. Я доверяю своему источнику намного больше, чем доверяю тебе прямо сейчас. Кроме того, в тот вечер, когда я приехала... — она замолкает, и я задерживаю дыхание. — Хорошо, давай просто скажем, что я не вчера родилась. И его машина была припаркована на улице. Не думай, что я не сложила дважды два.

— Вас вообще интересует правда? Потому что я хотела бы посвятить вас в некоторые подробности, прежде чем вы обрушите на меня еще больше оскорблений. Я знаю вас. Вы говорите то, о чем потом будете сожалеть.

Ройал встает с кровати, и я смотрю на него. Мы смотрим друг на друга в упор, и я отмахиваюсь от него, говоря тем самым, что все в порядке. Он закатывает глаза, не веря мне, и направляется в ванную комнату, сверкая своей обнаженной задницей.

— Брукс сказал нам сегодня утром, что ты его бросила, — голос у Бренды возбужденный и потрясенный. Он дрожит, и это говорит мне о том, что, несмотря на первые минуты нашего разговора, ее сердце разбито так же сильно, как я и предполагала. — Он был настолько обезумевшим, что мы едва могли его утешить. Ты хоть представляешь себе, что это за чувство — видеть своего сына с такой невыносимой болью? Не только физической, но и эмоциональной?

Моя челюсть отвисает.

— Подождите... Кто «мы»?

— Твои родители. Сегодня утром приехали Роберт и Блосс. Они принесли домашние рулетики для Брукса и журнал «Уолл-стрит». Так мило с их стороны. И когда они спросили, где ты, Брукс не смог больше держать это в себе. Он был так расстроен, Деми. И у меня не было сил сказать ему правду.

Она еле сдерживает рыдания.

— Все было не так, — я закрываю глаза, потирая ладонью бедро. — Я не бросала Брукса. Это он бросил меня. В ночь аварии он отменил помолвку и ушел, чтобы быть с ней.

— С кем?

— С Афтон. Репортершей из «Вестника».

— Это нелепо. Я отказываюсь в это верить.

— Она беременна, — говорю я. — Вы станете бабушкой.

— Ты выдумываешь это.

— Брукс не совершенен, Бренда. Он совершил ошибки, совершил ужасные вещи, и подозреваю, что единственная причина, по которой он хочет, чтобы вы думали, что это я оставила его, состоит в том, что так он выглядит жертвой, — я массирую виски. — Когда он был в больнице, я наткнулась на выписки по кредитным картам. Все они выписаны на мое имя. Почти двести тысяч долларов.

— О, Господи. Как удобно. Теперь ты пытаешься вымогать у нас деньги, не так ли?

Простонав, я отодвигаю телефон от уха, делаю глубокий вдох и решаю закончить разговор так, как учил меня мой отец.

— Бренда, пожалуйста, передайте Бруксу, что ему позвонит мой адвокат, — этими словами я заканчиваю разговор.

Две теплые руки ложатся на мои плечи, а затем губы касаются изгиба на моей шее. Повернув меня на барном стуле, Ройал дарит мне поцелуй с привкусом зубной пасты и легкую улыбку с ямочками.

— Что это было? — спрашивает он.

Сползая со своего места, я протискиваюсь мимо него и нахожу свою одежду с прошлой ночи.

— Мне надо домой, — говорю я. — Благодаря Бруксу у меня теперь много дел.

— Да? Какие дела? Нужна помощь?

Я качаю головой и скидываю одеяло на пол. Нахожу свой лифчик и застегиваю крючки за спиной. Мое помятое платье лежит на спинке дивана. Я встряхиваю и надеваю его, качая бедрами.

— Теперь мне не только надо объяснить всю ситуацию с Бруксом своим родителям, но

и, наверное, надо беспокоиться о новом месте жительства. О, и получить свое рабочее место обратно.

Одевшись, я смотрю на свое отражение в зеркале, висящем на стене, и съеживаюсь при виде размазанной туши под глазами и бледности кожи. Я выгляжу так, будто меня три раза выворачивали наизнанку, сбивали поездом, хоронили, а потом снова воскрешали.

Ройал оборачивает руки вокруг моего живота, стоя позади меня. Я выгляжу как «ходячий мертвец», а этот мужчина все еще не может удержать себя в руках.

— Ты действительно должен прийти со мной домой на следующей неделе, — я встречаюсь с ним взглядом в отражении зеркала. — В День Благодарения.

— Деми... — он медленно выдыхает, разворачивая меня к себе лицом. — Они не хотят меня видеть. Поверь мне.

Ройал целует меня в губы — скорее всего, это попытка заставить меня замолчать. Успешная попытка. На несколько мгновений я теряю дар речи, но ничего не могу поделать с этим.

— Кроме того, — говорит он. — Я провожу День Благодарения с Моной.

Я дергаюсь.

— Мона?

— Моя биологическая мать.

Мое выражение лица смягчается. Я не знала ее имени, и Ройал ни разу не говорил о ней.

— Только вы вдвоем? — спрашиваю я.

Ройал прикусывает нижнюю губу своими идеальными зубами и быстро кивает.

— Я — это все, что у нее есть. Не собираюсь оставлять ее одну на День Благодарения. Не тогда, когда сам знаю, каково это.

Я подношу руку к его щеке, позволяя небольшой щетине щекотать мою ладонь, и теряюсь в его неистовом взгляде в течение минуты или двух. Он хороший человек. Я чувствую это. Я знаю это, когда смотрю на него.

Что бы он ни сделал... Это не могло быть настолько ужасным. Или, может быть, я все еще слишком ослеплена любовью, чтобы видеть ясно.

— Я пойду, — шепчу я.

Он целует меня в лоб, позволяя мне уйти. Наблюдая, как я ухожу.

Я не верю, что Ройал сделал что-то настолько злое и мерзкое, что это могло помешать мне любить его.

Оставляя его, я уже скучаю по нему. Или, возможно, это утешение, которое я нахожу только в его объятиях. Мне нужно знать правду о той ночи, и я знаю, что правда кроется совсем близко.

Но если правда все изменит, если она заберет его от меня, тогда не знаю, хочу ли знать эту правду. Несмотря на события, произошедшие за последние две недели, я не испытывала такого удовлетворения в течение многих лет.

И я держусь за это всеми возможными способами.

Ройал

Старый рисунок на моем «Челленджер» исчез, я все скрыл, убрав потускневшую краску. Музыка ревет из колонок в автомастерской. На этот раз я выбираю нужную мне радиостанцию. В этом и состоит прелесть — находиться в закрытой мастерской воскресным утром.

Четыре литра краски благородного синего цвета взболтаны и готовы к работе. Я отшлифую машину, применяя наполнитель по мере необходимости (*Прим.: когда машины полируют, применяют специальный песок/крошку*), и покрашу ее. Это займет пару дней, но я буду работать весь день завтра, так что это не имеет значения.

К тому времени, как машина покинет мастерскую, она будет выглядеть совершенно новой. Наконец-то у нее будет тот самый лоск, который подойдет к дикому рычанию, скрытому под капотом.

Склонившись, я смотрю на ржавое пятно возле задней левой шины, как вдруг музыка замолкает.

Я снимаю маску, поднимаюсь на ноги и осматриваюсь на месте. Стеклоочистители в дверях, ведущих в коридор, дрожат, говоря о чьем-то приходе.

Я не один.

Я кричу пару раз. Но ответа нет.

Род разрешил мне сегодня воспользоваться мастерской.

Дверь распахивается, и из темного коридора выходит Пандора Паттерсон. Ее пухлые губы растянуты в дьявольской ухмылке, и на ней надета мини-юбка, которая не оставляет места для воображения.

Топ сидит настолько низко, что ее декольте предстает для всеобщего обзора.

— Привет, Ройал, — ее глаза загораются, когда взгляд скользит по моей машине. Она знала, черт возьми, что я сегодня буду здесь. — Папа сказал, что ты сегодня занимаешь мастерскую. Вот и подумала, что смогу зайти и посмотреть, не нужна ли тебе помощь. Над чем работаешь? — она лопаает жвачкой.

— Ты не должна здесь находиться.

Пандора надувает губы и хмурит брови.

— Это не очень хороший ответ, Ройал. Не тогда, когда я фактически являюсь владельцем этого места.

— Род им владеет, а не ты.

Она вскидывает руку.

— Это то же самое.

Я снова надеваю маску и приседаю, переключая все внимание на машину.

— Видела, как этим утром богатая сучка уходила от тебя, — в поле зрения появляются каблук Пандоры. — Она была одета на девятую.

Я игнорирую ее.

— Знаешь, мне она показалась знакомой, когда я видела ее на днях, — в ее словах слышится мстительный смешок. — И потом я вспомнила. Она обручена с тем парнем.

— Уже нет.

Пандора садится на корточки, опустившись до моего уровня, и хватается меня за плечо, отчего я съеживаюсь.

— Я плохо знаю эту богатую сучку, — говорит она. — Но предполагаю, что она не заслуживает такого неудачника, как ты, Ройал. И я уверена, что ты согласен с тем, что твое ужасное прошлое не принесет ей никакой пользы. Никакой пользы вообще.

Я сжимаю кулаки.

— Уходи, Пандора.

— Ее будущее станет намного ярче, если в нем не будет такого человека, как ты, — она встает и направляется к двери, прозрачные каблуки ее туфель стучат по бетону. — Но, думаю, ты уже знаешь об этом.

Демид

В доме моей семьи стоит оглушительная тишина. Нет тепла и каких-либо звуков. Запах воскресного маминого обеда не приветствует меня. В гостиной не шумит телевизор.

Но я знаю, что они здесь.

Машины в гараже, а у входной двери стоят блестящие мокасины Дерека.

— Привет? — кричу я.

Я слышу звук шагов — кто-то спускается по лестнице — а затем вижу лицо Далилы.

— Привет, — произносит она, не улыбаясь. Она, должно быть, знает, с чем мне предстоит столкнуться. — Они на кухне. Ждут тебя.

— Ты им что-нибудь рассказывала? — шепчу я.

Она отрицательно качает головой.

— Я не была уверена, собираешься ли ты им рассказывать, поэтому ничего не говорила.

— Они волнуются?

Далила преодолевает последние ступени лестницы и обнимает меня за плечо, прежде чем прижаться к нему подбородком.

— Да, — отвечает она. — Но не волнуйся. Я тебя прикрою. Мы сделаем это.

Она сжимает мою руку и провожает меня на кухню, где мама, папа и Дерек сидят с унылыми лицами и сложенными руками. Они одновременно выглядят как судьи и присяжные, и вся эта обстановка напоминает мне о тех нелепых семейных встречах, которые мы проводили каждый вечер по понедельникам.

Отлично. У меня еще не было возможности выступить в свою защиту, как они уже смотрят на меня, словно я виновна.

— Прежде чем вы что-либо скажите, — я сажусь напротив Дерека. Если мне нужно смотреть прямо перед собой, то я выбираю его, — то должны знать, что Брукс не тот, кем вы его считаете.

Папа прочищает горло, выпрямляя спину и прищуриваясь.

— Я просто хочу знать, что происходит, черт возьми, — говорит он.

Мама крепко прижимает руку к губам, у нее остекленевшие глаза. Я знаю этот взгляд. Она так оторопела, что не может заставить себя произнести ни слова.

— Ты бы видела, каким был Брукс сегодня утром, — говорит папа. — Он потерян. Никогда не видел человека в худшей форме.

Мама прижимает руку к груди и отводит взгляд.

Брукс — манипулятор. Он втянул их всех в свою игру с помощью убедительного проявления поверхностных эмоций.

— Он разыгрывает из себя жертву, — говорю я. Открываю рот, чтобы попытаться объяснить, но мои слова прерывает удар сжатого кулака отца по деревянному столу.

Я подпрыгиваю.

Далила тянется к моей руке, быстро сжимая ее.

— Деметрия, ты взрослая женщина. Тебе нужно принять ответственность за свои действия. Прийти сюда и незамедлительно обрушить всю вину на Брукса — крайне незрело

и безответственно с твоей стороны, — лицо моего отца такого же цвета, как и «Порше» Брукса. Он втягивает воздух, затаив дыхание между словами. Что он делает лишь тогда, когда безумно злится. — Теперь скажи мне, какого черта ты рассталась со своим женихом после того, как он попал в аварию? Ты хоть понимаешь, как это выглядит со стороны? Как теперь мы выгладим в обществе? Весь город будет это обсуждать уже в понедельник.

— Папа, — мне нравится, что у Далилы имеется смелость прервать одну из его напыщенных речей, потому что я точно не смогла бы. — Тебе нужно ее выслушать.

Дерек сидит напротив меня с опущенными плечами, молча бросая взглядами кинжалы в мою сторону.

— Хорошо, Деми. Расскажи нам. Что происходит? Что сделал Брукс, чтобы заслужить это? — спрашивает Дерек. На секунду я чувствую себя преданной. Я думала, он на моей стороне.

Независимо от того, что сказал Брукс сегодня утром, как бы он ни действовал, они теперь на его стороне. Я вполне уверена, что он упустил свое призвание в жизни. Он должен был стать актером, а не финансовым консультантом.

— Брукс разорвал помолвку в ночь аварии. Он ушел, — я с трудом проглатываю застрявший в горле ком. — Он ушел к любовнице. А его любовница, как оказалось, носит его ребенка.

Мама встает, отталкиваясь от стула, и направляется к кухонному островку. Она ставит локти на мрамор, прежде чем спрятать лицо в ладонях.

— Я не верю, — говорит Дерек. — Брукс любит тебя. Он был одержим тобой.

Я закатываю глаза.

— И это была всего лишь игра. Все наши отношения были построены на лжи.

— А теперь подожди минуту, — лицо отца дергается, но он сидит на стуле. Его расправленная ладонь поднимается в воздух. — Откуда ты знаешь это, Деметрия? Где твои доказательства?

— Сначала это были всего лишь слухи. Кто-то когда-то сказал мне, — говорю я. — Но потом я увидела их вместе своими собственными глазами. Покинув благотворительный вечер, я пошла к Бруксу, чтобы поговорить с ним наедине, и тогда он утверждал, что ничего не помнит. Я ушла домой. Мне нужно было кое-что проверить, кое-что, что могло бы помочь ему все вспомнить, а когда я вернулась, другая женщина была с ним, и они обсуждали беременность. Она уже на пятнадцатой неделе.

— Проклятый сукин сын, — сквозь зубы говорит отец. — Я этому не верю. Я не хочу в это верить.

Мама возвращается к столу, вытирая покрасневшие глаза платком.

— Мы любили его как сына.

Лишь однажды я слышала, как мама произносила эти слова — когда ушел Ройал.

Папа тянется через стол и гладит ее по голове.

— Твоя свадьба, — говорит мама, поднимая на меня взгляд.

— Я не беспокоюсь об этом, — говорю я. — Меня беспокоит то, как я собираюсь выплатить сто семьдесят тысяч долларов, которые он снял с кредитных карт. Оформленных на мое имя.

— Что? — напряженно произносит папа.

— Понадобится твоя помощь, — говорю я.

— Это не имеет никакого смысла, — Дерек поправляет узел галстука. Только человек,

закончивший юридическую школу, всегда одевается так, будто сейчас ему предстоит предстать в суде. — У Брукса есть деньги. Он управляет деньгами. Он всегда был против кредитных карт. Покупал все наличными.

Я смахиваю волосы с лица.

— Да. Что ж. Просто еще одна из его манипуляций.

— На что он потратил эти деньги? — спрашивает мама.

Я пожимаю плечами.

— Все эти деньги были кредитами, взятыми из разных банков на территории трех штатов. Мы никогда этого не узнаем.

Отец настолько громко дышит, что нам приходится проверить, не наш ли черный лабрадор, Луи, храпит в углу. Узловатые руки моего отца сложены вместе, он сосредоточен на цветочном горшке.

Далила шепчет мне на ухо, спрашивая, все ли у меня в порядке, на что я киваю. Нелегко рассказать родителям о том, чего они не хотят слышать, но теперь я чувствую себя легче, потому что с этим покончено.

— Я собиралась подождать, — говорю я. — Собиралась подождать, пока Брукс не поправится. Выздоровеет. Я хотела сделать это достойно, потому что знаю, что говорят люди, знаю, как это выглядит. Поверьте мне. Если бы это был кто-то другой, я бы тоже не поверила.

Тяжелый взгляд папы встречается с моим, и он медленно выдыхает.

— Но я не могла оставаться рядом с ним даже минуту. Не после всего, что он сделал, — я смотрю на Дерек, и он сжимает губы, образуя прямую линию. Я начинаю думать, что язык его тела больше говорит о разочаровании в Бруксе, чем во мне. — Прости, Дерек.

— Тебе не за что извиняться, малышка, — говорит он.

На моих губах расцветает усталая улыбка. Он называл меня так, когда мы были... детьми. У нас разница в возрасте всего год, но он всегда этим напоминал мне, что старше.

— Брукс — кусок дерьма, насколько я могу судить, — говорит Дерек. — И слава Богу, что ты знакома с двумя самыми лучшими и свирепыми прокурорами штата Нью-Йорк.

Мама кивает, хотя все еще выглядит изумленной.

— Как ты там, Блисс? — спрашивает отец. — Ты в порядке?

— Все хорошо, Роберт. Просто разочарована. Сначала Ройал, теперь... — слова мамы словно высасывают весть кислород из комнаты, и мы все устремляем наши взгляды к ней. Имя Ройала не упоминалось в этом доме на протяжении долгих семи лет.

— Я не должна была привязываться, — говорит она. — Но ничего не могу поделать с этим. Я ко всем отношусь, как к членам семьи. Я люблю всех, как самых родных. Ты просто не ожидаешь, что они подведут тебя.

Она замолкает, а затем встает, тяжело вздыхает и выходит из комнаты.

Папа и Дерек обмениваются взглядами, и Далила подталкивает меня.

— Я видела Ройала на прошлой неделе, — бормочу я, прежде чем струшу.

Голова Дерек резко дергается, и он проводит руками по лицу.

— *Что* ты сказала? — отец поворачивается всем телом ко мне.

— Вообще-то, — говорю я, — в последнее время я часто его вижу. Он приехал на прошлой неделе после того, как узнал о Бруксе. Он, правда, помогает мне...

Папа встает, и это значит, что разговор окончен.

— Папа, выслушай ее, — говорит Далила.

Он качает головой, идет на кухню, вытаскивает бутылку вина из холодильника и наливает себе полный бокал.

— Ройал совершил нечто-то очень плохое, Деметрия, — говорит он, отпивая большой глоток. — Он не тот человек, каким ты его считаешь.

Я качаю головой.

— Тогда расскажи мне. Расскажи, что он сделал. Мне двадцать пять лет. Я заслуживаю того, чтобы знать. Я могу с этим справиться.

Отец закрывает глаза. Он выглядит измученным, хотя подозреваю, что больше эмоционально, чем физически.

— Я не могу, Деми. Я так долго тебя защищал, — говорит он. — Тебе лучше не знать. Скажу так. Помни о нем хорошее, потому что это то, что ты никогда не сможешь опровергнуть. Это затмит все хорошие воспоминания. Все счастливые времена. Я не хотел отбирать это у тебя.

— Он невиновен, — говорю я.

Папа усмехается.

— Ты даже не знаешь, что он сделал; как ты можешь говорить, что он невиновен?

— Я... Я просто знаю. Это внутреннее чувство. Он хороший человек. Тебе нужно встретиться с ним — с человеком, которым он стал. Я хочу привести его на День Благодарения на следующей неделе, — я высвобождаю свою руку из хватки Далилы и иду к отцу. — Пожалуйста. Дай ему шанс искупить себя.

Папа выпивает вино и хмурится.

— Знаешь ли ты, сколько раз мне приходилось слышать, как преступники заявляли о своей невиновности? Такие люди все время лгут, обо всем. Они насмеются над такими людьми как мы.

— Такими людьми? — говорю я, пытаюсь повторить интонацию. — Ройал — один из нас. Он практически вырос под этой крышей. Он играл с нами на улице. Разворачивал рождественские подарки под нашей елкой. Скорее ты был для него отцом, чем все его приемные родители вместе взятые. Как ты можешь просто стоять и вести себя так, как будто он мусор?

— Деметрия, — низкий тембр голоса моего отца предупреждает, что я должна прислушаться к нему.

— Ты его бросил. Он нуждался в тебе, а ты его отшвырнул, — я качаю головой, мне хватает секунды, чтобы вытащить ключи из кармана. Я должна уйти. Сейчас же. — Я думала, что ты лучше.

— Он не тот человек, которого я хочу видеть рядом с моей дочерью, — отец фыркает и подносит бокал вина к губам. — Любой, кто сделает нечто-то такое мерзкое, такое отвратительное, не заслуживает места за моим столом. Ройал здесь не приветствуется, и я очень четко ему это сказал семь лет назад.

Комната начинает вращаться вокруг меня и следующее, что я осознаю — я сижу на переднем сиденье своей машины, стуча кулаком по рулю и кусая губу, чтобы не разрыдаться. Ногой давлю на педаль тормоза, пока она не касается пола, и с силой тяну рычаг переключения передач, пытаюсь включить заднюю.

Соленые слезы застилают глаза, но я вижу очертания человека, приближающегося к моей машине. Я моргаю и вижу Дерека.

Опуская окно, я нападаю на него:

— Чего ты хочешь?

Он прячет руки в карманы брюк и наклоняется к окну.

— Просто проверяю тебя, — говорит он. — Я знаю, что это довольно серьезно, но ты должна знать, что папа просто хочет защитить тебя.

— От чего? — выплевываю я слова, захопываю солнцезащитный козырек и опускаюсь обратно на сиденье.

Дерек облизывает губы, приподнимает брови и смотрит на меня через окно с пассажирской стороны.

— Ты знаешь, — говорю я. — Знаешь, что произошло. О, Боже. Дерек. Расскажи мне.

Он тяжело вздыхает.

— Однажды, в юридической школе, я искал его дело. У нас был доступ к закрытым судебным делам, ты знаешь, где жертвы молоды и их личности нужно защищать.

Мое сердце стучит быстрее, чем когда-либо раньше. Миллион раз я проводила какие-то хаотичные интернет-расследования, надеясь найти какую-нибудь статью. Но всегда оставалась ни с чем, и теперь понимаю почему.

— Это ужасно, Деми, — его слова вонзаются в меня. — Это настолько ужасно, я даже не хочу верить, что это правда.

— А ты? — спрашиваю я. — Ты веришь, что это правда?

— Были доказательства. И он признал свою вину. Так что...

— Ройалу пришлось заключить сделку и признать вину. Он мне это сказал.

— Никто не должен принимать предложение о признании вины, Деми.

— Я уверена, он сделал то, что ему сказал делать адвокат, Дерек. Ради всего святого, ему было девятнадцать лет, он был испуган и одинок, — мои глаза начинают щипать, а от образа молодого Ройала, сидевшего в какой-то тюремной камере, совсем без поддержки и какой-либо помощи, мне хочется умчаться с этой подъездной дорожки и пойти к нему, чтобы быть рядом с ним. Поддержать его. Сказать, что я верю ему, и что бы это ни было, что бы ни случилось — это в прошлом.

— Я хочу верить, — говорит он. — Но я знаю, что были два свидетеля с железными, подтверждающими аргументами, а также с вещественными доказательствами.

— Вещественными доказательствами?

Дерек наклоняется ниже, прижимая лоб к своей руке, которой опирается о дверцу машины.

— Я знаю, что ты пойдешь к нему, — его голос приглушен, он поднимает взгляд на меня. — Я знаю, что ничто из сказанного не заставит тебя передумать. Просто... Будь осторожна. Возможно, он не тот, кем ты его считаешь.

Ройал

Когда прихожу к Деми в понедельник вечером, я явно застаю ее врасплох. Она с удивлением смотрит на меня: ее рот открыт, а глаза широко распахнуты.

— Могу я войти? — я поднимаю пустые картонные коробки и киваю в сторону прихожей.

— Да, конечно, — она отходит, изучая меня.

— Подумал, что тебе понадобится помощь, чтобы упаковать вещи, — говорю я. — Или хотя бы несколько коробок. Полагаю, ты скоро переезжаешь?

Она несет пару коробок на кухонный островок.

— Хочешь что-нибудь выпить?

— Почему ты ведешь себя так странно? — смеюсь я, прежде чем обхватить ее за талию и притянуть к себе. — Ты сама серьезность. Забыла про субботний вечер?

— Вчера я ездила к тебе, — говорит она. — Тебя не было дома. И ты не ответил на мои звонки.

Обхватив ее лицо ладонями, я целую ее в лоб и двигаюсь к губам. Я жаждал этих губ с утра воскресенья.

— Вчера я красил свою машину, сидел в мастерской до полуночи. Сегодня работал до двенадцати. Прости, Дем, — я снова целую ее. — Поверь мне, я бы скорее провел время с тобой.

— Я не смогла вернуть работу, — ее тело неподвижно и напряжено. Сегодня она холодна. В ее бледно-голубых глазах читается неоспоримое расстояние между нами. — Директор МакКлин отказала мне. Я уверена, что Бренда Эбботт имеет к этому отношение. Она с ней дружит. Именно она заставила меня уйти с работы.

— Ты учитель. Ты можешь устроиться на работу в любое место, — я целую кончик ее носа, двигаясь к губам и спускаясь к шее. Я мог бы съесть ее заживо, она чертовски восхитительна.

— Ройал...

Скользя руками по ее бедрам, я подхватываю ее под попку и поднимаю на стол. Наши взгляды встречаются, но когда она концентрируется на мне, сразу отводит глаза.

— О чем ты думаешь? — спрашиваю я.

— Я рассказала о тебе родителям, — говорит она, выдыхая.

— Ах, черт!

— Или, по крайней мере, папе и Дереку.

— И?

— Папа рассердился. Сказал, что ты сделал что-то ужасное.

— Конечно, он так сказал, — я прикусываю свой язык, кладу руки себе на бедра и задумываюсь. Такими были его слова в ту ночь.

— И Дерек знает, — говорит она. Я смотрю на нее, наблюдая, как она жует внутренний уголок пухлой губы. — Он знает об этом со времен учебы в юридической школе. Полагаю, у него был доступ к некоторым конфиденциальным файлам. Но он мало что рассказал.

Юридически... он не имеет права, — она вздыхает. — Ты кому-то сделал больно, Ройал?

— Нет, — я обнимаю ее. — Деми, как много ты знаешь?

— Я ничего не знаю, — ее волосы волнами спадают по плечу, когда она наклоняет голову влево. — Но хочу знать...

Она поднимает мои руки и кладет их себе на колени, переплетая наши пальцы.

— Эти руки... — говорит она, сжимая наши руки. — Ты сделал что-то плохое?

— Я бы не стал тебя трогать... Я бы ни за что не приблизился к тебе... Если бы был плохим человеком, Деми. Клянусь тебе.

— Тогда почему ты ушел? Скажи мне правду.

Я прочищаю горло.

— У нас уже был такой разговор. Твой отец предупредил меня держаться от тебя подальше. И ты выглядела счастливой. Счастливой без меня.

— Бред сивой кобылы. Я не поведусь на это, — Деми отпускает мои руки и скрещивает свои на груди. — Этого недостаточно, Ройал.

— Это сложнее, чем кажется, — мое тело бросает в жар, затем в холод, затем оно цепенеет. Желудок словно вкручивается в узел, а тяжесть, поселившаяся в груди, мешает дышать.

Я должен сказать ей...

...я должен ей *все* рассказать...

...прежде чем потеряю ее навсегда.

— Общество назвало меня монстром, — начинаю я, пытаюсь связать все воедино.

А затем три громких стука в дверь заставляют мое сердцебиение еще больше ускориться.

Деми сползает со стола и на цыпочках идет в фойе. Я остаюсь в стороне и наблюдаю в окно, как блестят красно-бело-синие огни машин, стоящих у дороги.

— Что это? — спрашивает Деми.

— Мэм, это ваше уведомление о выселении, — говорит заместитель шерифа.

— Серьезно? Для этого нужны огни? — она выхватывает листок из его рук и оглядывает улицу. Я уверен, что все ее соседи выглядывают из-за своих римских штор. — Немного лишнее, вам не кажется?

— У вас двадцать четыре часа, чтобы освободить помещение.

Деми захлопывает дверь и отступает назад, руками вцепившись в волосы, и уведомление о выселении падает на пол в скомканном виде.

— Как Брукс может выселить тебя? — спрашиваю я.

— Он владеет этим домом, помнишь? Когда мы переехали, он заставил меня подписать договор аренды. Знаешь, чтобы защитить нас обоих. Но я никогда не платила арендную плату. Он не хотел, чтобы я платила хоть копейку. Это была просто формальность, — Деми опирается бедром о стол. — Так что, да, юридически, так как я никогда не платила ему никакой арендной платы, он может отправить мне уведомление о выселении.

— Гребаный засранец.

Она поворачивается ко мне, темные волосы закрывают ее лицо, она раздражена.

— Оттрахать бы его сильно. В задницу. Боже, надеюсь, он попадет в тюрьму. Да пошел он на хрен. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы удостовериться, что он проведет время за решеткой, и это не будет минимальный срок.

— Деми, — я хватаю картонную коробку и стаскиваю ее со стола. — Давай направим

эту энергию в правильное русло. Ты уедешь еще до того, как тот помощник вернется завтра с висячим замком для двери и парой наручников для тебя. Так или иначе, ты слишком хороша для тюрьмы.

Я скольжу руками по ее попке и сжимаю ее в ладонях, прижимая к себе.

— Стоп, — Деми старается не улыбаться, когда шлепает меня по груди. — Отлично. Неси коробки. И давай убедимся, что мы случайно не захватили его вещи.

— Которые, конечно, могут потеряться в процессе сбора, ведь иногда такое случается...

— Ты плохой.

Ее улыбка исчезает на мгновение, и, возможно, она переигрывает у себя в голове наш разговор до прихода помощника шерифа.

Я должен думать быстро. Должен отвлечь ее. Что угодно, чтобы сейчас не рассказывать то том, что произошло.

Мы на правильном пути. Думаю, она сможет полюбить меня снова. Мне просто нужно немного больше времени с ней, больше времени, чтобы напомнить ей, что я не такой, как они.

Я не сделал ничего плохого.

И я люблю ее так же, как и раньше.

А может, и правда, я еще не готов. Потому что, если расскажу Деми, что случилось, а она мне не поверит...

Тогда я потеряю ее.

Снова.

Навсегда.

Но, черт, я не могу жить без этой женщины.

Демид

Его губы заглушают мои мысли, поглощая мое любопытство, хотя и временно. Руками я обнимаю его широкие плечи, и ногтями впиваюсь сквозь мягкие и густые волосы в кожу его головы. Я отстраняюсь на мгновение, потому что хочу посмотреть ему в глаза, и когда я это делаю, то одновременно вижу плохого парня и хорошего человека, и я не уверена, как такое возможно.

Исходящий от него металлический запах наполняет мои легкие, и от мысли о его грязных руках, касающихся моего тела, я начинаю трепетать. Он цепляется пальцами за подол моей рубашки, а затем смело скользит ими вверх, лаская мою грудь.

Я резко вдыхаю и задерживаю дыхание, в то время как он посылает импульс к моему чувствительному бутону. Подняв рубашку, он прижимается ртом к одному из моих сосков, втягивая его с нежностью и теплотой, а затем щелкает по нему языком.

Я откидываю голову назад; мне не хватает воздуха.

Окно в углу не зашторено, и я уверена, что Манчестеры на другой стороне улицы наблюдают восхитительное зрелище, но я слишком занята, чтобы беспокоиться об этом. Так или иначе, они никогда мне не нравились.

Эта улица слишком претенциозна, и я никогда не принадлежала ей. Этого хотел Брукс.

Ройал поднимает меня, усаживая на стол, и я оборачиваю ноги вокруг него. Он целует меня в шею, прежде чем погладить мою попку и сдвинуть меня с кухонного островка. Я обнимаю его за шею, в то время как он несет меня в сторону коридора.

— Куда ты меня несешь? — шепотом спрашиваю я, но, конечно, не протестую.

Он не отвечает. Лишь поднимается вверх по лестнице, заставляя чувствовать себя легкой и невесомой в его руках. В животе порхают бабочки, а сердце бьется в унисон с каждым шагом.

Повернув за угол, он опускает меня, руками сжимает мои бедра и направляет назад, пока я не врезаюсь в стену. Наш совместный с Бруксом портрет падает, и стекло выскакивает из рамы.

Когда я наклоняю голову вниз, чтобы посмотреть на это, Ройал дергает меня за подбородок, привлекая к себе внимание.

— К черту этого парня, — шепчет он, снова накрывая мои губы своими. Его поцелуй на этот раз настойчивее, в нем больше контроля, чем когда-либо прежде. Но я должна признать, что он всегда контролировал ситуацию.

Этот человек — моя слабость.

Я зависима, а он — мое исцеление.

Ройал отстраняется от моих губ, поцелуями спускается ниже и достигает живота. Поднимая мою рубашку, он расстегивает джинсы и спускает их вниз вместе с моими трусиками, затем снимает их.

Раздвигает мои бедра, и следующее, что я чувствую, это тепло от его влажного языка, вторгающегося в мой влажный центр.

Пальцем он скользит по моей щели, надавливая на нее, продолжая языком кружить

вокруг моего клитора.

Я прижимаюсь к стене, когда ноги начинают неистово дрожать. Его небольшая щетина трется о внутреннюю поверхность бедер, создавая сладкое тройное ощущение.

Он полностью сосредоточен на мне. Моих потребностях. Моем удовольствии.

Я почти забыла, каково это, когда мужчина ставит тебя на первое место. Его облизывания и покусывания одинаково ласковы, и мое сердце замирает. Это сладкое, но мучительное напоминание обо всем, что я пропустила за последние семь лет.

Мое сексуальное влечение направлено на Ройала, и я так сильно хочу его, что это меня пугает.

Я достигаю пика удовольствия, Ройал отстраняется и медленно поднимается, пока наши взгляды не встречаются, и его тепло не пронзает меня.

Он снова целует меня, и я чувствую свой вкус на его губах. Я пробую то, что он со мной сделал. Он прижимает свою ладонь к моему лицу, касаясь пальцами шеи.

— Пошли, — шепчет он, все еще прижимаясь к моим губам.

Ройал ослабляет свою хватку и переплетает наши пальцы, затем ведет нас в спальню, направляя меня в центр кровати, которую я делила с Бруксом в течение многих лет.

Противоречивое чувство, которое я испытываю, когда растягиваюсь на кровати, быстро сменяется жгучим желанием, когда я смотрю, как Ройал дергает свой пояс и расстегивает молнию на своих серых рабочих штанах.

В одно мгновение он раздевается и ложится сверху, его твердая эрекция упирается в мое бедро. Я хочу почувствовать его внутри себя, всего, без каких-либо преград между нами.

Его бедра дрожат, он дразнит мою щель головкой члена. Ройал прижимается своими полуоткрытыми губами к моим, захватывает мою нижнюю губу между зубов и отпускает ее. Когда он снова касается моих губ, я чувствую его улыбку.

— Почему ты улыбаешься? — шепчу я.

Он нависает надо мной, и я прорисовываю контуры его трицепсов своими ногтями.

— Потому что трахаю тебя на кровати, которую ты когда-то делила с Бруксом, и это ощущается правильным, ты не находишь? — его голос звучит хрипло, взгляд напряжен.

Я киваю, грудь поднимается и опускается, кожа липкая от пота.

— Это должны были быть мы, Деми, — говорит он. — Эта кровать должна была быть нашей. Ты должна была жить в доме, который я купил для тебя, с кольцом, которое я надел на твой палец. Это должна была быть наша жизнь.

Я уже тысячу раз об этом думала. Может, больше.

— В любом случае, — говорит он, целуя меня в изгиб шеи. — Вернемся к этому удивительному сексу, которым мы собираемся заняться...

Я кусаю губу и шире раздвигаю ноги, мое сердце бьется где-то в районе ушей. Ройал умеет сделать хреновые ситуации в миллион раз лучше. Прямо сейчас я должна упаковывать вещи, думая о выселении и ситуации с работой. Я фактически бездомная.

Всего за две недели жизнь, которую я знала, полностью испарилась.

Я в раздавленном состоянии должна лежать где-то на полу.

Но этот человек с пристальным синим взглядом и улыбкой с ямочками на щеках, который смотрит на меня с такой любовью в глазах, — это все, о чем я могу думать.

От трется бедрами об меня. Один толчок, и он будет внутри. И я хочу, чтобы это случилось как можно быстрее.

Держа в руках его покрытое щетиной лицо, я глубоко вздыхаю и облизываю губы.

— Я на таблетках, — говорю я.

— И я чист.

Мое сердце так сильно бьется, что мне почти больно, и я киваю. И одним скользящим толчком Ройал проникает глубоко внутрь меня.

Он движется размеренно, растягивая меня, пока я не привыкаю к нему. Мы подходим идеально, и это естественно. Раньше я ни с кем не занималась сексом без защиты. Даже в старших классах мы всегда пользовались презервативами, потому что я была слишком напугана, чтобы просить нашего семейного врача прописать мне противозачаточные таблетки.

Я даже с Бруксом не была так беспечна. Мы всегда предохранялись, потому что он был непреклонен в нежелании стать отцом.

По-видимому, исключение он сделал шлюшке по имени Афтон Мэйфилд.

Каждую частичку меня покалывает, тело дрожит, когда оргазм начинает зарождаться между моих бедер. Это похоже на маленькие землетрясения, и каждое из них усиливается.

Простыня переплетается вокруг наших тел, словно посылая к черту Брукса и его образ жизни. Не дай Бог, чтобы наша кровать когда-либо выглядела в таком беспорядке. И не дай Бог, чтобы он нашел время довести ее до такого. Он ненавидел одеяла, но все же настаивал на них, потому что они выглядели лучше, чем покрывала.

Ройал напрягается, стальные мышцы выпирают, когда он движется надо мной, и его толчки становятся все тяжелее и жестче. Он наклоняет голову ниже, и я приветствую его губы открытым ртом.

Я никогда не уставала от его поцелуев, его языка, его губ. Его вкуса.

Его тело обладает моим с каждым толчком, и наше дыхание и вздохи смешиваются в темном ночном воздухе комнаты, которую я когда-то делила с человеком, с которым мне никогда не нужно было быть.

И снова, окольным способом, Ройал спас мне жизнь, вмешавшись в нужный момент.

— Я люблю тебя, Деми, — тяжело дыша, шепчет он мне в ухо.

Его слова посылают покалывания по моей коже.

Ответные слова кружатся на кончике моего языка. Чувства никогда не исчезали, как бы я ни пыталась от них избавиться, независимо от того, сколько раз я говорила себе, что ненавижу этого человека.

— Я так тебя люблю, — шепчет он, уткнувшись лицом в мои растрепанные волосы.

Он не ожидает, что я отвечу. По крайней мере, я так не думаю.

Он просто говорит мне об этом. Утверждая правду. И я знаю, что, посмотрев ему в глаза, увижу, что он чувствует это. Его убивало то, что ему пришлось отступить и наблюдать за тем, как я «счастливо» живу не с тем человеком. С человеком, который явно не заслуживал меня.

— Я тоже люблю тебя, Ройал. И никогда не переставала.

Дем

На следующее утро я просыпаюсь, завернутая в простыню. Ройал спит рядом со мной, его мужской мускусный запах вторгается в мои легкие.

Вчера вечером мы ничего не упаковали.

Мы были немного... заняты.

Будильник на моей прикроватной тумбочке выдает пронзительный визг, оповещая, что уже шесть часов. У меня так сильно болят глаза, что я не могу открыть их, но у меня нет выбора. Я вытягиваюсь и отключаю раздражающую вещцу. Это один из тех старинных будильников, у которых нет кнопки повтора, иначе мне пришлось бы его отключать в течение восьми минут.

Сползая с кровати, я на цыпочках спускаюсь вниз, туда, где стоят пустые картонные коробки, выстроенные в ряд. Порывшись в ящике на кухне, я достаю перманентный маркер и начинаю их подписывать.

На самом деле у меня не так много вещей.

Одежда и обувь.

Туалетные принадлежности.

Несколько работ, написанных моей сестрой, Дафной. Несколько семейных фотографий, которые *не* включают в себя Брукса.

Я ничем не владею, кроме одного предмета мебели в этом доме. Ничто из того, что у меня было раньше, не было достаточно хорошим для этого дома. Брукс заставил меня все продать через интернет за половину стоимости.

До меня доносится звук шагов Ройала, спускающегося по лестнице, он улыбается, замечая меня.

— Доброе утро, — я подхожу к кофеварке, хватаю белую кружку с ближайшего крючка и наливаю ему кофе.

— Доброе, Дем, — он берет ее, целует меня и запрыгивает на край стойки. Утренний солнечный свет покрывает его точеное тело в теплых тонах, захватывая его естественный загар и выделяя рукав татуировки, покрывающую его правую руку.

— Во сколько ты должен быть на работе? — спрашиваю я.

— Не раньше часа, — отвечает он. — Сегодня я работаю во вторую смену, чтобы помочь тебе упаковать вещи.

— Спасибо, — я наливаю себе кофе и держу чашку в руках, наслаждаясь нежной сладостью этого момента.

Все, что связано с ним, кажется таким естественным. Как если бы война, которая шла во мне в течение почти десятилетия, устроила передышку. Мое сердце устало. Моя голова устала. И пребывание с ним приносит совершенно новое ощущение спокойствия и завершенности, которое я не ожидала почувствовать снова.

— Где ты будешь жить? — он морщится, когда делает глоток горячего черного кофе. Он такой чертовски милый.

— С родителями. Пока что, — я закатываю глаза. Я не горжусь тем, что в двадцать пять

лет должна полностью, хоть и временно, зависеть от своих родителей, но это не было моим выбором. — Я ищу новую работу, но в середине учебного года трудно найти рабочее место. Как только смогу что-нибудь найти, я уеду.

Лицо Ройала мрачнеет, и я знаю, о чем он думает.

Моя жизнь с родителями не сулит ничего хорошего для нас, снова познающих друг друга. Они никогда его не примут, по крайней мере, без многочисленных просьб и убеждений, и даже тогда, кто знает?

— Я знаю, что это звучит совершенно безумно, — говорит он. — Но...

— Нет, я не собираюсь переезжать к тебе, — я останавливаю его, прежде чем он сможет предложить что-то смехотворное. — Я ценю твое предложение, но...

— Я просто хочу видеть тебя, — говорит он. — В любое время, когда захочу. И, может, это эгоистично с моей стороны, но я не хочу ездить через Рикстон Фоллс каждый вечер по дороге домой и знать, что ты в нескольких километрах от меня, но совершенно недоступна.

Я подхожу к нему, прикладывая ладонь к его груди.

— Я приду к тебе, — говорю я. — Мы встретимся у тебя.

В его пристальном взгляде виднеется облегчение, и он проводит руками по грязным волосам. На них, должно быть, остался гель для волос, потому что они остаются лежать в том же положении, в котором он их укладывал. Неудивительно, что его волосы всегда пахнут изумительно.

Я ухмыляюсь при мысли о Ройале, прихорашивающимся перед зеркалом каждый день. Он всегда был симпатичным мальчиком. Красивые глаза и красивая улыбка, которые контрастируют с его мужскими, точеными чертами лица.

— Твоим родителям это не понравится, ты же знаешь, — говорит он. — Ты, убегающая каждую ночь, чтобы быть со мной.

— И что? Мне уже не семнадцать, — говорю я. — Они не могут указывать мне, с кем быть.

— Итак, ты *со мной*? — левый уголок его рта поднимается до тех пор, пока ямочка не появляется на щеке.

— Давай не будем забегать наперед.

— Тогда что было прошлой ночью?

— Прошлой ночью был всего лишь... секс.

— Я говорю не об этом. Я говорю о том, что ты сказала.

— О? — я прячу свою улыбку в кружке с кофе. Тепло приливает к щекам, когда я думаю о том, что призналась ему в любви прошлой ночью. Я хотела сказать это ему уже второй раз с тех пор, как увидела на прошлой неделе. Но мне хотелось и ударить его той же ночью. Я — запутавшаяся девушка, и я много переживаю, поэтому не могу нести ответственность за все слова, которые вырываются из моего рта.

— Ты сказала, что любишь меня, — он потягивает свой кофе. — Ты это имела в виду?

Я выдыхаю, глядя в окно над раковиной позади него.

— Я всегда буду любить тебя, Ройал, — говорю я со вздохом. — Когда мне будет девяносто лет, лежа на смертном одре, я буду вспоминать свою жизнь, и ты, вероятно, окажешься в первых рядах в моем подсознании. У тебя имеется постоянное место в моем сердце, и я не могу избавиться от тех чувств, которые испытываю к тебе, независимо от того, что делаю.

Он изучает меня, с разрушительной интенсивностью вслушиваясь в сказанные мной

слова, словно его жизнь зависит от них.

— И я наслаждалась этими двумя прошедшими неделями, проведенными вместе с тобой, — говорю я. — Несмотря на все, что происходит прямо сейчас, ты был для меня неожиданным поворотом, и я ценю это. Мне нравится, как ты заставляешь меня забыть обо всем, даже если это временно. Но если на это закрыть глаза, то мы все еще незнакомые друг для друга люди, которые когда-то любили друг друга.

Ройал отводит взгляд в сторону.

— Так что нет, Ройал. *Я не с тобой.* И не собираюсь переезжать к тебе. Но я действительно хочу встречаться с тобой, — осторожно говорю я. — Во мне много боли. Много вопросов. И впереди ожидает много исцелений. И, глядя на тебя, думаю, у тебя тоже.

Наши взгляды встречаются, рукой я пробегаюсь вниз по его рельефному прессу, пока не нахожу его руку. Он берет мою ладонь, переплетая наши пальцы.

— Я никуда не уйду, — говорит он. — Я хочу, чтобы ты это знала. Я никогда больше тебя не брошу. Только если ты сама этого не захочешь. И когда тебе будет девяносто лет, лежа на смертном одре, я не хочу, чтобы ты думала о том, что было когда-то, когда мы были детьми. Я хочу, чтобы ты думала о прекрасной жизни, которую мы провели вместе. Потому что хочу этого с тобой. Я хочу, чтобы мы провели всю нашу жизнь вместе. Я не могу представить себя с кем-то еще, кроме тебя, Деми. И если ты решишь, что не хочешь быть со мной, если мы пойдем разными путями, даже если когда-нибудь я найду кого-то, ты должна знать, что я никогда не буду любить ее настолько сильно, как люблю тебя.

— Ройал, — я прижимаю руку к своей груди. Никто никогда не любил меня так, как он, и я не думаю, что когда-либо будет.

— Я понял, — продолжает он. — Сейчас ты не моя. Ты не со мной. Но когда-нибудь ты станешь ею. И я подожду, потому что ты этого стоишь.

Он наклоняется, целует меня в макушку, и я прижимаюсь лицом к изгибу его теплой шеи.

— Ты действительно меня любишь, не так ли? — спрашиваю я.

— Ты — единственная, кого я когда-либо любил.

Деми

Подвернутые рукава мамы покрыты мукой, когда она делает коржи для пирога на кухонном островке в День Благодарения.

— Смотрите, кто поднялся, — поддразнивает Дафна, нарезая яблоки у раковины. Несколько дней назад она приехала из Парижа, и я проводила с ней столько времени, сколько могла, балансируя между моими ночными свиданиями с Ройалом.

Вчера вечером Дафна рассказала мне о своем французском любовнике. Он почти вдвое старше ее, чему мама и папа были бы не рады, если бы узнали. Хотя она провела там всего лишь семестр, похоже, что вернулась оттуда не по годам старше и мудрее, и хочет вернуться туда на следующий семестр. У ее любовника есть связи, чтобы пройти практику в многовековом художественном музее на юге Франции, но у меня есть догадка, что она просто хочет вернуться к нему.

Моя сестра была на удивление равнодушна и в то же время поддерживала воссоединение с Ройалом, а также изъявила желание увидеть его, прежде чем вернуться на занятия.

— Поздно легла? — Дафна подмигивает, когда мама не смотрит, и я подношу пальцы к губам, чтобы успокоить ее. Такое чувство, что мы снова в школе. Мне всегда казалось, что Дафна была единственной, кто мог прикрыть меня, когда я ночами пробиралась вниз по лестнице в комнату Ройала.

Мне двадцать пять лет, и они не могут мне указывать, с кем проводить время, но я не думаю, что они оценили бы то, как я крадусь в дом почти каждое утро. И независимо от моего возраста, они всегда могут завести старую песню «мой дом, мои правила», и я не смогу ничего с этим поделать.

— Деми, солнышко, почему бы тебе не засучить рукава и не начать чистить картошку? — спрашивает мама. — У меня там пакет с двумя килограммами. Овощечистка в верхнем ящике.

Я приступаю к работе, сердце бешено колотится у меня в ушах, когда я думаю о том, чтобы рассказать новости.

Я не останусь здесь на ужин в День Благодарения.

Это первый День Благодарения, который я проведу не в кругу семьи. И я не знаю, как они это воспримут, тем более, что Дафна впервые за несколько месяцев приехала домой из Парижа.

Кусая губу, я задерживаю дыхание и прочищаю горло.

— Я помогу тебе сегодня с готовкой, мам, но не останусь на ужин.

Дафна бросает неочищенное яблоко, смахивает прядь светлых волос с застывшего лица, а мама поворачивается в мою сторону.

— Поскольку Ройала здесь не ждут, я проведу День Благодарения в доме его матери, — тяжесть их взглядов мешает мне произнести еще хоть слово. Мне нужна реакция. Мне нужно знать, как они расстроены из-за меня.

— Его мать? — спрашивает мама. — Он общается с ней?

Ее любопытство и тот факт, что она не замяла упоминание о Ройале, вселяет в меня надежду. Он всегда был ее слабым местом.

— Они снова общаются, — я прочищаю горло. — Она была рядом с ним, когда никого не было.

Мама возвращается к пирогу, а Дафна поднимает гладкое, очищенное яблоко и нарезает его тонкими ломтиками.

— Я не оценила твой пассивно-агрессивный тон, Деметрия, — говорит мама.

— Я не это имела в виду. Я просто изложила причину, по которой они начали общаться, — я опускаю картофель под воду и начинаю чистить его, почти срезая тонкий слой кожи на указательном пальце. — В любом случае, я буду сегодня с ними.

Меня окружает гробовое молчание, и когда я оборачиваюсь, то вижу, что мама смотрит в сторону, задумавшись. Я не хочу расстраивать ее, но неправильно, что Ройал был намеренно исключен без попытки понять, каким он стал.

— Хорошо, — соглашается мама, отряхивает руки и направляется к печи, где охлаждаются несколько тыквенных пирогов. — Обязательно возьми пирог. Ты не можешь пойти в гости с пустыми руками.

Ройал

— Что ты здесь делаешь, Деми?

Любовь всей моей жизни стоит по другую сторону двери с пирогом в руке и нежной улыбкой на лице.

— Сюрприз, — улыбается она, пожимая плечами. — Я проведу День Благодарения с тобой. И твоей мамой.

Я отступаю в сторону, и Деми входит в мою квартиру и ставит пирог на кухонную стойку.

— Когда ты это решила? — я кладу руки ей на талию, притягивая в свои объятия.

— Прощлой ночью в машине по пути домой, — она медленно встает на носочки, чтобы встретить мой поцелуй.

Это убивает меня, но я знаю, что Деми не моя девушка. Мы не вместе. Она дает понять это совершенно ясно, когда я спрашиваю об этом.

Но она целует так, словно любит меня. Смотрит так, словно любит. И говорит, что любит меня.

Я могу отличить настоящую любовь от какой-то глупой формальности.

— Ты готова встретиться с Моной? — я ухмыляюсь. — Она — противоположность Блосс Роузвуд, чтобы ты знала. Она как твоя мать... но наоборот.

— Все в порядке, — говорит она. — Не все должны быть похожими на Блосс. Не все *могут* быть похожи на Блосс.

Я смотрю на Деми и ухмыляюсь, качая головой.

— Отлично. Дай мне надеть пальто. Пойдем, познакомлю тебя с Моной Локхарт.

Я не предупреждаю ее, пока мы едем туда. Я не говорю ей, что в доме Моны пахнет смертью, или что ей, вероятно, предстоит закончить приготовление почти всей еды, потому что Мона едва ли может пройти по комнате, не задыхаясь. Я не предупреждаю ее, что голос Моны сравним с чьим-то криком, или что иногда она решает не надевать вставные зубы, отчего ее губы складываются действительно странным способом. Я не предупреждаю, что Мона имеет тенденцию вводить людей в заблуждение своей откровенной честностью, и у нее нет понятия, что она делает это в половине случаев.

Я не предупреждаю Деми, потому что все это не имеет значения.

Мона — просто такая, какая есть.

Я стучу, затем открываю входную дверь и заглядываю внутрь.

— Привет, Мона, — зову я.

Сразу же в нос ударяет запах от ароматических свечей с черешней.

Ха. Должно быть, сегодня она убралась.

Это хороший знак.

— Проходи, детка, — откликается она. — Я на кухне.

Ха. Еще один хороший знак.

— Что ты делаешь? Я сказал тебе, что принесу обед.

Я остановился у продуктового магазина по дороге сюда, потратив почти сорок долларов в честь Дня Благодарения. Ветчина, рулеты, запеченный картофель и запеканка из зеленой фасоли за сорок баксов. И никакой посуды для мытья. Что может быть лучше этого?

— О, просто готовлю на скорую руку, — она стоит спиной к нам, склонившись над плитой. Ее трость прислонена к одному из шкафов.

— Мона, я хочу познакомить тебя с Деми, — говорю я.

Она поворачивается, открыв от удивления рот. У нее вставлены зубы, так что это приносит облегчение. Пальцами Мона касается своих тонких темных волос и заправляет за уши жесткие пряди, обрамляющие ее лицо, когда осматривает Деми с головы до ног.

— Мой, мой Ройал. Ты не говорил мне, что кого-то приведешь, — Мона выгибает бровь. Она не улыбается, но это ничего не значит. В этом вся она.

— Надеюсь, вы не возражаете? — Деми шагает вперед, предлагая свой тыквенный пирог, словно жертву. — Мы с Ройалом недавно воссоединились, и я хотела провести с ним праздник в этом году.

Мона щелкает языком и громко вздыхает. Она не берет пирог.

— Деми, говоришь? — спрашивает она, поворачиваясь ко мне. — Это та девушка Роузвуд, к которой ты сбегал?

Я усмехаюсь.

— Да, Мона. Это Деми Роузвуд. Ее семья была очень добра ко мне.

Теперь она злится.

— Да, пока не отвернулись от тебя.

Деми краснеет и опускает взгляд в пол.

Рискую предположить, что Мона немного ревнует к Деми, что я нахожу весьма веселым. Но это имеет смысл. Последние семь лет Мона уделяла мне все свое внимание. И она знает, как я люблю Деми.

Вздыхнув, я беру пирог из рук Деми и ставлю его на прилавок вместе с сумками с едой. Мона полюбит Деми, когда узнает ее. Без сомнения.

— Какой пирог принесла? — спрашивает Мона, чмокая вставной челюстью.

— Тыквенный, мэм, — говорит Деми.

Мона вскидывает голову.

— Слава Богу. Если бы ты сказала с ревенем или чем-то похожим, я была бы вынуждена показать тебе на дверь.

Я поворачиваюсь к Деми и произношу губами: «Она шутит», и Деми отвечает: «Я знаю».

— Могу ли я чем-нибудь помочь вам? — Деми оставляет меня и подходит к Моне, кладя ей руку на спину. — Я была бы счастлива помочь. Я люблю готовить и готовлю много, в особенности в такие дни.

Мона смотрит на меня, потом на Деми, мгновение раздумывает, а затем берет свою трость.

— Конечно, — говорит Мона. — Приступай. Я досмотрю свои сериалы. Зовите, если

вам что-нибудь понадобится.

Моя мать ковыляет обратно в гостиную, плюхаясь посреди изношенного дивана, и тратит пару минут, чтобы отдышаться. Она искоса смотрит на телевизор и переключает каналы, ударяя пультом об кофейный столик, когда у того застревают кнопки.

— Это твоя мама, да? — шепчет Деми с улыбкой.

— Биологическая мать, да, — медленно говорю я. — Это Мона.

— У тебя ее глаза.

— И больше ничего.

Мне сказали, что я похож на своего отца, но я не помню его. Когда я в последний раз видел его, мне было пять лет. Во всяком случае, так мне говорят. Он был шофером грузовика и умер от обширного инфаркта посреди перевозки груза из Нью-Йорка в Небраску.

Я открываю шкафы Моны в поисках чистых тарелок и ставлю их на стол, пока Деми внимательно рассматривает ситуацию на плите. Две кастрюли с какой-то смесью пузырятся и кипят, а таймер на микроволновой печи сигнализирует о том, что какое-то блюдо в духовке готово.

Как у Моны хватило сил приготовить все это, мне не понятно. В последнее время ей едва хватает сил воспользоваться микроволновой печью.

— О, Ройал, — кричит Мона, приглушая телевизор. — Накрой на четверых.

— Четверых? — я переспрашиваю, почесывая висок. — Кто еще придет?

Наши взгляды встречаются из разных концов дома, и я жду.

— Не ненавижь меня, — говорит она. — Но я пригласила Мисти.

Моя кровь достигает наивысшей точки кипения под кожей, и на минуту перед глазами все плывет. Все вокруг окрашено в темно-красное. Если бы Деми здесь не было, я бы сорвался. Я бы сразу вышел и больше сюда не вернулся.

Мона знает, как я отношусь к Мисти, и в течение последних семи лет я думал, что Мона тоже так считает.

Ей требуется вся энергия, чтобы подняться с дивана и прохромать через шаткий пол столовой обратно в шумную кухню.

— Это праздник, Ройал, — говорит она. — И Мисти только потеряла любовь всей своей жизни. Она бездомная. Она остановилась в приюте для женщин. И пытается завязать.

— Или так она говорит, — выплевываю я.

— Пора, — говорит Мона. — Пришло время прощать. Отпустить прошлое и двигаться вперед.

Деми стоит у плиты, спиной к нам. Она не вмешивается в разговор, но я уверен, что она очень заинтересована.

— Все будет хорошо, — говорит Мона. — В глубине души у Мисти доброе сердце. Ей просто нужно, чтобы мы ей напомнили об этом.

У Мисти *нет* чертового доброго сердца. На самом деле, я вполне уверен, что у нее нет сердца вообще. Никто с сердцем не сделал бы и половину того дерьма, которое совершила она. Кто-то с сердцем способен испытывать угрызения совести. Вину. Стыд.

Мисти ничего не чувствует.

Меня трясет, и я сжимаю ладони в кулаки. Я постараюсь изо всех сил оставаться спокойным сегодня, но только ради Деми. Она пожертвовала своим Днем Благодарения с Роузвудами не ради шоу локхартского дерьма.

Как только еда разложена, стаканы наполнены и места заняты, холодный поток воздуха

и тихий щелчок закрывающейся передней двери сообщает о приходе демона из ада.

Волосы Мисти, недавно выкрашенные в платиновый блонд, на первый взгляд вымыты и стянуты в низкий хвост. Толстый слой косметики скрывает струпья от метамфетамина вокруг ее рта, и она одета в достаточное количество одежды, чтобы скрыть свое слишком худое тело.

Однако глаза у нее ярче. И она менее беспокойна.

— Привет, мама. Счастливого Дня Благодарения, — Мисти обнимает Мону, и я молча ненавижу то, что она называет ее мамой. Но я знаю, что это неправда. Мона никогда не была для нас матерью.

Не говоря уже о том, что Мисти может так легко забыть прошлое, отчего глубоко во мне вспыхивает огонь, и мне на секунду приходится отвести взгляд, чтобы собраться с мыслями.

Деми садится на стул рядом со мной и под столом берет меня за руку. Она ничего не говорит, но явно замечает мой дискомфорт. Я мог упомянуть Мисти при Деми раз или два в прошлом, но только вкратце. Мы всегда росли в разных детских домах, но, несмотря на то, что Мисти была на четыре года младше, я всегда чувствовал себя более защищенным, чем она. Она была единственным настоящим членом семьи, которая у меня была. Мы были в одной лодке. Как ее старший брат, это была моя работа — прибегать, когда ей было что-то нужно.

Но ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

— Привет, Мисти. Я Деми, — Деми протягивает руку через стол и улыбается, пожимая Мисти руку с сухой, потрескавшейся кожей.

— Ты девушка Ройала? — спрашивает Мисти. Она до сих пор не осмеливается посмотреть на меня, с тех пор как вошла.

— Мы старые друзья, — отвечает Деми. — Мы знали друг друга много лет.

— Ах, — Мисти быстро смотрит на меня, а затем возвращает свой взгляд к Деми. Она хорошо знает, что ее ложь стоила мне Деми, но, зная Мисти, она, вероятно, сейчас чувствует себя менее виноватой, когда видит нас вместе. Так она думает. Она постоянно оправдывает свои гребаные поступки, поэтому ей не нужно чувствовать вину, боль или страдания.

— Хорошо, что ты здесь, Мисти, — Мона улыбается моей сестре. — Как проходит лечение «Метадоном»? (Прим.: «Метадон» — это синтетический опиат, если принимать его один раз в день, внутрь, в умеренных количествах, он может уменьшить тягу и сократить длительность ломки героинозависимого наркомана до 24 часов).

— Бывают хорошие дни и плохие, — Мисти пожимает плечами и принимается за еду, нагружая свою тарелку таким большим количеством пищи, которая вряд ли поместится в желудке человека ее размера. Она ведет себя так, как будто не ела уже несколько дней. — Восемь дней я чиста.

— Ну, это здорово, — говорит Мона. — Так держать, Мисти. Я горжусь тобой.

Мама не понимает, кто такие наркоманы. Для нее наибольшие пороки — это еда и игровые автоматы. Мисти солжет и скажет всем, что они хотят услышать. Меня совсем не удивило бы, если бы Мисти приняла дозу, прежде чем запрыгнуть в автобус, чтобы приехать сюда.

Мы заканчиваем с нашей едой в молчании, Деми старается изо всех сил поговорить с Моной и Мисти. А я? Я даже не пытаюсь. Я даже не чувствую вкус еды, которую кладу в рот. Это все, что я могу сделать, чтобы не смотреть на часы над холодильником.

Минуты утекают, и каждая медленнее, чем предыдущая.

Как только мы заканчиваем есть, Деми нарезает и подает пирог, а после начинает чистить кухню. Мона не останавливает ее, не говорит, что ей не нужно это делать, и Мисти не предлагает помощь.

Я встаю из-за стола и наполняю раковину теплой мыльной водой. Бок о бок мы моем посуду в тишине. Когда мы заканчиваем, кухня выглядит лучше, чем когда-либо. Столешницы сверкают, раковина сияет, и вся посуда и утварь лежит на своих законных местах.

Деми — дочь своей матери.

— Наверное, нам следует уйти, — объявляю я, когда мы заканчиваем.

Мона и Мисти прекращают болтовню и смотрят на меня.

— Но ты всего пару часов здесь, — протестует Мона, нахмутив брови. Если она ожидает, что я проведу еще хоть минуту в обществе этой светловолосой язычницы, то у нее проблемы.

Я пришел сюда, чтобы Моне не пришлось сидеть одной.

И она предала меня, пригласив последнего из людей на земном шаре, с которым я когда-либо хотел бы провести этот день.

— Деми нужно вернуться в Рикстон Фоллс, — лгу я.

Она кивает.

— Хорошо, хорошо, — Мона стонет, из нее вырывается хриплое и тяжелое дыхание. — Спасибо за пирог, Деми. И рада была тебя видеть, Ройал.

Мисти ничего не говорит, она просто сидит и дрожит, как будто спускается с какого-то подъема или напугана мной. Возможно, оба варианта.

Как только мы садимся в мою машину, Деми включает обогреватель и дует в свои руки. Мы с минуту сидим, давая двигателю прогреться, и я смотрю вперед на приборную панель.

— Ты в порядке? — спрашивает Деми. — Это было... интенсивно.

— Не ожидал увидеть Мисти сегодня, — я дергаю рычаг коробки передач. — Мона знает, что я к ней чувствую.

Я краем глаза наблюдаю за Деми. Она кусает губу, изучая меня, и ее тело наклоняется ближе ко мне. Положив руку мне на колено, она прокладывает путь к моей руке и сжимает ее.

— Я никогда не видела, чтобы ты на кого-то так смотрел, — говорит она.

— Как?

— С такой... ненавистью в глазах.

Я киваю. Я не уверен, что Деми хочет, чтобы я сказал, но я не собираюсь отрицать тот факт, что ненавижу свою сестру. Я ненавижу то, что она сделала. Ненавижу то, что она делает. И ненавижу все, что связано с ее эгоистичным, уродливым маленьким сердцем.

— Мне нужно заправить машину, — говорю я, меняя тему.

Мы доезжаем до небольшой заправки «Коноко» на углу главной улицы Глиддена. (Прим.: *ConocoPhillips* — американская нефтяная компания). Это одно из немногих мест, которое открыто сегодня, и оно переполнено. Автомобили прибывают, безумные мужья выбегают с галлонами молока и картонными коробками яиц, путешественники заправляют свои мини-фургоны, а усталые малыши бьются в истерике, когда их родители меняют DVD на старые развлекательные системы.

Я паркуюсь перед освободившейся колонкой, и Деми хватается за свою сумку.

— Я куплю нам немного вина на сегодня, — она указывает внутрь и подмигивает, чем

мгновенно посылает импульс к моему члену.

Я заполняю свой измученный жаждой автомобиль и стискиваю зубы, когда понимаю, что аппарат для кредитных карт не работает. Мне приходится зайти внутрь, чтобы заплатить, но перед кассой стоит очередь из десяти человек.

Думаю, у меня нет выбора.

Все, что я хочу сделать, это вернуться на свое место и провести несколько часов с Деми. Она — единственная изюминка этого дерьмового дня, и она такая чертовски великолепная, что я хочу съесть ее с ног до головы.

Она должна лежать голой в моей постели, ее соблазнительные ножки должны быть обернуты вокруг моей талии, а ногти должны вонзаться в мою задницу, когда я буду хоронить свой член глубоко в этой прекрасной киске всю ночь напролет.

Стоя снаружи, я вижу ее голову, когда она просматривает изысканный выбор вина на заправочной станции. Вытаскивая из кармана свой кошелек, я направляюсь внутрь и встаю в очередь.

— О, эй, — говорит она, когда видит меня. Я беру бутылку из ее рук.

— Можешь идти, если хочешь, — я киваю на машину.

Очередь становится короче, когда вторая касса начинает работать. Еще пара человек, и я следующий.

Мой член пульсирует, когда я думаю о том, что мы будем делать через минут пятнадцать.

— Ладно, увидимся, — Деми целует меня в щеку и колокольчики на двери звенят, когда она выходит.

Но потом мои внутренности скручивает в узел. По причинам, которые я никогда не мог предвидеть.

Еще два человека впереди меня, но я вытаскиваю пятьдесят долларов из своего кошелька и шлепаю ими по прилавку, говоря кассиру, чтобы он оставил себе сдачу.

Мне нужно выйти на улицу.

Сейчас же.

Демид

— Эй. Эй, ты, — женщина, прислонившаяся к кирпичному фасаду заправки, зовет меня, когда я направляюсь к машине Ройала.

Я разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Она выглядит знакомой, но я не могу сразу ее вспомнить. Спутанные темные волосы обрамляют круглое лицо, а нарисованные карандашом тонкие брови подчеркивают синие миндалевидные глаза. На ней слишком много косметики, как у женщин с неидеальной кожей. Ее полные губы скрывают ухмылку.

Она напоминает мне куклу Братц, красивую, по ее собственным меркам, но выглядящую так, словно ею играли слишком долго.

Остановившись и поправив ремешок сумки, перекинутый через плечо, я смотрю немного пристальней.

Я знаю, что видела ее раньше...

Женщина призывает подойти ближе. Ее колено согнуто, нога прижата к баку с пропаном.

— Простите, я вас знаю? — спрашиваю я, подходя ближе. Взглянув на заправку, я вижу, как Ройал хлопает наличными по прилавку и спешит выйти.

— Ты меня не знаешь, нет, — она вытаскивает из-за спины зажженную сигарету, стряхивая пепел на тротуар, и медленно двигается. Серый дым вьется перед ее лицом, и она смеется. — Но у нас есть что-то общее.

Прищуриваясь, я качаю головой.

— О чем ты говоришь?

Ройал выбегает из дверей с бутылкой вина под мышкой.

— Какого черта ты здесь делаешь, Пандора? — говорит он резко.

Она еще раз затягивается и делает пару шагов к нему, выдыхая дым ему в лицо.

— Разве ты не знаешь? — она ухмыляется. — Что мне не разрешается находиться в Глиддене, или ты думаешь, что твой чертов член слишком хорош для меня? Теперь бегаешь с этой богатой сукой, поэтому не можешь увидеться со мной?

— Ройал, о чем она говорит? — я приближаюсь к нему.

— Это дочь моего босса. Пандора, — он стискивает зубы, когда произносит ее имя, и следит за каждым ее движением. — Мы иногда... тусовались. В свободное время.

— О, — говорю я. — О.

Вот где я ее видела. В автомастерской на прошлой неделе.

Она не похожа на ту женщину, которую я представляла себе рядом с Ройалом в те годы. На самом деле, она полная противоположность тому, что я себе представляла.

Хотя я не буду судить его. Округ Рикстон небольшой. Все умные, красивые и амбициозные девочки всегда переезжают на Манхэттен.

Ройал берет меня за локоть и кивает в сторону машины.

— Поехали, — говорит он.

Пандора морщит нос, бросает сигарету и достает из сапога бумагу и табак своими пальцами с облупившимся лаком.

— Ты знаешь? — Пандора смотрит прямо на меня.

— Что знаю? — спрашиваю я.

Ройал уводит меня от нее. Но она следует за нами.

— Ты знаешь, что он насильник? — кричит Пандора нам вслед. Мужчина, направляющийся внутрь заправки, останавливается, оглядывается, а затем продолжает идти. Женщина, заправляющая машину, делает шаг в сторону своего седана. — Это правда. Твой маленький рыцарь в сияющих доспехах — гребаный извращенец.

В ушах звенит, и я не могу заставить себя посмотреть на Ройала.

Насильник?

Его руки исследовали каждый сантиметр моего тела. Я чувствовала его член внутри. Его рот, пальцы, язык...

Мой желудок скручивает в узел, и я чувствую, как его содержимое спешит наружу.

Не говоря уже о том, что быть связанной с насильником — это самоубийство в карьере, когда ты учитель начальных классов. Никто, и я имею в виду — *никто* — не захочет, чтобы учитель их ребенка трахался с насильником.

На мгновение мое отвращение исчезает, и все приобретает красный оттенок. Голова кружится, сердце вырывается из груди. Я дрожу, но не боюсь.

Я в ярости.

Неудивительно, что он не хотел, чтобы я узнала.

Неудивительно, что он утаивал. Отвлекал. Оттягивал этот разговор.

Неудивительно, что мои родители не хотят иметь с ним ничего общего.

Мой разум наполняется всякими отвратительными, больными и ужасными предположениями, которые только может придумать, и мои ноги заплетаются, когда он ведет меня к своему «Челленджеру» и открывает дверь.

— Садись, Деми. Я все тебе расскажу.

Ройал

Семь лет назад

Я еду по шоссе в своем грузовике, на север к Сент-Шармейн, где моя пятнадцатилетняя сестра-подросток тратит большую часть своих дней на всевозможные неприятности.

В последний раз, когда я видел Мисти, она была под кайфом и демонстрировала самодельную татуировку с изображением креста, которую ей набил один из ее приемных братьев. Мы даже не религиозны, но она утверждала, что у нее были видения.

На следующей неделе я узнал, что ее исключили из школы.

Через неделю после этого ее задержали за кражу косметических принадлежностей и презервативов из местного магазина «Уолмарт». (*Прим.: американская компания-ритейлер, управляющая крупнейшей в мире розничной сетью, действующей под торговой маркой Walmart*). Менеджер магазина отпустил ее, но она заработала себе пожизненный запрет на посещение всей сети.

Она потерянная душа, и я не могу винить ее.

Она выросла, никогда не зная любви родителей. Не имея ориентиров, границ и ожиданий. Рядом с ней никогда не было такой семьи, как Роузвуды, которые приняли бы ее и относились к ней, как к своей.

Я знаю, что, черт возьми, я не был бы тем, кто я есть сейчас, если бы не Роузвуды. Они больше остальных были похожи на настоящую семью, которую я когда-либо знал.

Открыв окно, я позволяю ветру овеять мое лицо и мельком смотрю вниз, чтобы проверить свой телефон. Я не мог связаться с ней с тех пор, как получил от нее сообщение с просьбой о помощи.

Мисти связывается со мной только тогда, когда у нее возникают проблемы, и она нуждается в том, чтобы я выручил ее. И как ее старший брат, у меня нет выбора. У нее есть только я.

Больше никого.

Государство подвело ее, хотя никто не признает этого.

Она — одна из одиннадцати приемных детей в детском доме домашнего типа в Сент-Шармейне, и приемных родителей она не волнует, так же как и то, что она делает. Она поздно возвращается домой, будучи похожей на смерть, и они ей ничего не говорят.

Они благополучно проходят инспекции и визиты соцработников — и это все, что имеет значение.

Между тем, они сидят сложа руки и пользуются всеми преимуществами, которые им нужны. Деньги, которые должны были пойти ей на пропитание и жилье, она даже не видит. Она не должна быть такой худой, как сейчас, и она не должна носить мужскую одежду из департамента юниоров «Сирс».

Мисти рассказала мне, как она большую часть времени проводит у своей лучшей подруги, Сиары, дома. От ее отца, Рика, по моему телу бегут мурашки, но Мисти сказала, что он обращается с ней как папа. И она использовала это слово. Папа. Словно она в гребаном детском саду.

Рику не хватает нескольких зубов, его повседневная одежда состоит из дырявых джинсов и майки, а обветшалое дерьмо, которое он называет домом, наклонено влево, и краска отрывается от сайдинга тонкими изогнутыми полосками. Во дворе больше грязи, чем травы, а крыша провисает посередине. Я не могу заботиться о его дерьме, но, по крайней мере, благодаря ему моя сестра сыта и находится в окружении понимающих людей, и это больше, чем кто-либо другой из Сент-Шармейн когда-либо делал для нее.

Сегодня Мисти послала мне сообщение о помощи, когда мы с Деми возвращались с прогулки. В тексте было лишь наше секретное кодовое слово: ФЕВРАЛЬ. Февраль — это месяц, когда нас забрали от Моны и разлучили, и, как кодовое слово, февраль — это наш способ сказать: «Ты мне нужен. Это срочно».

Я всегда говорил ей: напиши слово, и я прибегу.

Никаких лишних вопросов.

Именно это я сейчас делаю.

Я заезжаю на подъездную дорожку и мое сердце колотится, когда я подъезжаю ближе к дому Сиары.

Я точно знаю, куда следовать, так как высадил ее там прежде, когда она просила, умоляла и кричала, чтобы я не возвращал ее в приемный дом. Она утверждала, что двое из ее приемных братьев издеваются над ней, заставляя показывать им свои сиськи, и пытаются прокрасться к ней в спальню ночью. Она утверждала, что спит с перекрытой комодом дверью, по крайней мере, когда она там ночует, но большую часть времени она находится у Сиары.

Наверное, это меньшее из зол.

Однажды я подал жалобу ее социальному работнику. Очевидно, претензии оказались необоснованными, потому что она ничего не предприняла, и жизнь, казалось, продолжилась для всех лиц, которые были вовлечены в это.

Но от мысли о том, что кто-то трогает мою младшую сестру, моя кровь кипит. В первый раз, когда она рассказала мне об этом, я разозлился. Я хотел убить этих ублюдков, если бы мне не помешала Мисти.

Она сказала, что угрозы только усугубят ситуацию, а я точно не хотел этого.

Когда я подъезжаю к дому Сиары и выскакиваю из своего грузовика, я слышу крики. Кричат люди. Мужчина и женщина.

Слышны хлопки дверью, грохот окон в передней части кривого дома. Когда я приближаюсь, лязгающие и дрожащие звуки становятся громче. Грузовик Рика припаркован снаружи, дверь со стороны водителя частично приоткрыта, как будто он собирался куда-то пойти, но передумал.

Или, например, как будто он схватил дробовик из салона грузовика.

Черт.

— Мисти! — я стучу в шаткую дверь и вхожу. У меня нет времени на гребаную вежливость. — Мисти, где ты?

В доме пахнет химикатами, и мои глаза начинают жечь, когда я вхожу. После нескольких вдохов мои легкие тоже горят.

— Ройал! — топот ног Мисти, бегущих вниз по лестнице, привлекает мое внимание. Она летит в мои объятия, ее щеки мокрые от слез, светлые волосы разлетаются во все стороны, а одежда вся разодрана. Опухшее лицо говорит мне о том, что этот чертов ублюдок ударил ее.

— Черт, Мисти. Что он с тобой сделал? — я откидываю волосы с ее лица, и ее темные глаза наполняются слезами. — Я убью его. Я, блядь, убью его за то, что он сделал тебе больно.

— Кто, черт возьми, в моем доме? — голос Рика доносится с верхних ступеней лестницы. Со своего места я слышу жесткий звон ремня, когда он застегивает рваные джинсы.

Рик большой мужик, и с каждым шагом, который он делает, лестница скрипит и трещит, а перила наклоняются.

— Ты просто зашел в мой дом? — выплевывает Рик.

— Что ты сделал с Мисти? — я делаю шаг вперед.

Сестра стоит за моей спиной, хватается за край моей рубашки и держится за меня, как за спасательный круг.

— Ты трахнул мою сестру? Мою пятнадцатилетнюю сестру? — спрашиваю я. — Ответь мне, придурок.

— Разве это твое дело, сынок? — Рик вытаскивает пачку сигарет из кармана и щелкает зажигалкой, сверкая самодовольной, желтозубой улыбкой, когда та загорается. — Что, считаешь, что ты гребаный детектив? Вломился в мой дом, требуешь объяснений, что, черт возьми, я со своей девочкой делаю в уединении в собственном доме?

Мой живот скручивает. Меня сейчас стошнит.

— Ты... Трогал мою сестру? — я поворачиваюсь к Мисти, и она смотрит вниз на грязный коврик под ногами. — Черт, Мис. Скажи мне, что ты не трахаешься с Риком. Тебе пятнадцать.

Возможно, Мисти видела и делала многое, чем большинство взрослых в этой жизни, но она все еще чертов ребенок.

Рик тяжело шагает, направляясь к нам, отталкивает меня за плечо и хватается за мою сестру за руку. Я тянусь к нему, отталкиваю его от нее, и он толкает меня так сильно, что я налетаю на соседний журнальный столик. Он ломается подо мной, осколки разбитого стекла впиваются мне ладони.

Я порезался, у меня идет кровь, но я не чувствую этого.

Все, что я вижу, это красный цвет перед глазами, и мне хочется убить этого гребаного ублюдка.

Поднимаясь, я отряхиваю стекло со своей одежды и прохожу мимо парадной двери туда, где Рик возится с Мисти. Он хватается за ее задницу, тиская ее, сдавливая, и она поправляет свою потертую рубашку, пытаюсь — но не сумев — прикрыться.

— Черт возьми, не трогай ее, — говорю я.

Рик поворачивается ко мне лицом, всматриваясь через свой огромный нос, насмехаясь. Он сбрасывает пепел с сигареты и выдыхает дым мне в лицо.

— Да? И что ты собираешься делать? — Рик насмехается. Он обнимает Мисти за плечи и она наклоняется вниз, умоляя о помощи своими темными глазами. Рик целует ее в лоб и смеется. — Мы влюблены. Твоя сестра любит меня. И она нуждается во мне. Разве это не так, детка?

Он поднимает ее длинную руку, ту, что она прятала и прижимала к своему телу с того самого момента, как я вошел.

Она вся покрыта шрамами.

И теперь я понимаю. Рик — ее поставщик. Он втянул ее в это, он подпитывает ее

зависимость и полностью контролирует ее.

Я должен увести ее отсюда. Я должен увезти ее из Сент-Шармейн. Она возвращается с мной в Рикстон Фоллс. Если потребуется, я буду умолять Роберта и Блосс принять ее, но она не может больше оставаться здесь.

Она умрет здесь.

Я должен спасти ее.

Я — единственный, кто действительно волнуется об этой потерянной пятнадцатилетней девчонке.

— Я спросил, — Рик подталкивает Мисти, — разве это не так, детка? Скажи своему брату, что любишь меня.

Нижняя губа Мисти дрожит, и на секунду я думаю, что она расстроена из-за того, что он ее принуждает.

— Я... прости, Ройал, — мое сердце останавливается от ее слов. — Я... я действительно люблю Рика. Я безумно люблю его.

Этот сорокалетний засранец светит своей гордой и самодовольной улыбкой.

— Видишь. Я же говорил.

— Ты ребенок, Мис. Ты не знаешь, что говоришь. Ты зависима. Ты от него зависима, поэтому боишься быть без него, — я протягиваю к ней руку, пытаюсь притянуть к себе. — Давай. Ты пойдешь со мной домой. Мы вытащим тебя из этой дыры. Тебе нужно лечение.

Мисти качает головой, большие слезы скатываются по ее пухлым щекам.

— Почему ты мне написала? — у меня низкий голос, не такой как всегда. Рик следит за каждым нашим движением с победной улыбкой, потому что знает, что бы я ни сказал, это не подействует на Мисти.

Вот как это работает с наркоманами. Наркотики всегда побеждают. За наркотиками всегда стоит последнее слово.

— Я думал, у тебя проблемы. Вот почему я пришел, — говорю я. — Что случилось?

Рик сжимает ее плечи, а затем грубо хлопает по спине.

— У нее просто была небольшая паника от препарата, вот и все, — говорит он, облизывая влажным языком свои кривые зубы. — Для нее это был первый раз. Она немного нервничала.

Не задумываясь, я отстраняюсь и ударяю его по челюсти правым хуком. Он спотыкается, опрокидывая пустой горшок для растений, и с силой ударяется затылком о стену, отчего на той остается вмятина.

Кажется, он отрубился на секунду, поэтому я хватаю Мисти за руку и тащу ее к двери.

— Мы уходим, — я зол, сжимаю ладонь до боли в кулак, отчего та пульсирует.

Она дергает руку назад.

— Я не хочу.

Рик поднимается, встает на ноги и натывается на меня, смотря так, словно он полузащитник и в двух секундах от того, чтобы наброситься на квотербека. Почти как в замедленной съемке я вижу, как он откидывается назад, а затем делает выпад. Мисти блокирует его, и он толкает ее на землю. Она взвизгивает, когда приземляется на локоть, и я бросаюсь в ее сторону.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Она сжимает локоть другой рукой и кивает, зубами впиваясь в нижнюю губу.

— Все, пойдём, — я поднимаю ее на ноги. Как только посажу ее в грузовик, сразу

позвоню в полицию, чтобы поговорить с ними. И я сделаю все, чтобы быть уверенным, что его посадят на долгий срок за изнасилования. Хранение и распространение наркотиков. Нападение. Все на свете.

— Ты никуда с ней не поедешь, — Рик хватает Мисти за запястье, чуть не ломая его, и вырывает ее, как чертову тряпичную куклу.

Бьюсь об заклад, Мисти весит не больше тридцати шести килограммов.

— Детка, ты же знаешь, я люблю тебя. Я никогда не сделаю ничего, чтобы причинить тебе боль, — Рик приглаживает свои волосы мясистыми пальцами, и она смотрит в его глаза одновременно с любовью и страхом. — Там, наверху, случилось недоразумение. Это был не я. Ты настолько чертовски сексуальна, что я не мог устоять. Я не мог ждать. И ты была *так* хороша.

Меня сейчас стошнит.

— Детка, ты мне нужна. Не уходи с ним. Он твой брат, но ему наплевать на тебя. Появляется только тогда, когда у тебя проблемы, словно он какая-то нянька.

Моя грудь горит. Я чертовски ненавижу то, что Рик прав. Я должен был больше находиться здесь, рядом с сестрой. Я должен был быть рядом и в хорошие времена, а не только в плохие.

— Ты все еще любишь меня? — спрашивает Рик, смотря на мою сестру обманчивыми, щенячьими глазами. Уверен, она изголодалась по этим словам. Не удивлюсь, если она сможет посчитать на пальцах одной руки, сколько раз в своей жизни ей приходилось слышать эти слова. И я уверен, что Рик это знает. Он извлекает выгоду из этой сломанной, хрупкой девушки, которая не хочет ничего больше, чем кого-то, кто смог бы позаботиться о ней.

— Ты знаешь, я бы все для тебя сделал, детка, — Рик целует ее в лоб, притворяясь, что меня здесь вовсе нет. Его голос мягкий и нежный, как у любящего партнера, как у того, кто хочет защитить ее, сохранить в безопасности, тепле и радости. Он ведет себя так, словно не насиловал и не избивал ее час назад. — Ты мой мир, Сахарная пчелка.

Мисти дарит ему *улыбку*.

Гребаную улыбку.

— Он манипулирует тобой, — я пальцами цепляюсь за шлевки и качаю головой. — Не слушай его, Мисти. Он нахрен изнасиловал тебя. Ты уезжаешь со мной. И я звоню в полицию. Рик — гребаный монстр, и я хочу быть уверенным, что его запрут на долгие, долгие десятилетия.

Улыбка Мисти исчезает, и ее глаза округляются. Она поворачивается к Рику, хватая ткань его рубашки, и цепляется за него так, как прижималась ко мне некоторое время назад. Я узнаю это выражение лица. Она в ужасе. Ей страшно потерять единственного мужчину, который заставляет ее чувствовать себя любимой. И, по совпадению, единственного человека, который сохраняет ее зависимость к наркотикам и в то же время удовлетворяет ее.

— Не позволяй ему, Сахарная пчелка, — кричит Рик. — Если приедет полиция, они запрут меня навсегда. Увезут. И ты меня больше не увидишь, может, только когда будешь давать показания против меня в суде. Ты бы не хотела этого делать сейчас, не так ли? Отпустить меня? Никто не полюбит тебя так, как я. Ты же знаешь это.

Мисти кивает, облизывая слезы с губ.

— И тебя они тоже закроют, — добавляет Рик. — Ты же знаешь, они найдут основания засунуть тебя в тюрьму для несовершеннолетних, а тебе там не место. Ты же не хочешь

уезжать отсюда, да, детка?

Она смотрит на меня, потом на Рика, потом снова на меня.

— Я люблю его, Ройал, — говорит она надрывно. — Я знаю, ты не это хотел услышать, но я *безумно* его люблю. И он прав. Ты приходишь лишь тогда, когда у меня проблемы. А Рик всегда был здесь, за моей спиной, и он любит меня, словно я величайшая женщина в мире.

Захватив горсть своих волос, я дергаю концы и вглядываюсь в грязный ковер настолько внимательно, что у меня начинают болеть глаза. Она думает, что влюблена, и чертов *Рик* — ее первая любовь. Я знаю из первых рук, насколько сильной может быть первая любовь. Эта связь, будь то рациональная или иррациональная, неразрывна.

— Ты, детка, — добавляет Рик, глядя ее костлявую спину, — ты самая лучшая женщина в мире. Черт, детка, ты *мой* мир.

Я отказываюсь стоять здесь и смотреть на то, что он делает с ней. Она слишком молода, чтобы понимать происходящее, и слишком зависима от заботы.

Но мне не все равно. Я чертовски волнуюсь и виню себя за происходящее.

У меня был грузовик с того дня, как мне исполнилось шестнадцать. Я мог бы приезжать чаще. Конечно, поездка занимает три часа, но я мог бы приложить больше усилий, чтобы чаще находиться рядом, чтобы иметь большее влияние и проводить с ней больше времени.

Это все моя вина. Я подвел ее как старший брат. Но я собираюсь исправить это сейчас.

— Пойдем, Мисти, — я дергаю ее за руку и в последний раз тащу ее к дверям. Моя хватка на ее запястье жесткая, такое чувство, что даже сломать, но я не отпускаю. Она поедет со мной, и ни черта она с этим не поделает.

— Ройал, отпусти! — Мисти корчится и отбивается, сопротивляясь мне, как щенок, сражающийся с поводком. — Я не хочу идти с тобой! Я ненавижу тебя! Я ненавижу тебя! Я ненавижу тебя!

Мисти бьет меня и пинает по ногам, вертит головой из стороны в сторону, отчего волосы прилипают к ее заплаканному лицу.

— Успокойся, черт побери, — говорю я сквозь стиснутые зубы. — Не отбивайся от меня.

— Остановись! Ты причиняешь мне боль, Ройал, — кричит она. — Не делай этого. Не делай этого, пожалуйста...

Ногтями она царапает кожу на моих руках до такой степени, что начинает идти кровь. В течение нескольких секунд я становлюсь весь покрыт царапинами.

— Отпусти ее, Ройал, — кричит Рик.

Я оглядываюсь на него, он стоит, скрестив руки на груди, со своей классической самодовольной ухмылкой и с телефоном в руке. Он не пытается прийти ей на помощь, а просто стоит там, будто смотрит на гребаного Джерри Спрингера.

— Какого черта ты делаешь? — спрашиваю я.

— Убеждаюсь, что ты не сделаешь ничего глупого, — говорит он.

Я отпускаю Мисти, и она с взъерошенными волосами падает на пол в кучу потрепанной одежды.

— Что, черт возьми, это значит? — я мчусь через всю комнату, и он засовывает свой телефон в задний карман, поднимая руки и пожимая плечами.

— Ты попадешь к полицейским, — говорит он, — и я удостоверюсь в том, чтобы именно ты был тем, кого закроют на очень долгое время.

— Я ничего не делал, — выплевываю я слова.

Он вытаскивает свой телефон, включает аудиозапись, которую только что успел записать, с кричащей сестрой, умоляющей меня остановиться, и что я делаю ей больно.

— Пошел ты, Рик, — рычу я. — К черту. Тебя.

Он смеется, указывая на то, что моя сестра идет к нему. Они плюхаются на диван вместе, и она поднимает свои ноги вверх, прижимаясь к нему, как собачка к его ногам.

Я не могу поверить, что это происходит.

— Лучше бы тебе уехать, сынок, — Рик кивает на дверь, затем обнимает мою сестру, положив руку на ее задницу, как будто владеет ею.

К черту это.

Я не могу заставить ее пойти со мной.

И я уверен, черт возьми, что не хочу сесть в тюрьму за то, чего не совершал.

Боже, я даже не могу представить, что подумали бы Роузвуды, если бы меня обвинили в том, что я что-то сделал со своей младшей сестрой. От одной этой мысли мне становится плохо.

— Отлично. Я уйду, — я берусь за ручку входной двери. — Но ты должна знать, Мисти, что этот человек тебя не любит. Он использует тебя. Манипулирует тобой. А я? Я семья. Я всегда буду любить тебя, несмотря ни на что.

Затем я уйду.

Мне больше нечего делать здесь, но надеюсь, что она придет. Надеюсь, она одумается. И надеюсь, что она не умрет от передозировки, прежде чем у нее появится возможность что-то сделать самой.

Я на полпути к Рикстон Фоллс, нервы до сих пор на пределе, и тело все еще дрожит от ярости, когда красно-бело-синие огни начинают мелькать в зеркале заднего вида. Быстрый взгляд на спидометр говорит мне, что я едва превысил скорость.

Привстав, я вытаскиваю свой кошелек из заднего кармана и достаю права. Мои руки покрыты кровью и царапинами, оставленными ногтями Мисти.

Блядь.

Ничем, кроме джинсов и футболки, невозможно это скрыть.

Ослепительно-желтый свет от фонарика направлен мне в лицо, поэтому я не могу разглядеть лицо полицейского.

— Ройал Локхарт? — спрашивает женский голос. Свет опускается, и я вижу ее. Непроницаемое лицо. Закаленный взгляд. Нулевая симпатия. На табличке с надписью на груди выведено: ЗАМЕСТИТЕЛЬ ШЕРИФА МАРТИНЕС.

— Да?

— Сэр, выйдите из машины и положите руки так, чтобы я могла их увидеть.

Я практически ощущаю, как вся краска уходит с моего лица, и когда я пытаюсь проглотить ком, ничего не происходит. У меня перехватывает дыхание. Грудь болит.

Это не простая остановка из-за превышения скорости.

Я медленно выхожу и поднимаю руки вверх. Другой автомобиль с полицейскими припаркован за машиной заместителя шерифа Мартинес, а третий появляется в облаке пыли.

Что. За. Херня. Происходит?

— Ройал Локхарт, вы арестованы за сексуальное нападение на несовершеннолетнюю, — в ее голосе присутствует недовольство, и от звука ударов сердца в ушах я слышу ее словно издалека, при том, что она стоит прямо за мной. От звона наручников мои внутренности сжимаются в узел. — У вас есть право хранить молчание. Все, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. У вас есть право на адвоката...

Я глотаю воздух, будто тону. Когда металлические манжеты сжимаются вокруг моих запястий, я закрываю глаза.

Это все плохой сон.

Нет, это кошмар.

Заместитель шерифа Мартинес подводит меня к задней части ее машины и давит своей рукой мне на макушку, когда толкает меня внутрь. Я приземляюсь на колени и, с руками за спиной, принимаю нормальное положение.

Наручники врезаются в костяшки на моих запястьях. Я оглядываюсь на заднюю дверь грузовика. Обе двери в кабину открыты, и два полицейских осматривают его, словно что-то ищут.

Они возвращаются с белым мешком, предназначенным для улик, заполненным хрен знает чем. Все, что у меня было, это пара толстовок, несколько пачек жевательной резинки, полупустая бутылка «Геторейд» (*Прим.: Энергетический напиток компании PepsiCo*) и дополнительная пара кроссовок.

Спустя некоторое время заместитель шерифа Мартинес забирается на переднее сиденье и подносит рацию к губам.

— Мы поймали его. На обратном пути.

На заднем сиденье ничего нет, кроме металла. Металлическое сиденье. Металлические стержни.

Я как животное, запертое в чертовой клетке.

С каждой ямой на дороге меня откидывает на спину, голова бьется о сетку на окне. Мартинес ничего не говорит, но я не уверен, чего ожидать. Вряд ли полицейские должны выразить свою признательность за мое сотрудничество.

Я делаю четыре глубоких вдоха и снова закрываю глаза, сопротивляясь желанию кричать на эту женщину, что я невиновен.

Я не сделал ничего плохого, кроме как попытался спасти свою сестру от того гребаного хищника, которого она считает любимым.

Роберт сказал бы мне держать язык за зубами, пока сам не приедет, вот что я и буду делать.

Первым делом я позвоню ему и все исправлю.

И уже вечером мы отправимся обратно в Рикстон Фоллс. И я смогу увидеть Деми. И смогу забыть об этом.

Боже. Деми. Я так по ней скучаю.

С плотно закрытыми глазами я концентрируюсь на том, как хорошо будет снова почувствовать ее. Оставить все позади и потеряться в ее прекрасных голубых глазах, ощутить ее вкус на своем языке и почувствовать ее запах на своей коже.

Я люблю ее больше, чем кого-либо в жизни.

Деми Роузвуд — и *есть* моя жизнь.

Просто я должен пережить сегодняшний вечер.

И завтра я увижу ее снова.

Деми

— Деми. Деми, скажи что-нибудь, — прикосновение Ройала к моей руке выводит меня из кататонического транса. *(Прим.: Кататонический транс (ступор) проявляется тем, что человек может в течение длительного времени сохранять неудобную, неестественную позу, не чувствуя при этом утомления).*

Он жертва, но я сижу здесь, эмоционально выпотрошенная, пытаюсь переварить все, что он мне сказал.

Он вел машину. Ройал проехал много километров, рассказывая свою историю. Делился каждой болезненной деталью. И сейчас мы припарковались у его квартиры. Его машина припаркована рядом с моей, словно он молча говорит мне, что поймет, если я захочу оставить его.

Я поворачиваюсь к Ройалу с глазами, до краев наполненными сердечной болью и солеными слезами, и прыгаю на него. Оборачиваю руки вокруг него, все мое тело трясет, и я прижимаюсь головой к его плечу.

Образ девятнадцатилетнего Ройала, испуганного, ложно обвиненного, по ошибке обнадеженного... Посылает глубокую, жгучую боль сквозь мою грудь.

— Ты... ты веришь мне? — прерывисто шепчет он мне на ухо. Я пытаюсь ответить, но ничего не получается. Мои слова застряли, зажаты в горле, поэтому я решительно киваю.

Я отстраняюсь и подношу руки к глазам, вытирая мокрые потеки. Наши взгляды встречаются, и все эти темные чувства, которые испытывала к нему, смягчаются, тают.

— Почему ты думал, что я тебе не поверю? — в моем голосе слышны нотки упрека, но я все еще люблю этого человека, сильнее всех на всем белом свете.

— Тогда мне никто не верил, — говорит он. — Твой отец... — он останавливается, с трудом сглатывая и оглядываясь. — Твой отец был единственным, кому я позвонил, — продолжает он. — Он пришел в участок поздней ночью, успокоил меня. Все было хорошо, пока ему не показали полицейский отчет. И запись. Разорванную одежду. Физические следы. Он прочитал заявление моей сестры и Рика, в котором утверждалось, что я пытался изнасиловать свою сестру, и что Рикун пришлось оттолкнуть меня от нее и выгнать из дома. Очевидно, у них было время подготовиться, когда я ушел...

Я прижимаю дрожащую руку к губам.

— Моих слов оказалось недостаточно для твоего отца, — говорит Ройал. — Он сказал, что дело против меня слишком серьезное, улики неопровержимы. Он не верил мне. Сказал, чтобы я работал с адвокатом, назначенным судом, и никогда больше не приходил к тебе и остальным членам семьи. Я никогда в жизни не чувствовал себя бóльшим куском дерьма, чем тогда.

— Но ты ничего не сделал.

— В точку.

Я переплетаю наши пальцы, крепко сжимая.

— Я ничего не имею против твоего отца, — говорит Ройал. — Улик против меня было достаточно, и он просто думал о своей дочери. Не могу сказать, что поступил бы иначе, будь

я на его месте, но, черт возьми, это был худший день в моей гребаной жизни, Деми.

Я наклоняюсь к нему и прижимаюсь щекой к его груди, вдыхая запах его рубашки и положив ладонь на его теплую щеку.

— Мисти и Рик, — говорит он. — Они подставили меня.

— Ты пытался рассказать полиции, что на самом деле произошло?

— Конечно. Они мне не поверили. С той секунды как надели на меня наручники, они относились ко мне так, будто я был виновен, и каждый раз, когда я рассказывал, что случилось, они смотрели на меня прищуренными глазами. Вряд ли что-то записывали.

— Что сказал твой адвокат?

— То же самое, что и твой отец. Улики против меня были неопровержимы. Он сказал, что если мы пойдем с этим в суд, я не смогу выйти свободным человеком. У них были признаки нападения, мои ДНК под ее ногтями, обвинение и два свидетеля. У меня не было шанса. Меня ожидали семь лет за решеткой и пятнадцать лет условного срока. Вот почему я согласился на сделку. Я отсидел два с половиной года из пяти лет лишения свободы и должен зарегистрироваться в качестве правонарушителя еще десять лет.

— Боже, Ройал.

— Да. Так. Вот что я пережил за последние семь лет.

— Так вот почему тебе было так некомфортно с Мисти.

— Некомфортно? Да. По меньшей мере.

— Она знает правду? Разве ты не можешь заставить ее пойти в полицию и признать, что она солгала? Как насчет Рика?

— Рик умер несколько недель назад. И Мисти никогда не признается в том, что сделала что-то не так. На днях она сказала мне, что «пережила» все случившееся со мной, и мне тоже нужно.

— Ничего себе...

Я смотрю на этого человека, на этого прекрасного человека с такой прекрасной душой и с присущей ему прирожденной добротой. Сердце, которое бьется у него в груди, больше и лучше, чем у кого-либо другого.

Ройал не заслуживает этого позорного прозвища.

Он не преступник.

Ройал

Боже, как здесь жарко. Это гребаная сауна. Я задыхаюсь здесь.

Выйдя из машины, я приветствую холодный воздух и расстегиваю куртку. Спрятав руки в карманах, я прислоняюсь к капоту и смотрю на пустую прачечную передо мной.

Слышится щелчок, закрытие пассажирской двери и шаги, приближающиеся ко мне. Деми скользит руками под мою куртку, оборачивая их вокруг моей поясницы, и прижимается лбом во падину ниже подбородка, что идеально соответствует ей.

— Я был чертовски напуган, Деми, — говорю я горько. — Из всего того ужасного, что произошло, находиться вдали от тебя было наихудшим.

Она обнимает меня крепче.

— А когда я вышел? И увидел тебя счастливой с другим мужчиной? Черт, это убило меня. Это все равно, что снова потерять тебя. Ты жила дальше, а я застрял, переживая лучшие дни в моей жизни. Тебе было лучше без меня, и у меня не было ничего, кроме кучи воспоминаний.

Деми поднимает свой взгляд ко мне, наморщив лоб.

— Я не была счастлива, Ройал, — говорит она.

С неба падают снежинки, и Деми дрожит, прижимаясь всем телом ко мне, чтобы не замерзнуть. Подняв ее лицо за подбородок и опустив голову, я прижимаюсь к ее сладким губам влажным поцелуем.

— Черт возьми, я так тебя люблю, — произношу я между нежными поцелуями, пальцами зарываясь в ее темные волосы.

— Я тоже тебя люблю.

Я целую ее снова и снова, мои губы украшают каждый сантиметр ее шеи горячими отметинами, которые испаряются в холодной ночи.

— Куда мы пойдём? — спрашиваю я.

Ее ресницы трепещут под весом крошечных снежинок, когда она смотрит в темное окно моей квартиры.

— Давай зайдём внутрь, — рукой она скользит вверх по моей спине к шее, и приподнимется на носочки, чтобы прижаться своими губами к моим.

Я накидываю свою куртку на ее плечи, и мы направляемся внутрь. Когда мы поднимаемся по узкой лестнице к моей квартире, Деми расстегивает пряжку моего ремня, а я вжимаю в кулаке ее волосы. Кажется, она собирается оседлать меня прямо здесь, в коридоре.

Она поднимает голову, снова целует меня и скользит рукой по моим штанам. Мы натыкаемся на дверь квартиры, и я уже близок к тому, чтобы ее выбить, когда ключ застревает в замке.

Захлопнув за собой дверь, я беру Деми на руки и укладываю ее посреди своей неубранной кровати.

Она то улыбается, то хмурится, словно не уверена, чем это будет — глупой затеей или способом, показывающим, как сильно она все еще любит меня, и доказывающим, насколько

она мне верит.

Нависая над ней, я снимаю с нее рубашку, мой член пульсирует и болит каждый раз, когда она извивается подо мной.

— Я люблю тебя, — в ее словах слышится потребность, в голубых глазах читается сладкая просьба. — Я так тебя люблю, так сильно.

Языком прохожусь по изгибам ее живота к кружевным чашкам ее лифчика. Отодвигая их в сторону, я беру ее розовые соски в рот, один за другим. Каждый сантиметр этой женщины, внутри и снаружи, вызывает привыкание. Каждый ее сантиметр был создан для меня.

— Я так тебя люблю, черт возьми, что от этого больно, — я выдыхаю свои слова в ее атласную кожу.

Деми цепляется за меня, прижимая ближе к себе, и наши губы встречаются в жадном, ненасытном поцелуе.

И когда я смотрю в ее глаза, я знаю, что она моя.

В этот раз навсегда.

Ничто не сможет нас разлучить. Я не позволю.

Ройал

В пятницу утром, спустя пять минут после отъезда Деми, раздаётся стук в дверь. Выглянув в окно, я ничего не вижу, кроме следов шин на дороге, где ночью стояла машина Деми.

Накинув футболку и поправив свои штаны, я открываю дверь.

— Не делай этого, не делай, — Мисти поднимает руку, прижимая ладонь к двери, чтобы я не смог ее захлопнуть. — Выслушай меня, Ройал.

— Какого хрена ты здесь делаешь? Я сказал тебе не приезжать сюда, — я сжимаю челюсть.

— Впусти меня, Ройал. Я хочу поговорить.

— Нет.

Я толкаю дверь, но Мисти блокирует ее носком ободранного ботинка.

— Я чиста. Клянусь. И я хочу поговорить с тобой. Это действительно важно, — Мисти нервничает, ее пальцы дергаются, и она кусает губу. Ее темные глаза сегодня ярче, чем обычно, и кожа кажется более светлой, чем это было всего лишь день назад. — Просто удели мне пять минут своего времени, и после этого ты никогда не увидишь меня снова. Обещаю.

— Нет.

— Это о той ночи, — она вздыхает, опустив взгляд в пол. — В рамках моего лечения наркомании я должна извиниться перед людьми, которых обидела.

— Что, черт возьми, изменят твои извинения, Мисти? От этого мое имя исчезнет из реестра преступников? Это вернет мне мою семью?

— Твою семью? — она морщит нос. — Ты имеешь в виду Роузвудов?

— Чертовски верно, я имею в виду Роузвудов. Они были единственной моей семьей, и я потерял их из-за тебя и твоей чертовой отвратительной лжи. Они никогда не посмотрят на меня как прежде, после того, что ты сделала. Мое доброе имя опорочено. Я теперь гребаный мусор. Этого *никогда* не должно было случиться.

— Мне очень *жаль*, Ройал, — она произносит это как ребенок, пытающийся уйти от наказания, будто возмущена тем фактом, что она должна извиняться.

Этого, черт возьми, недостаточно.

— Ты разрушила мою жизнь, Мисти, — я бью кулаком по стене рядом с дверью, оставляя глубокий отпечаток. Моя сестра подпрыгивает и отступает назад. — Я должен был стать адвокатом. Я должен был жениться на Деми. К этому моменту я должен был быть гребаным семейным человеком, жить той жизнью, которой должен был жить.

Мисти прячет светлые пряди за ухо, ее подбородок дрожит, когда она смотрит на меня щенячьими глазками.

— Я запуталась, Ройал. Я знаю. Но это в прошлом. Я не знаю, как это исправить, но мы должны двигаться дальше.

— Ты... Ты не знаешь... Ты не знаешь, как это *исправить*? — саркастический смех вырывается из глубины груди. — Серьезно? Ты что, слабоумная, Мисти?

Ее глаза блестят, наполняясь слезами, и спустя пару секунд они уже текут по ее щекам.

— Скажи чертову правду! — кричу я на нее. — Сходи в полицию и скажи, что ты солгала. Скажи им правду о том, что на самом деле произошло.

Она фыркает, вытирая крупные слезы рукавом своей рубашки.

— Рик, изнасиловал тебя, Мисти, — говорю я. — Я подъехал, чтобы *помочь* тебе. А ты *разрушила* мою жизнь.

— Если я скажу правду, — рыдает она, — то попаду в тюрьму.

— Что? — я раздражен. — Ты не думаешь, что заслуживаешь этого — провести немного времени за решеткой? Думаешь, тебе следует остаться невредимой после того, что ты совершила? Ты хоть *понимаешь*, какой была моя жизнь в течение последних долгих семи лет?

Мисти закрывает лицо руками и кричит. Приглушенные крики — единственный ответ, который я получаю.

— Скажи правду, Мисти. Ты не можешь изменить то, что вы с Риком сделали той ночью, но ты можешь вернуть мне мое доброе имя. Это меньшее, что ты можешь сделать, ты так не думаешь? Я просто хочу вернуть свое гребаное имя. Хочу, чтобы все узнали, что ты солгала в ту ночь, хочу, чтобы мое имя исчезло из проклятого реестра насильников.

— Я не хочу попасть в тюрьму, Ройал, — ее губы дрожат.

Я ухмыляюсь.

— Разве я должен жалеть тебя?

Она качает головой.

— Я знаю, что облажалась. Я знаю, что сделала. Если бы могла вернуть все обратно, я бы так и сделала. Я просто хочу, чтобы ты простил меня. Я никогда не чувствовала себя более одинокой, чем теперь, когда умер Рик. Ты и мама — это все, что у меня есть. У меня даже нет друзей. Рик никогда этого не хотел. Черт, он почти не выпускал меня из дома. Держал меня так крепко, как змея, поэтому я осталась с ним рядом.

Я приподнимаю бровь.

— Значит, ты допускаешь, что он был кучей дерьма?

Мисти закатывает глаза.

— Да. Я встречаюсь с консультантом в центре по борьбе с зависимостью, и она помогает мне увидеть картину в целом. Рик использовал меня.

— Я давным-давно пытался сказать тебе это.

— Я действительно думала, что он любил меня, — она вытирает еще одну слезу. — Все, чего я когда-либо хотела, чтобы кто-то любил меня.

— Я любил тебя.

— Но этого было недостаточно. Мне нужен был человек, который хотел бы меня видеть каждый день. Кто заставлял бы меня чувствовать себя особенной. Любил бы меня в более глубоком смысле. Не было ничего неправильного в том, что ты делал, Ройал. Но мне это было нужно в то время, и Рик дал мне это, — Мисти пожимает плечами, поднимая глаза на меня. — Он угрожал мне той ночью. Придумал всю историю. Сказал мне, что говорить полиции. Сказал, что если я этого не сделаю, он убьет тебя и заставит меня трахаться со всеми его друзьями, а сам будет наблюдать за этим.

— Боже, Мисти, — я опускаю голову. Крошечный кусочек моего сердца хочет защитить сестру, но я так долго ненавидел ее, что часть, отвечающая за сочувствие, выдает сбой. Она проверенная лгунья. Это может быть просто очередной ее ложью. Еще одной манипуляцией.

— Я люблю тебя, Ройал. Ты можешь не любить меня, но ты мой брат. Единственный,

который у меня есть. И я буду любить тебя вечно, — она обнимает себя тощими руками, рукава свитера свисают с ее пальцев. — Это было нелегко для меня. Прийти сюда. Сказать тебе, что сожалею. Но я надеюсь, что когда-нибудь ты сможешь найти силы в своем сердце, чтобы простить меня. Если не для меня, то для себя.

Она звучит как робот, будто повторяет строки, которые ее наставник скормил ей, но, по крайней мере, она здесь. Я не буду сбрасывать со счетов тот факт, как тяжело ей было прийти к моему порогу после последней встречи.

— Мисти, — я умышленно медленно вздыхаю и отступаю. — Просто расскажи чертову правду. Сходи в полицию, и скажи правду. Сделай все правильно.

С полными слез глазами она снова опускает взгляд вниз. Ее губы растягиваются в сладостно-горькой улыбке, когда она поднимает глаза на меня. Мисти открывает рот, словно собирается что-то сказать, но затем останавливается.

Моя сестра уходит, как чертова трусиха, которой она и является.

Демид

Неделю спустя

— Брукса перевели в реабилитационный центр, — говорит мама в пятницу утром, наливая две чашки кофе: одну для себя, другую для папы. Она поворачивается ко мне с напряженным выражением лица. — Знаю. Я знаю, что тебе все равно, но подумала, что ты захочешь об этом знать.

Я пожимаю плечами.

— Без разницы. Я уверена, что Афтон сидит рядом с ним, стараясь выполнить каждую его прихоть и обсуждая, в какой цвет покрасить детскую.

Мама бросает на меня сердитый взгляд, но ее ухмылка выдает ее истинное мнение.

Я следую за ней в зал, где папа читает газету с программами передач, а на заднем фоне слышится громкий шум. Мама берет пульт и делает звук тише примерно на тридцать пунктов.

— Ты оглохнешь, Роберт, — она похлопывает его по колену, и он смотрит на нее поверх своих очков.

Поставив свою чашку на подстаканник, она погружается в свое любимое кресло и скрещивает ноги.

Я сажусь на диван, находясь теперь посередине между ними.

Прошла неделя, как Ройал мне все рассказал, и на прошлой неделе я изо всех сил пыталась найти подходящее время, чтобы попросить родителей выслушать его. Дать ему шанс высказаться. Что карты были сложены против него, и у него никогда не было шанса.

Но последний разговор о Ройале в кругу семьи крутился у меня в голове. Просто упоминание одного лишь имени пару недель назад отправило отца прямо к бутылке красного вина, а маму заставило плакать.

— Что ты делала в последнее время, Деметрия? — папа делает глоток кофе и подталкивает свои очки к переносице. — В последнее время я редко видел тебя. Как продвигается работа?

— Я работаю над заключением соглашения к весне. В Глиддене есть учительница, которая со дня на день ждет появления малыша, поэтому мне нужно будет заменить ее на несколько месяцев в следующем семестре, — я барабаню пальцами по столу. Ненавижу то, что мне приходится нервничать из-за родителей.

Я должна сказать им.

Прямо сейчас.

Потому что Ройал настоял на том, чтобы сегодня утром поговорить с ними, и я не могу допустить его неожиданное появление.

— У меня есть... — я проглатываю свои слова и собираюсь с силами. — В последнее время я больше времени провожу с Ройалом.

Папа бросает газету на колени. Мама мягко прочищает горло и скрещивает ноги, когда их взгляды встречаются через всю комнату.

— Он рассказал мне, что случилось, — говорю я. — Он мне все рассказал.

Отец складывает газету, на его лице появляется встревоженное выражение.

— Папа, как ты мог? — слова застревают у меня в горле. — Он нуждался в тебе. Ты был для него единственным шансом на спасение. Он воспользовался правом на *единственный* телефонный звонок, выбрав тебя. И ты оставил его на съедение волкам.

— Доказательства против него были убедительными. У меня не было выбора, — его слова звучат словно взрыв в тихой комнате.

Мама опускает взгляд на свою чашку с кофе, и я уверена, что она хочет выйти из комнаты. Разговор о Ройале снова расстроит ее, но ей нужно это услышать.

— Мама, ты знаешь, что произошло той ночью? — спрашиваю я. — Папа рассказывал тебе?

— О, гм, — она поднимает взгляд на отца, затем смотрит на меня. — Он рассказал мне некоторые моменты, да.

— Вы знали Ройала так же хорошо, как любого из нас. Вы могли хоть на мгновение поверить, что он совершил что-то настолько ужасное? — спрашиваю я.

— Никто из нас не хочет в это верить, Деми, — говорит отец. — Но улики говорят сами за себя.

— Значит, за все годы судебно-прокурорской практики у тебя никогда не было случая, когда кого-то ложно обвинили и осудили? — спрашиваю я.

— Это случается, но крайне редко. У правовой системы есть свои недостатки, бесспорно, и подобные дела быстро открывают и закрывают, — его густые брови взлетают вверх, а губы сжимаются. — Я проанализировал его случай так, как анализирую все свои дела, — объективно и без эмоций. Суд их не терпит. Это искажает наше мышление. Я обращался с ним как с потенциальным клиентом, а не с членом семьи, и дал ему лучшее юридическое заключение, я поступил в то время так, как посчитал нужным для всей нашей семьи.

— Да, хорошо, но он был для тебя как сын. Ты мог бы хотя бы отнестись к нему с некоторым сочувствием, — говорю я.

— Деми, — предупреждает мама.

— Ему было девятнадцать, и он был в ужасе, — говорю я.

Звонок в дверь прерывает нас, и все мы одновременно обращаем свои взгляды в коридор.

— И теперь он здесь, — я встаю, чтобы открыть дверь, отчего мои родители теряют дар речи.

Представляя, как они отреагируют, когда увидят его снова после всего этого времени, мне становится тяжело дышать, но это произойдет. Ройал хотел приехать сюда. Он хотел поговорить с ними лично.

— Привет, — я открываю дверь и обнимаю его, приветствуя целомудренным поцелуем. Когда я смотрю на него, у меня в животе порхают бабочки. Он нарядился. Никакой грязной, серой рабочей формы. Никаких джинсов и футболок. Он одет как уважаемый джентльмен, в серых брюках, рубашке на пуговицах и в свитере.

Он невероятно привлекателен в любом виде, но я все еще ухмыляюсь, потому что кажется, будто Дерек выбирал ему одежду. Я хочу, чтобы брат был здесь, а не в офисе моего отца. Этим двум нужно воссоединиться. Дерек никогда этого не признавал, но потеря Ройала, как друга, глубоко его ранила. Я видела, что он подружился с Бруксом, но все равно всегда держался на расстоянии.

— Пошли. Они ждут, — говорю я.

Ройал подает мне руку, и я улавливаю кончик белой бумаги, торчащей из его заднего кармана. На первый взгляд кажется, что это конверт.

Папа поднимается, когда входит Ройал. Воздух густой, настроение напряженное, но через несколько секунд Ройал протягивает ему руку.

— Сэр, — говорит он. — Рад вас видеть.

Папа кивает, крепко сжимая его руку.

— Присаживайся.

— Блсс, — Ройал улыбается маме, и она улыбается в ответ, ее глаза словно остекленели, а рука прижата к груди. Я уверена, что увидев его взрослым спустя такой большой промежуток времени, вызывает массу эмоций у женщины, которая когда-то любила его так, словно он был ее собственным ребенком.

Ройал вытаскивает белый конверт из кармана, прежде чем садится, разворачивает его и достает лист бумаги.

Я понятия не имею, что это такое, и не знала, черт возьми, что он что-то принесет с собой. Он только сказал мне, что хочет поговорить с моими родителями.

— Это вам, — он передает лист моему отцу, который поправляет очки и щурится, когда читает.

Подбородок отца выдается вперед с каждой секундой, а затем он наклоняет голову. Когда он заканчивает читать, складывает лист пополам и кивает, смотря на Ройала более мягким взглядом.

— Что? Что это? — спрашивает мама. — Что там написано?

— Это копия полицейского заявления, — говорит папа. — Обвинитель Ройала, Мисти Локхарт, забрала свое заявление и отказалась от обвинений.

Лицо мамы озаряется, и она прижимает руки к груди. Ее взгляд мечется от отца к Ройалу и обратно.

— Когда это случилось? — я обнимаю Ройала. — Я не имела представления. Ты не говорил мне...

— Это пришло сегодня вместе с письмом от окружного прокурора из Сент-Шармейн, — он борется с улыбкой, которая вот-вот расплывется по всему его лицу. — Они работают над очисткой моего имени.

— О, Боже мой, — я крепче сжимаю его. — Ройал.

— Я знаю, — говорит он, уткнувшись лицом в мою шею.

Папа прочищает горло, и я освобождаю Ройала от объятий. Мой отец встает, и Ройал следует его примеру.

— Мне нужно в офис, — говорит папа.

— Роберт, — мама смотрит на него искоса.

Мой отец редко ошибается; но всегда первым укажет на ошибку. Это также означает, что он редко извиняется.

— Ройал, — папа снова протягивает руку, и Ройал пожимает ее, — мы скучали по тебе, и я очень рад, что твой обвинитель отрекается от своих заявлений. Прими мои извинения за то, что усомнился в тебе. Надеюсь, ты понимаешь, что это не было ничем личным.

Это официальное извинение, и мой отец перенес это стоически и с красным лицом, но тот факт, что он признает, что был не прав, будет занесен в историю семьи Роузвудов.

— Сэр, вы просто делали то, что считали необходимым для защиты своей дочери, —

отвечает Ройал. — Я уважаю это и поступил бы так же, будь на вашем месте.

Боже, держу пари, сказанное им, *убивает* его, но его слова обладают подлинным качеством, которое нельзя подделать.

Их руки опускаются, и папа кивает ему. Они задерживаются, смотрят друг другу в глаза с взаимным уважением, пока мама не вмешивается с медвежьими объятиями, предназначенными для Ройала.

— Боже мой, — говорит она, когда заканчивает его обнимать. Ее руки покоятся на его лице, и она всматривается в его глаза, словно пытается заглянуть ему в душу. — Ты так вырос. Ты уже не маленький мальчик.

— Нет, мэм, — отвечает он.

Она крепко обнимает его, вздыхая, и ее губы изгибаются в теплую улыбку. Этот момент так же исцеляет ее, как и его.

— Я скучал по вашей еде, — говорит Ройал дразнящим тоном.

Мама смеется, отходя от него, но все равно держится за его мускулистые руки.

— Останешься на обед? Я приготовлю все, что ты захочешь.

Ройал прижимает руку к груди в области сердца.

— Я бы с удовольствием, Блисс, но мне нужно на работу.

— Почему бы тебе не прийти на воскресный ужин? — спрашивает мама. — Я приглашу Дерека. Ты сможешь встретиться с нашей внучкой, Хейвен.

Ройал смотрит на меня, и я киваю.

— С удовольствием, — говорит он. — Я приду. Не пропущу ни за что на свете.

Ройал

— Эй, придурок, — Пандора первая встречает меня, когда я прихожу на работу в пятницу утром. Вчера я был «королем лохов». За день до этого «мудаком». В понедельник «чертовым идиотом».

Я игнорирую ее, как делал всю неделю, заглядываю в график и направляюсь на улицу, чтобы загнать «Ауди».

В течение следующих нескольких часов Пандора бросает смертоносные взгляды из окна, отделяющего стойку регистрации от мастерской, а я избегаю ходить там.

Мне нужно выбраться отсюда.

Я должен уйти от этой сумасшедшей суки.

Когда начинается обеденный перерыв, я выхожу через задний вход и обхожу здание, просто чтобы не проходить мимо нее, но только я выхожу из-за угла, как замечаю ее, сидящей на капоте моей машины.

— Ты собираешься игнорировать меня весь день, Ройал? — она скрещивает ноги, откидывается назад, оставляя отпечатки своих ладоней на гоночных полосках. На ее зубах размазана красная помада, а волосы так сильно стянуты, что уголки глаз приподняты вверх.

— Слезь с моей машины.

Пандора смеется и соскальзывает вниз.

— Да, сэр. Как скажете.

Она проводит пальцем вниз по кнопкам моей рабочей рубашки и кружит позади меня, когда я вставляю ключ в дверь со стороны водителя.

— Кстати, эта штука хорошо выглядит, — произносит она. — Никогда не находила возможности сказать тебе об этом, — я сажусь внутрь, намереваясь закрыть дверь, но встречаю сопротивление.

— Отпусти, Пандора, — рычу я.

— Ты все еще злишься из-за произошедшего на прошлой неделе? — ее губы растягиваются в ухмылке. — Боже, отпусти это.

— Ты спрашиваешь, не злюсь ли я, что ты сказала моей девушке, что я был насильником? — смотря на нее, я прищуриваю глаза из-за ослепляющего полуденного солнца. — Ты что, умственно отсталая, Пандора?

— Я предполагала, что она знает, — невинно произносит она, отшучиваясь. — Я имею в виду, разве ты не должен рассказывать об этом женщинам, прежде чем трахнуть их?

Юридически. Да. И это, видимо, Пандора знала. Но с Деми все было по-другому. Мне нужно было, чтобы она выслушала меня. Чтобы она окончательно не возненавидела меня, когда я скинул бы на нее эту бомбу.

— Да, ну, я больше не числюсь преступником, — нужно восстановить свое имя даже несмотря на то, что мне насрать на мнение Пандоры.

— О, это уже официально?

— Запись стерта. Мой обвинитель, наконец, призналась, что солгала насчет всего этого.

— Дай угадаю — твоя богатая сучка заплатила ей?

— Перестань называть ее чертовой сучкой, Пандора. Ты ее не знаешь.

— Я знаю достаточно о ней, чтобы понимать, что она слишком хороша для тебя.

— Ты жалкая, — я качаю головой и завожу двигатель, выворачивая руль в обратную сторону. Она шагает назад, что, вероятно, умно с ее стороны, потому что я чувствую, что могу легко ее сбить и, вероятно, не очень расстроюсь по этому поводу.

— Что у нее есть, чего нет у меня? — Пандора пытается перекричать рычание мотора.

— Все, — раздраженно говорю я. — Гордость. Милосердие. Достоинство. Прекрасное сердце.

Пандора закатывает глаза и делает вид, что засовывает палец в горло.

— В конце концов, ты устанешь от ее консерватизма, ванили, скучной задницы, а потом приползешь назад, — Пандора скрещивает руки на груди.

— Ха. Никогда, — у меня выходит надменный смех. — Не надейся.

— Да, возможно, пришло время рассказать отцу обо всех причудливых штучках, которые ты сделал со мной в задней части мастерской. Ты знаешь, когда наклонял меня над бамперами и трахал всеми этими грязными, фаллоподобными инструментами, разбросанными по всей мастерской.

У меня скручивает живот.

Секс с Пандорой возглавляет список глупых поступков, которые я совершил в последние несколько лет. У нее были очень специфические вкусы и очень обильный аппетит. Девиз Пандоры гласил: «чем грязнее секс, тем лучше». И я всегда стремился угодить.

— Итак, ты шантажируешь меня? — я надеваю солнцезащитные очки и смотрю прямо перед собой, потому что взгляд на нее не даст ничего, кроме превращения моей крови в расплавленную лаву.

Я думаю, что пришло время.

— К твоему сведению, — говорю я. — Я уйду и больше не вернусь.

— Куда, черт возьми, ты собираешься пойти?

— Куда бы ни захотел.

Я на протяжении многих лет жил по минимуму, экономя деньги. И, честно говоря, я даже не знаю, что меня спасало все это время. Я обходился малым, и у меня никогда не было ничего стоящего, чтобы тратить на это большие суммы.

— Ты останешься, — говорит она. — Вернешься. Ты не посмеешь оставить папу вот так. Ты же знаешь, что мы отстаем по срокам на три недели.

— Скажи Роду, что мне жаль. Я позвоню ему и объясню все позже, — я убираю ногу с тормоза и сдаю назад, оглядываясь через плечо.

Слыша мягкий хруст и скрежет гравия под шинами, я чувствую себя свободным.

— Куда ты уезжаешь? — кричит Пандора, как будто это ее чертовое дело.

Я в последний раз игнорирую ее, останавливаясь на секунду, чтобы расстегнуть свою рабочую рубашку и выбросить ее в окно, а затем уезжаю из Саут-Форка в последний раз.

Без определенной цели я катаюсь в течение часа или двух. Главным образом по проселочным дорогам, и поэтому я могу вдаваться в глубокие размышления. Через некоторое время я звоню Деми и говорю ей, что еду навестить ее. Она кажется удивленной, но не задает вопросов.

Сейчас я собираюсь забрать свою женщину, которую люблю, на обеденный перерыв. А после этого собираюсь заняться получением предварительного юридического образования,

и, возможно, когда-нибудь я поступлю в юридическую школу и стану адвокатом, как всегда и хотел.

Только я не буду следовать по стопам прокурора Роузвуда.

Я буду защитником.

Потому что хороших осталось единицы, и их не часто встретишь, и, может быть, просто может быть, когда-нибудь я смогу спасти невинного человека от семилетнего ада, который испытал сам.

Демид

Два месяца спустя

Корзина для продуктов свисает с моей руки, впиваясь в кожу. Мне нужно было взять тележку, но я приехала сюда, чтобы захватить скрепки и некоторые ингредиенты на сегодняшний ужин. Ройал попросил лазанью. Не в замороженном виде. По рецепту Блисс.

Таким образом, сегодня вечером он ее получит. Лазанью. Салат. Хлебные палочки.

Но, конечно же, когда я заблудилась, пытаюсь найти рикотту, то случайно наткнулась на его любимое печенье, и йогурт, и те маленькие засахаренные цукаты с изюмом, которые он любит.

Боже, он как ребенок.

Вот почему я редко беру его с собой в магазин. Он загружает нашу тележку всем, чем не попадая, и считает, что это весело.

И иногда это так.

Две недели назад он положил в тележку банку с маринованными свиными ногами, и я не видела ее, пока мы не подошли к кассе.

Сейчас я стою в очереди четвертая по счету, и у первой дамы переполненная тележка. Вполне уверена, что всем содержимым она смогла бы накормить маленькую страну.

Два других места занимают две пожилые леди в вязанных платках поверх седых коротких завитков. Одна дама носит подходящие друг другу бирюзовые серьги и кольца, а у другой губы покрашены помадой яркого малинового цвета.

Они, в основном, смеются и шепчутся. Через минуту выражение их лиц становится серьезным. Предполагаю, что их разговор принял более серьезный оборот.

— Это так грустно, Бетти, — говорит дама Малиновые Губки, касаясь руки подруги. — Все те люди, их пенсии... Пуф. Исчезло.

— Боже мой, я даже представить не могу, — говорит Бетти, ее голос выражает соболезнование. — Я живу за счет пансионата «Вергилия», но этот мальчик, половина города передала свои деньги этому человеку, чтобы он управлял ими.

— И все считали их сказочными богачами. Я просто знала, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — Малиновые Губки щелкает языком. — Я не знаю, что они собираются делать сейчас. Они слишком стары, чтобы все заново начинать.

Бетти перекрещивается.

— Теперь они в Божьих руках.

— Я слышала, что многие из людей ищут хорошего адвоката. Они собираются подать иск в суд на всеми любимого молодого человека, — говорит дама Малиновые Губки. Ее нарисованные брови взлетают вверх, и она выглядит как рассерженная учительница.

Я тут я начинаю понимать.

— Извините, — перебиваю я, потому что не могу больше терпеть, и приступ боли, возникшей у меня в животе, дает ощущение, что мне нужно это подтвердить. — Не возражаете, если я спрошу, о ком вы разговариваете?

Бетти оглядывается на меня, сглатывает и наклоняется ближе.

— Этот молодой человек — Брукс Эбботт с «Эбботт Финанс».

Мое сердце замирает, а во рту все пересыхает.

— Ты его знаешь? — спрашивает она. — Он твоего возраста. Не очень взрослый.

Я проглатываю ком в горле и киваю.

— Да, я знаю его, — говорю я. — Что он сделал? В точности?

Малиновые Губки наклоняется ко мне, рукой опираясь на плечо Бетти.

— У него была какая-то финансовая пирамида.

— О, Боже мой, — я почти бросаю свою корзину с продуктами, когда мои руки опускаются. Кредитные карты. Постоянное перемещение денег. Секретность. Он постоянно покупал и продавал разные вещи. У него никогда не было реальных денег.

— Сотни миллионов долларов. Все пропало, — Бетти качает головой. — Можешь себе представить?

— Как они узнали об этом? — спрашиваю я.

— По-видимому, он попал в ужасную аварию пару месяцев назад, — говорит леди с малиновой помадой. — Пока он поправлялся, его бухгалтер и партнеры просматривали записи, и цифры просто не сходились. Именно тогда они поняли, чем он на самом деле занимался.

— Вы знаете кого-нибудь из этих людей? — спрашиваю я.

Бетти кивает.

— Да, мы знаем большинство из них. А что?

— Если они еще не наняли адвоката, скажите им, что Роберт и Дерек Роузвуды из «Роузвуд и Роузвуд» являются двумя лучшими прокурорами штата. И вы не слышали это от меня, но у меня есть сведения, что у Брукса имеется значительный трастовый фонд, который станет активным через несколько лет. Он не покроет все, что они потеряли, но это поможет.

Очередь движется вперед, и первая дама толкает свою огромную тележку с упакованными продуктами к входной двери. Малиновые Губки кладет свою корзину на движущийся прилавок и обменивается приятной улыбкой с Бетти.

— Ну, солнышко, мы обязательно передадим сообщение, — говорит Бетти. — Ты можешь на это рассчитывать.

Ройал

— Они хотят заморозить все его активы, — губы Деми двигаются очень быстро, когда она выгружает продукты. Шкафы открываются и хлопают. Стеклянные банки с приправами гремят, когда она дергает дверцу холодильника на себя. Она в бешенстве, на взводе. — Все это время он управлял чертовой пирамидой. Ройал, он обманул не только меня, он обманул более половины населения Рикстон Фоллс.

Я закрываю учебник по Конституционному уголовному праву и встаю, чтобы помочь ей с остальными продуктами.

— И ты удивлена, почему? — я достаю печенье из сумки и открываю пакетик. — Спасибо, детка.

Она хлопает меня по руке.

— Подожди, пока мы не поедим, пожалуйста.

Деми хмурится, и на мгновение выглядит точно так же, как Блосс, и я ухмыляюсь.

— Ты сейчас похожа на свою мать.

Она закатывает глаза.

— Хорошо. Тогда, может, и моя лазанья будет такой же, как у нее.

— Я уверен, что в любом случае это будет вкусно.

— Как прошел день в колледже? — она достает из кладовой большую кастрюлю и выкладывает ингредиенты вдоль островка нашей небольшой квартиры. Здесь скромно и необычно, и это правильный размер квартиры для двух человек.

Мне бы не хотелось ничего больше, чем купить когда-нибудь дом для Деми, но сейчас я обучаюсь в колледже, а она заменяет преподавателя, поэтому работает не на полную ставку.

Однако, она не жалуется. Ни разу. И это я люблю в ней. Женщина моей мечты довольна тем, что просто находится рядом со мной.

Сейчас это говорит о многом.

Деми Роузвуд — хранитель, но я это уже знал. И я планирую сохранить ее. Навсегда.

Она вручает мне банку с томатным соусом, чтобы я открыл ее, и я с удовольствием кручу ее, прежде чем отдать ее обратно.

— Ты знаешь, — говорит она, — я тут размышляла по дороге домой.

— Хмм, да? — я дразню ее.

Она игриво толкает меня в плечо.

— Нет, я думала о том кольце.

Убранное в сейф в банке, безупречное обручальное кольцо Деми с пятью каратами. Согласно оценке оно стоит около ста тысяч, и мы надеялись использовать эти деньги для первоначального взноса за дом.

В то время это казалось оправданным. Брукс подставил ее, и ее отец все еще работает над мошенничеством с кредитными картами. Но у Деми всегда были некоторые сомнения.

— Вероятно, он купил это кольцо за чужие деньги, — говорит Деми. — Деньги он украл у хороших людей, живущих в Рикстон Фоллс, которые ему доверяли.

— Да. Я уверен в этом.

— Я хочу продать его и положить деньги на их счета. Это вряд ли покроет ущерб, нанесенный Бруксом, но это лучше, чем ничего. У нас есть остальная часть нашей жизни, чтобы спасти нашу пенсию, а они этого не смогут сделать.

— Это здорово, Деми, — я прочищаю горло и обнимаю ее за плечи. Она отлично подходит мне. — Я полностью согласен. Это правильный поступок.

Стук в нашу дверь в шесть часов сигнализирует о том, что наши гости прибыли.

— Я открою, — говорю я.

— Ройал! — Хейвен прыгает в мои объятия прежде, чем я успеваю открыть дверь полностью. Она обнимает меня за шею, повиснув на мне, и я поднимаю ее и отношу на кухню.

— Привет, мужик, — Дерек хлопывает меня по спине и улыбается.

Мы наверстываем упущенное последние пару месяцев. Знакомимся друг с другом снова. Оказывается, узы дружбы не так легко разорвать, как я думал. Иногда, когда мы тусуемся, возникает чувство, что мы никогда не расставались на такое продолжительное время. Это похоже на то, что кто-то поместил закладку между нами, которую мы убрали и продолжили с того момента, где остановились.

Деми говорит, что это мера истинной любви, а также настоящей дружбы. Я не могу не согласиться.

— Тетя Деми делает лазанью бабушки, — я сажаю Хейвен во главе кухонного стола, где ей нравится сидеть, потому что она любит быть в центре внимания.

— Привет, тетя Деми, — Хейвен поворачивается к ней.

— Привет, детка, — говорит Деми, поджаривая итальянскую колбасу на плите. — Я подойду для поцелуев через минуту, хорошо?

— Ладно! — Хейвен качает ногами под стулом.

— Это что, панда на твоей кофточке? — спрашиваю я.

Ее лицо озаряется, и она улыбается.

— Ты же знаешь, что я люблю панд. Это мои любимые животные, — я сказал ей это в прошлый раз, когда видел ее. На самом деле у меня нет любимого животного, но, похоже, это заставило ее улыбнуться.

— Я помню, Ройал, — говорит она.

— Она хотела надеть это для тебя, — говорит Дерек. — По-видимому, она почему-то очень тебя любит.

— А кто бы не любил? — я подмигиваю.

— Нужна помощь, Дем? — предлагает Дерек.

— Нет, нет. Вы можете пойти в гостиную и пообщаться, если хотите. Хейвен, ты не хочешь помочь мне сделать лазанью бабушки? — Деми поднимает деревянную лопатку и показывает ее племяннице. — У меня есть маленький передник, как раз твоего размера... И мне как раз нужна тонна помощи...

Хейвен смотрит на Деми, потом на Дерека и, наконец, на меня.

— Нет, спасибо, тетя Деми. Я буду играть с Ройалом. Он любит играть в «Лего» и собирать со мной пазлы, — Хейвен смотрит на меня своими большими синими глазами. Они такие же как у Деми. И если нам повезет, может быть, когда-нибудь у нас будет маленькая девочка с тем же самым взглядом.

— Ауч, — смеется Дерек.

— Это здорово, правда здорово, — говорит Деми, поднимая руки вверх. — Я поняла. С

Ройалом веселей. Я скучная. Я только крашу тебя и заплетаю волосы, но это здорово. Все, что угодно.

Хейвен спрыгивает со стула и подходит ко мне, протягивая руку к моей и хватаясь за нее.

— Пойдем, Ройал, — она ведет меня в гостиную, направляясь напрямиком к коробке с «Лего», задвинутой за диван. Хейвен оставалась с нами пару недель назад, пока Дерек развлекал нового клиента. Деми настояла на том, чтобы взять Хейвен в «Таргет» и купить все, что та захочет, и она выбрала «Лего» с пиратами. — Давай играть.

По крайней мере, она не выбрала Барби. Я бы никогда не отвязался от насмешек Дерека, если бы сидел на полу, одевая Кена.

Через час мы вчетвером сидим за кухонным столом, наслаждаясь обедом Деми, который в точь-точь такой же вкусный, как у Блосс, и Хейвен рассказывает мне все о ее новом дошкольном учителе.

— Они отпустили ее на три дня, — говорит Дерек. — Она самый умный ребенок в своем классе.

— Меня это не удивляет, — говорит Деми. — Она Роузвуд. Способность учиться у нее в ДНК.

— Кстати, об умных Роузвудах, — говорит Дерек. — Ты знала, что через несколько месяцев приезжает Далила? Она едет на какую-то свадьбу в апреле к одному из своих старых друзей из средней школы.

— Да, но мы собирались побывать в Чикаго в ближайшее время и навестить ее, — Деми протягивает Хейвен салфетку.

— Дай знать, когда поедете. Я тоже поеду, — говорит Дерек. — Если это не выпадет на выходные с Хейвен. Она плохо переносит самолеты.

— Представь это. Хейвен Роузвуд не может усидеть спокойно на месте дольше часа. Меня это не удивляет, — смеется Деми.

— Как продвигается твоя предварительная программа? — Дерек обращает свое внимание на меня.

— Довольно хорошо. Всего несколько недель в семестр, но пока все хорошо. Я действительно погружен в программу. Определенно чувствую, что это мое призвание, — я киваю, когда беру еще один кусочек и жую.

— Колледж Аллейндейл имеет одну из лучших юридических программ в штате, — говорит Дерек. — Хороший выбор.

Не то чтобы у меня было много вариантов, но я согласен. Это один из лучших колледжей, и мне он здорово подходит.

— Не уверен, в какую юридическую школу я пойду, — говорю я. — Я имею в виду, что у меня есть несколько идей, но многое будет зависеть от того, где к тому времени будет работать Деми.

— Естественно, — говорит Дерек. — Если тебе понадобится рекомендательное письмо, дай мне знать. И ты знаешь, что для тебя есть место в фирме, как только ты выступишься.

— Я ценю это, — говорю я. — Спасибо.

После ужина мы с Хейвен собираем на кофейном столике в гостиной пазл, состоящий из пятидесяти частей, и потом Дерек помогает все убрать. После того, как они уходят, Деми и я сворачиваемся на диване и пытаемся решить, какой фильм на DVD мы будем смотреть, чтобы наверстать упущенное.

— Как там Мисти? — спрашивает Деми, когда мы просматриваем диски. — Ты слышал от нее что-нибудь в последнее время?

Я тяжело вздыхаю и провожу рукой по своим волосам. С тех пор, как Мисти отказалась от своего обвинения, Деми поощряла меня простить ее. Она сказала, что мне нужно сделать это для себя, и прощение не будет означать, что она поступила правильно. Это всего лишь способ освободиться от гнева, освободиться от всего этого.

Сейчас, когда я больше не числюсь в списках преступников и Мисти больше не считается моей жертвой, мне по закону разрешено находиться в ее присутствии.

— Мона сказала, что она на каком-то стационарном лечении, — говорю я. — Она будет отбывать наказание, как только ее выпишут.

— Возможно, тебе стоит поговорить с ней в скором времени. Держу пари, она напугана. И должна быть. Тюрьма не шутка. И это место не для мягких или слабых.

Я выдыхаю, и Деми кладет голову мне под подбородок.

— Я знаю, что это не хороший способ провести время, — говорит она. — Но я думаю, тебе станет лучше, когда все это закончится. И, впоследствии, ей тоже. Из этого получится только хорошее.

— Да, — я целую ее в лоб. — Ты права. Я скоро навещу ее. Дам ей немного поощрения.

— Ты хороший старший брат, даже если ты так не думаешь, — шепчет она.

Я выхватываю пульт из ее рук и выбираю эпизод «Ходячих мертвецов».

— Эй! — вскрикивает Деми и пытается забрать его обратно. — Я думала, мы сегодня смотрим «Скандал». Я хотела кое-что... сексуальное.

— Оу. У тебя сегодня настроение для чего-то сексуального? — я встаю, переворачиваю ее на спину и взбираюсь на нее сверху. Пододвинув ее под себя, я прижимаюсь губами к ее губам, чувствуя, как она отвечает мне. — К черту телевизор.

Я сползаю с нее и поднимаю Деми с дивана, поглаживая руками по ее бедрам и заднице, прежде чем поднять на руки. Я отношу ее в нашу спальню, и ногтями она впивается в кожу моей головы, когда целует меня в шею.

Пусть это продолжается до конца моей жизни, и я буду самым счастливым человеком в мире. Мы могли бы переживать такие маленькие моменты снова и снова, как в День сурка, и я бы ни разу не пожаловался.

Когда я кладу Деми на нашу кровать, кровать, которую мы разделяем, кровать, которую мы собирали вместе в какой-то субботний день несколько недель назад, я наполнен только теплом и непримиримой, непоколебимой любовью к Деми Роузвуд.

Я смотрю в ее великолепные голубые глаза и вдыхаю ее мягкий запах, который заполняет электрическое пространство между нами. Наша любовь так же жива и живет, как и прежде.

Я поднимаюсь над ней, она прижимает голову к подушке и дергает за край рубашки, и я с абсолютной уверенностью могу сказать, что никогда не устану заниматься любовью с этой женщиной.

Никогда.

Независимо от того, сколько времени пройдет, я никогда не устану.

Я никогда не буду считать ее, как нечто само собой разумеющееся.

И, пока мы живы, я ни за что не стану подвергать риску наше счастье.

Дэми

Пять лет спустя

— Пойдем, увидим маму, — голос Ройала из-за двери моей больничной палаты заставляет меня сразу же забыть о жгучей боли между моих бедер от рождения почти пятикилограммового ребенка сегодня в три часа ночи.

По-видимому, мы с Ройалом делаем больших детей. Но они настолько чертовски восхитительны, что это компенсирует все менее неприятные вещи, которые идут с этим.

— Эй, детка, — тихо говорю я, когда наш трехлетний сын на цыпочках влетает в комнату позади отца.

Это его первый раз в больнице, и, судя по его опасениям, он не совсем уверен, что думать об этом.

Бекетт несет в руке букет лилий, рука прикреплена к руке, которая в настоящее время сломана и завернута в неоновый зеленый гипс, потому что две недели назад он решил залезть в старый дом на дереве, когда был у бабушки и дедушки. Он пробрался туда, когда никто не видел, и упал, когда попытался спуститься по лестнице.

Я пыталась поговорить с моими родителями. Дерево гниет, и это опасно. Но у них нет сердца. Папа продолжает ремонтировать ступеньки, когда они гниют, а мама плачет всякий раз, когда кто-то туда поднимается.

Они смотрели, как мы все выросли там. Сносить его было бы, как уничтожить живой кусок истории Роузвудов.

— Эй, приятель, хочешь отдать эти цветы своей маме? — Ройал убеждает его, взъерошивая верхнюю часть его волнистых темных волос.

— Вот, мама, — Бекетт протягивает мне цветы. Я насчитываю пять белых лилий и одну розовую. — Розовая для моей сестры.

Кэмпбелл шевелится в своей кровати, и Ройал подталкивает ее ближе к моей постели, а потом поднимает ее и кладет на мои руки.

— Ты хочешь поддержать ее, малыш? — спрашиваю я.

Бекетт кивает, и Ройал помогает ему.

— Спасибо за цветы, любовь моя, — я наклоняюсь вперед, на сколько могу, и целую его в лоб. Он пахнет клеем и пластилином, что неудивительно, так как большую часть дня он провел со своей кузиной Хейвен в доме дяди Дерэка.

— Всегда пожалуйста, — говорит он своим сладким мальчишеским голосом.

— Ты теперь старший брат, — говорит Ройал своим лучшим, суровым отцовским тоном. — Это довольно большая ответственность.

Я смеюсь.

— Не думаю, что он знает, что такое ответственность.

Ройал пожимает плечами, улыбаясь и глядя на свою новорожденную дочь.

— Скоро узнает.

— Сколько времени тебя не будет в фирме? — спрашиваю я.

Кэмпбелл родилась на две недели раньше, что, вероятно, хорошо, учитывая ее размеры,

но мы не ожидали ее, и это изменило наши тщательно продуманные планы.

Ройал выпячивает подбородок и машет рукой.

— Даже не переживай. Я буду столько, сколько тебе нужно.

Я все забываю, что в прошлом месяце он стал младшим партнером, одним из самых молодых в истории. Его босс, Ричард Мэдсен, был другом одного из старых профессоров права Ройала. Он нанял его недавно, сразу после юридической школы.

Папа был разочарован тем, что Ройал не захотел работать в «Роузвуд и Роузвуд», но понимал и уважал то обстоятельство, что Ройал работал в другом направлении.

Кроме того, приятно уехать из Рикстон Фоллс.

Новое начало помогло нам обоим.

И было слишком удручающе наблюдать за тем, как половина города потеряла все, что у них было, из-за интриг Брукса Эбботта. Папа и Дерек хотели взять дело на себя, но это был бы конфликт интересов, поэтому они отступили, и все мы наблюдали, как Эбботты потеряли все, что они когда-либо имели. Очевидно, интриги еще начались с ныне покойного отца Брукса, и судья приказал Бренде продать все, что у них было, незадолго до того, как она уехала из города навсегда.

Этого было недостаточно, чтобы покрыть все, что потеряли бедные люди. Сейчас Брукс за решеткой. И если ему повезет, он успеет встретиться со своим первым внуком. Последнее, что я слышала об Афтон, что она воспитывает свою дочь в подвале квартиры своей семьи в Глиддене.

Теперь мы с Ройалом живем в сонном маленьком городке Крествуд, к востоку от Рикстон Фоллс. Когда мы приехали, никто не знал наших имен или наших историй. Мы поселились, подружились с нашими новыми коллегами и соседями и оставили прошлое позади.

У нас прекрасная совместная жизнь, и теперь наша маленькая семья пополнилась Кэмпбелл. Мое сердце так переполнено, и, когда я думаю, что все из-за любви, я смотрю в сладкие глаза моей дочери, и моя грудь наполняется мощной, безоговорочной любовью.

— Она уже великолепна, — Ройал целует головку Кэмпбелл. — Как и ее мать.

Мы ожидали, что она будет с темными волосами, как это было с Бекеттом, но, похоже, что она будет блондинкой, как ее тетя Дафна и двоюродная сестра Хейвен.

— Твои родители уже в пути, — говорит мой муж. — И я позвонил твоим сестрам. Они хотели бы, чтобы ты зашла в FaceTime, как только будешь чувствовать себя лучше.

— Ты отправил фотографии?

— Конечно. Пока что пятьдесят.

Я смеюсь.

— А Дерек? Когда он придет?

— Он собирался забрать Хейвен со школы и приехать. Он должен быть здесь через пару часов.

— Как ваши дела? — входит наша медсестра с сияющей улыбкой от уха до уха. Она определенно «жаворонок», который рано встает и любит свою работу, и я не могу пожаловаться на это.

— Хорошо, — говорю я. — Очень хорошо.

Бекетт осторожно подходит к своей сестре и гладит ее головку мягкими медленными движениями. Мы с Ройалом обмениваемся взглядами, и у меня на глаза наворачиваются слезы. Это один из таких моментов, когда я бы хотела, чтобы рядом была камера. Вместо

этого мне нужно будет запечатлеть это и сохранить в памяти и в моем сердце на ностальгический дождливый день.

Или день, когда они будут рвать друг другу волосы и сводить меня с ума.

У нас всегда будет этот момент.

— Я буду любить ее вечно, — говорит Бекетт, прикладывая свою пухлую щеку к ее лбу.

Он смотрит на меня темно-синими глазами Ройала, и я моргаю, пытаюсь избавиться от слез.

Завтра утром нас с Кэмпбелл выпишут домой. Ройал заберет нас, и я уверена, что он будет ехать пятнадцать километров в час всю дорогу к дому.

И когда мы войдем внутрь, мы познакомим Кэмпбелл с нашим лабрадором, которую Бекетт назвал Марфой в прошлом году. Он пытался сказать Марта, но не мог произнести «т», и это было слишком мило, чтобы исправлять.

Когда она встретит своего четвероногого друга, мы покажем ей ее желтую комнату. Ройал настаивал на нейтральной детской, как он это делал с Бекеттом. Мы не знали кто у нас будет, что в то время убивало нашего планировщика, но я сделала это для мужа, потому что жизнь редко предлагает возможности для приятных сюрпризов.

— Мама, я хочу есть, — Бекетт потирает свой животик и печально смотрит на меня.

— Я отведу его на фуд-корт. Пойдем, приятель, — Ройал помогает ему слезть с кровати и берет его маленькую руку. — Мы скоро вернемся. Давай дадим девочкам отдохнуть.

Мой муж подносит руку ко рту и посылает мне поцелуй. Бекетт копирует его жест. Я отпускаю мальчиков, которых люблю больше всего на свете, и затем снова смотрю на свою дочь.

Я не могу решить, на кого она похожа. Иногда она похожа на меня, иногда на Ройала. И в то же время она не похожа на своего брата. Генетика — забавная штука.

Кэмпбелл снова крепко спит. Я поправляю ее пеленки и кладу обратно в кроватку, и просто смотрю.

Я могу часами наблюдать за ней.

Весь день, каждый день.

Она самая милая.

А я? Я самая удачливая.

Жизнь не всегда может быть сказкой, но, несмотря на это, мы можем построить счастливое будущее и быть вместе до конца своих дней.

** КОНЕЦ **

Больше книг на сайте — Knigolub.net